

ФРАНСУА БАРАНЖЕ

DOMINIUM MUNDI

СПАСИТЕЛЬ МИРА

Звёзды новой фантастики

Франсуа Баранже

Dominium Mundi. Спаситель мира

«Азбука-Аттикус»

2013

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Баранже Ф.

Dominium Mundi. Спаситель мира / Ф. Баранже — «Азбука-Аттикус», 2013 — (Звёзды новой фантастики)

ISBN 978-5-389-20247-4

Франсуа Баранже – многоликий художник: автор комиксов, иллюстратор книг (российский читатель знаком с его великолепными работами по повестям Говарда Лавкрафта «Зов Ктулху» и «Хребты Безумия»), дизайнер компьютерных игр. Он много работал для кинематографа как концептуалист («Принц Персии», «Гарри Поттер и Дары смерти», «Битва титанов», «Красавица и чудовище»). В 2013 году он написал научно-фантастический роман «*Dominium Mundi*», восторженно встреченный читателями и критикой. В 2017 году за ним последовал триллер «Эффект домино». 2202 год: на планете Земля после кровопролитной войны, охватившей все континенты, возникает Новая христианская империя. Урбан IX, всемогущий папа, властитель мира, железной рукой правит народами, вернувшимися к средневековому образу жизни. Космический корабль исследует созвездие Центавра в надежде завоевать для человечества новые территории, одна из планет оказывается обитаемой, более того, новоявленные колонизаторы обнаружили там подлинную гробницу Христа! Но попытка завладеть ею потерпела сокрушительное поражение. На Акию Центавра направлен с Земли гигантский космолет «Святой Михаил». В результате вторжения убиты тысячи атамидов, разрушены их города. Но среди многочисленных посланцев Земли наметился раскол, ведь далеко не все готовы уничтожать инопланетную жизнь огнем и мечом. Конец этой абсурдной войне намерен положить рыцарь-тамплиер Танкред. Он и его спутники получают уникальную возможность наблюдать изнутри за жизнью коренных жителей Акии Центавра. Удастся ли Танкреду наладить контакт с атамидами, или земляне сотрут эту уникальную цивилизацию с лица планеты? Выстоят ли аборигены против новых крестоносцев? Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-20247-4

© Баранже Ф., 2013
© Азбука-Аттикус, 2013

Содержание

Dominium Mundi. Спаситель мира	7
Часть третья	8
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Франсуа Баранже

Dominium Mundi. Спаситель мира

François Baranger

DOMINIUM MUNDI VOLUME 2

Copyright © François Baranger 2013

Иллюстрация на обложке Франсуа Баранже

© Р. К. Генкина, перевод, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021

Издательство АЗБУКА®

* * *

Гигантская галактическая фреска, навеянная «Освобожденным Иерусалимом» Торквато Тассо!

Жаклин Пино

Planète-SF

Фантастическая эпопея в духе «Проклятых королей» и «Аватара».

Geode

www.amazon.fr

Dominium Mundi. Спаситель мира

1

– Где ты, Адам, столь радостно приход встречавший мой, узрев издалека? Отсутствием твоим Я удручен и там, куда почтительности долг являлся, без призыва, нахожусь теперь в уединенье. Предстаю не с прежним ли сверканьем? Или, сам переменясь, ты скрылся? Или ты случайно задержался? Появись!

– Голос Твой в Раю я услышал, и убоялся, ибо я наг, и скрылся!

Кроткий Судия сказал безгневно:

– Голос Мой не раз ты радостно и не боясь ничуть слышал, – почто теперь он страшен стал? И кто тебе поведал, что ты наг? Не ел ли ты от Древа, чьи плоды Я строго запретил тебе вкушать?²

Джон Мильтон. Потерянный рай (1667)

Часть третья

VIII

Система альфы Центавра, Акия

30 октября 2205 (Относительное Время)

Надпись на фронтоне, воздвигнутом при входе в гигантский военный лагерь, гласила: «Новый Иерусалим».

Когда пришло время наречь крепость, некоторые голоса возвысились, возражая, что давать имя Святого Града военному лагерю – пусть даже такому исключительному, как этот, – было бы непозволительной дерзостью. Тем не менее вызванный этим названием всеобщий энтузиазм перевесил призывы к сдержанности, и Петр Пустынник устроил торжественную церемонию, которая была передана по тахион-связи на Землю и показана по всем каналам.

– Вот ваше расписание, лейтенант, – сказал капитан-связист Танкреду, скидывая файлы на его мессенджер. – Будет чем заняться несколько дней.

– Есть, мой капитан, – машинально ответил Танкред, забирая протянутый ему офицером маленький черный прямоугольник.

Матовая поверхность мессенджера переливалась мягким, медленно пульсирующим оранжевым свечением, которое сигнализировало, что данные загружены. Танкред дважды надавил большим пальцем, чтобы остановить пульсацию, и приложил мессенджер к браслету на своем правом запястье. Прямоугольник закрепился сам собой, слегка изменив форму и приспособившись к изгибу руки, затем, как любые часы, высветил время. В отличие от большинства людей, державших свой мессенджер в кармане, Танкред привык носить его так.

Он коротко отсалютовал уже забывшему о нем капитану, вышел из кабинета, чтобы освободить место для следующего младшего офицера, по пути к выходу из здания пересек внушительный холл главного командного центра и оказался на просторной эспланаде с покрытием из термобетона. Прямо напротив возвышался пункт связи, чьи антенны, некоторые высотой в сотни метров, блестели в лучах утреннего солнца.

Вместо того чтобы дожидаться челнока, Танкред решил пройти до казармы пешком. Небольшая прогулка ему только на пользу. Он двинулся по спускающейся к центральному плато грунтовой дороге. Командный пункт был возведен на скалистом возвышении, расположенном в самом центре лагеря крестоносцев. Таким образом, сейчас Танкред мог обозревать как Новый Иерусалим, так и его окрестности. Впечатляющая панорама, пусть даже не единожды виденная.

Огромный лагерь крестоносцев раскинулся на почти круглом плато, стодвадцатиметровые отвесные склоны которого возвышались над равниной; его диаметр местами достигал двух с половиной километров. Сама равнина вокруг была однообразно плоской, за миллионы лет выскобленной яростными ветрами, и первые признаки рельефа намечались только в сорока километрах к западу, где возникали отроги небольшой горной цепи.

Восемнадцать модулей, отделившихся от «Святого Михаила», опустились на поверхность через равные промежутки, заняв почти все плато. Поскольку изначально они являлись различными частями судна, то издалека их несхожие размеры и формы невольно воспринимались как кладбище кораблей. Однако это впечатление мало-помалу исчезало: между ними начинал выстраиваться город.

И действительно, за три недели выросли тысячи конструкций, которые по сравнению с прибывшими на «Святом Михаиле» металлическими мастодонтами выглядели игрушечными.

Большая их часть была бараками или же сборными пакгаузами, возведенными буквально за несколько часов.

Отныне отряды день за днем обживали новое место, прокладывая километры дорог, сокрушая холмы, закрепляя неустойчивые части, пролагая подземные водные коммуникации или устанавливая альвеолярные батареи, чтобы таким образом подготовить фундаменты будущих постоянных сооружений.

Вокруг Нового Иерусалима в срочном порядке был возведен защитный барьер, предохраняющий от вторжения. Расставленные на расстоянии сотни метров друг от друга мачты создавали поле мощного излучения, смертельного для любого живого существа, которое попыталось бы пройти между ними. Во всяком случае, для любого известного существа. Разумеется, это распространялось и на человека. Затем через каждые пятьсот метров установили базовые крепостные башни, снабженные тяжелыми пушками и пулеметами Т-фарад, что позволяло перекрывать весь ближайший периметр лагеря.

С западной стороны на бежевой поверхности плато выделялись длинные аэродромные полосы из термобетона, над которыми постоянно кружили самолеты-перехватчики, приступившие к барражирующим полетам, едва успев разместиться. На севере и на юге появились ворота, своими размерами соответствующие масштабам этой быющей все рекорды армии; они выходили на две проложенные с помощью взрывчатки в толще откосов дороги, которые обеспечивали войскам возможность спускаться на равнину. Внизу у дорог были установлены сверхукрепленные и снабженные мощным оружием пропускные пункты.

Танкред не прошел и полдороги, когда мимо промчался челнок, которого у него не хватило терпения дожидаться. Его заволокло облаком пыли, которую неизбежно поднимала любая проезжающая здесь машина, и он не смог сдержать приступ кашля. Кстати, с первых же дней пришлось установить ограничения скорости, иначе в городе в скором времени невозможно было бы дышать.

По-видимому, этот чертов водитель не получил соответствующих инструкций, раздраженно подумал Танкред.

Скалистый холм, с которого он спускался, представлял собой как бы плато на плоскогогорье. Он был высотой метров сорок, а его вершину перекроили, чтобы установить на ней модуль, в котором предполагалось разместить главный командный центр армии крестоносцев. Кроме того, пользуясь тем, что он возвышался над остальным пейзажем, там же устроили основной центр связи, а позже, когда строительство лагеря завершится, возведут и собор. А пока войска довольствовались сборными церквями.

Танкреду потребовалось не больше получаса, чтобы добраться до казармы смешанного 78-го подразделения, расположенной на востоке Нового Иерусалима, где размещались пехотные части. В семь утра температура была еще сносной, и прогулка была скорее приятной. После полутора лет, проведенных взаперти в летящей посреди космического пространства коробке, Танкред никогда не упускал случая оказаться на воле, где над головой не было ничего, кроме розоватого неба Акии Центавра.

Несмотря на ранний час, жизнь в лагере уже бурлила. Вереницы тяжелых транспортников перевозили сборные конструкции или разгружали тонны оборудования с помощью механических манипуляторов; солдаты, превратившиеся по такому случаю в каменщиков или разнорабочих, почти повсюду вколачивали в скалистое основание крепления и подпорки, предназначенные стать основой будущих построек, копали траншеи под кабели, заливали в ячейки бетон или же распаковывали невероятное количество инвентаря, готовя его к эксплуатации. На каждом углу, в каждом здании информационные панели передавали программы Интрасвязи, которые с момента высадки целиком посвящались освещению хода работ по возведению Нового Иерусалима.

Подразделению Танкреда, как и прочим, было поручено смонтировать собственные казармы. Спущенные сверху указания и планы предусматривали все до последних мелочей, так что им не было нужды обращаться к многочисленным инженерам, снующим по городу, чтобы помочь тем, кто запутался в объемистой технической документации. На протяжении всех первых дней после спуска на планету на плато царила необычайная суматоха, в которую вносил свою лепту беспрестанный грохот истребителей Н-6, пролетающих на низкой высоте, чтобы подавить возможное намерение врага предпринять неожиданную атаку.

Впрочем, Танкред про себя отметил, что атамиды совершили ошибку, не начав наступательные действия именно в тот момент; теперь же, когда гигантский военный лагерь был почти закончен, он стал неприступным.

Подойдя к строению, где в полном составе разместилось его подразделение вместе с еще одним, итого сто сорок солдат, он увидел, что все его люди выстроились вдоль столов, сооруженных из положенных на козлы досок, в тени натянутых между столбами больших тентов. А перед ними лежат разобранные винтовки Т-фарад. Танкред улыбнулся, поняв, что прапорщик Юбер, которому не нравилось, чтобы люди болтались без дела, заставил солдат разобрать, почистить и снова собрать оружие, пока их офицер не вернулся со своими приказами.

Скоро месяц, как армия крестоносцев находилась здесь, а ни одного сражения еще не было. Ни одного контакта с врагом. Ни одного хотя бы изданных замеченного атамиды. Кроется ли в этом какая-то хитрость или же признание слабости? Никто не знал, но у каждого имелись свои соображения.

На равнину спускались только разведывательные отряды, они прочесывали нагромождения скал и обследовали глубокие провалы, но ни разу не обнаружили ни следа атамидов. Истребители-перехватчики многократно облетали ближайшие горные цепи, но безрезультатно. Однако спутниковые наблюдения фиксировали повышенную активность в больших городах на севере и северо-востоке, за многие сотни километров от лагеря. Кое-кто полагал, что это признак исхода гражданского населения, испуганного прибытием крестоносцев, хотя никаких определенных доказательств не было.

По общему мнению, атамиды могли бежать и прятаться, где им заблагорассудится, однако рано или поздно столкновения с людьми им не избежать.

А пока штаб принял решение использовать отсрочку наступательных действий для того, чтобы обустроить и укрепить Новый Иерусалим. Поэтому войска в полном составе были привлечены к созданию инфраструктуры. С такими трудовыми ресурсами город вырастал из земли с рекордной скоростью. Однако эти люди были солдатами, а не рабочими, и сдерживать их желание помериться силами с врагом становилось все труднее.

– Лейтенант вернулся! – крикнул Юбер, едва завидев Танкреда. – Смирно!

Личный состав, до крайности довольный тем, что закончилась тягомотина с разборкой винтовок, повиновался в мгновение ока.

– Вольно, – бросил Танкред, едва удержавшись, чтобы не улыбнуться при виде выражения облегчения на лицах. – Вот приказы на ближайшие дни!

Трижды прикоснувшись к черной поверхности мессенджера, он включил трехмерный проектор, и над его запястьем возникло световое табло. Он прочитал:

– Во второй половине дня отправляемся в мастерскую номер четыре, чтобы помочь упаковать доставленный вчера со «Святого Михаила» груз; завтра мы нужны в северном госпитале на строительстве крыла В; два следующих дня наша помощь потребуется отряду девяносто четвертой базовой сторожевой башни, у южных ворот. Похоже, у них проблемы с неустойчивостью почвы, так что необходимо провести новые земляные работы.

Новость была встречена недовольным гулом. Два дня земляных работ под палящим солнцем и на краю обрывистого плоскогорья – это вам не увеселительная прогулка.

– Успокойтесь, – продолжил Танкред, – на этот раз нам будет разрешено использовать «Вейнер-Никовы».

Работать в боевом экзоскелете означало испытывать гораздо меньшую усталость, а главное – пребывать в микроклимате. В принципе их использование для простых работ было запрещено, однако когда планируются действительно изнурительные задания, руководство иногда давало временное разрешение.

– Мой лейтенант, – вмешался Льетто, – вы не сказали, что мы должны делать сегодня утром.

Льетто невозможно было сбить с толка.

– У меня в расписании ничего нет, – с невинным видом ответил Танкред. – Значит, сегодня утром вам вообще нечего делать.

Полное ощущение, что он объявил им о немедленном заключении под арест. Лица вытянулись, а беспокойные взгляды обратились на прапорщика. Тот, с хищной улыбкой и нахмуренными бровями, сцепил руки за спиной и встал в вызывающую позу.

– Выходит, ребята, сегодня утром вам только и остается, что в потолок плевать, – сказал он, почти не разжимая зубов.

В это мгновение Танкред готов был поклясться, что его парни предпочли бы столкнуться нос к носу с ордой бешеных атамидов, чем оставаться со своим прапорщиком.

– Раз уж вам предстоит два дня кайфовать в холодке в своих экзоскелетах, – продолжал тот непререкаемым тоном, – то отправимся-ка мы за ними на склад и убедимся, что они в идеальном состоянии до самой последней семтаковой пластины! Гарантирую, вы и не заметите, как утро пролетит!

Раздались возмущенные возражения, но Юбер со сноровкой опытного прапорщика, каковым и являлся, быстро заставил всех замолчать. Танкред уже собрался попросить его немного ослабить вожжи, но тут же опомнился. Давление, которое прапорщик оказывал на людей, было лучшим способом отвлечь их мысли от бесконечного ожидания сражений.

Его попустительство не ускользнуло от Льетто, и он подошел к Танкреду:

– Тебя это забавляет, да? Думаешь, очень прикольно оставлять нас в лапах этого буйно-помешанного?

– Да ладно тебе, друг, – засмеялся Танкред, – не злись. Я тоже помучаюсь вместе с вами. В конце концов, небольшая проверка совсем не повредит моему «Вейнеру»!

– Ну да, – пробурчал фламандец. – Вы оба просто извращенцы, и точка.

Внезапно из всех громкоговорителей Нового Иерусалима раздался властный голос, хорошо известный каждому: голос Петра Пустынника. Все без исключения бросили свои дела и замерли, готовые внимать духовному вождю крестового похода.

– *Milites Christi! Прошу вашего внимания. Хочу официально поблагодарить вас за прекрасную работу, которую вы проделали с момента нашего прибытия на эту враждебную планету.*

Прежде чем продолжить, он сделал паузу, во время которой во всем лагере крестоносцев не раздалось ни звука. Подобная тишина воцарилась здесь впервые за три недели.

– *Вопреки тяжелым климатическим условиям вы не пожалели сил, чтобы воздвигнуть этот замечательный город, который на сегодняшний день практически завершен. А посему его святейшество папа Урбан Девятый пожелал поблагодарить и ободрить вас, дав сегодня свое благословение Новому Иерусалиму. Нынче утром я проведу особое богослужение на плато главного командного центра, где нам будет явлено голографическое изображение святого отца, чтобы все могли услышать его речь. Из чего следует, что все приказы касательно любой деятельности сегодня утром отменяются, а войскам предлагается собраться к десяти часам у подножия верхнего плато, за исключением тех, чье присутствие необходимо в ином месте. Да пребудет с вами Господь.*

По завершении речи солдаты 78-го буквально подпрыгнули от радости. Даже самому прапорщику Юберу не дозволено игнорировать наставление Петра Пустынника. А значит, никакой сборки-разборки экзоскелетов сегодня утром.

– Ха-ха! Ну что, съел, да? – воскликнул Льето, ткнув Танкреда локтем.

– Ладно, на сей раз я проиграл, – подмигнув ему, признал младший лейтенант. – Но за мной не пропадет. Не каждое же утро вам получать папское благословение!

Танкред размышлял, почему эта, ранее назначенная на следующую неделю церемония была так внезапно перенесена. Может, в верхах решили таким образом укрепить моральный дух войск? Кстати, судя по всеобщему возбуждению, эффект был достигнут.

Прапорщик пронзительно свистнул, призывая 78-е к спокойствию.

– Отлично, парни, вы избежали проверки «Вейнеров»! Но прежде чем пойти повыпендриваться перед штабом, вам все-таки придется собрать свои винтовки и сдать их в арсенал. Выполняй!

Через сорок пять минут все подразделение нестройными рядами двинулось к скалистому пику командного центра. Хотя у этого места не было официального наименования, между собой люди называли его «контрольной башней» или просто «Башней» из-за его формы, а главное, потому, что именно оттуда, когда придет время, штаб армии крестоносцев будет руководить сражениями.

Поскольку их казармы располагались не так уж далеко, Танкред предпочел отправить людей пешком, а не ждать челнока. Ведь куча народа пожелает почти одновременно им воспользоваться.

Шагая в конце колонны и замыкая движение, он разглядывал Льето и Энгельберта, которые шли рядышком где-то в середине. После пребывания Льето в госпитале между братьями словно кошка пробежала, и Танкред знал, что причиной отчасти послужил он сам. Тем не менее он сделал все от него зависящее, чтобы убедить Льето забыть накопившееся недовольство и наладить нормальные отношения с Энгельбертом. И если молодой фламандец по-прежнему таил обиду на брата, Танкред ничего больше не мог с этим поделать. Льето все еще отказывался рассказать, что именно наговорил ему Энгельберт на выходе из «Сентраль-Шарите» и что привело его в такую ярость. По крайней мере, на этот раз Льето сделал над собой усилие и пристроился рядом с братом.

Когда впереди замаячила контрольная башня, вокруг уже собралась внушительная толпа. Десятки тысяч мужчин и женщин сгрудились у подножия пика, расположенного сорока метрами выше, а со всех сторон прибывали все новые и новые. Офицеры, сидевшие в висящих гондолах, как в тренировочных куполах, надрывали горло, пытаясь привнести в этот человеческий прилив подобие организованности.

Места у подножия пика было вполне достаточно, чтобы вместить всю армию крестоносцев. Тем не менее Танкред подумал, что со стороны Урбана IX было бы более мудро не тянуть и дальше со своей молитвой. Жара уже стояла невыносимая, но это лишь цветочки по сравнению с тем, что будет в полдень. В это время никто не сможет оставаться на солнце больше двадцати минут, не потеряв сознания.

Льето подошел к Танкреду и указал пальцем на солдат:

– Посмотри-ка туда, разве это не охрана базовых башен?

И действительно, Танкред увидел людей в легких боевых доспехах с фиолетово-оранжевыми погонями.

– Ты прав, черт побери, – кивнул Танкред с неодобрительной гримасой. – Речь папы – слишком большой соблазн, и наверняка здесь куча солдат, которые покинули свои посты, хотя и не имели права. Пойду-ка скажу им пару ласковых.

Льето удержал его, положив руку на плечо:

– Если хочешь меня послушать, не лезь в это дело. Они тебе не подчиняются, начнется скандал. К тому же за три недели никто не видел и тени атамида, вряд ли уж так не повезет, что они кинутся в атаку как раз, когда...

Конца фразы Танкред не расслышал; над толпой раздался оглушительный крик. Подняв глаза, он увидел, что на вершине появился Петр Пустынник.

Его вид, пусть даже издалека, всколыхнул в Танкреде болезненные воспоминания. После трагического заседания Совета крестоносцев, где на него наложили столь суровую кару, он ни разу не оказывался в присутствии *Praetor peregrini*. Хотя, как ни странно, после посадки тот вообще почти не появлялся на публике, Танкред отметил, что духовный вождь по-прежнему оказывает гипнотизирующее воздействие на толпу, одним своим появлением вызывая мощный взрыв энтузиазма. Властным жестом Петр заставил приветственные возгласы стихнуть.

Когда воцарилась тишина, он обвел войска долгим пристальным взглядом, раскинул руки и торжественно провозгласил:

– *Milites Christi!* Отец Новой христианской империи, воскресивший *Dominium Mundi*, и суверен Римской католической апостольской церкви, его святейшество папа Урбан Девятый!

Над толпой блеснула вспышка, и появилось изображение старика в простой белой шапочке, сидящего в кресле и скромно облаченного в *sappa magna*¹, алые складки которого спускались ему до пят.

Перед эспланадой парила созданная мощным голографическим проектором штаб-квартиры и передаваемая из пункта связи, расположенного над Петром, огромная проекция. Извлечь пресловутый проектор ISM-3n из зала главного командования было невозможно, поэтому искаженная передачей на пункт связи картинка казалась тусклой, плоской и даже как будто прозрачной. Танкред подумал, что если атамиды шпионят издалека, то сейчас они, должно быть, недоумевают, что за тридцатиметровый призрак появился над их завоевателями.

Своим легендарным певучим голосом папа начал речь, благословляя Новый Иерусалим.

* * *

– Сейчас самое время! – крикнул Паскаль, ворвавшись в мастерскую и едва переводя дух.

Я так сильно вздрогнул, что выпустил из рук блок сервера, над которым трудился, и тот разбился об пол.

– Северный подъемник остался практически без наблюдения, они все сбежали слушать папу!

– Твою ж мать! – выговорил я неожиданно писклявым голосом, так сильно забило вдруг сердце.

Вот и настал тот долгожданный и пугающий момент, когда нам придется попытать счастья перед лицом судьбы. Стоит мне дать сигнал к началу операции, и отступать будет некуда, придется идти до конца любой ценой.

К тому моменту, когда почти месяц назад мы высадились вместе с остальными войсками, Сеть уже три недели тщательно готовила эту операцию. На самом деле спусковым крючком послужил разрыв с Танкредом.

Случившаяся с ним внезапная перемена вогнала меня в жуткую ярость. Я не мог понять, что должно было произойти в его голове, чтобы простое разжалование и лишение каких-то знаков отличия вызвало такой переворот. Когда он начал пудрить мне мозги своей историей с добрым христианином, которого коснулась благодать, мне показалось, что я говорю с другим человеком. Этот придурок, который нес чушь о бесценности вновь обретенной веры, не мог

---

¹ Каппа Магна, или Плувиал (*um. pluviale*, *sappa*, *mantus* от *lat. pluvia* – дождь), – элемент литургического облачения католического священнослужителя: полукруглый плащ без рукавов, закрывается спереди пряжкой.

быть тем Танкредом, которого я знал! Совершенно ужасно было видеть, как рассыпаются в прах выстроенные с таким терпением и упорством и столь благотворные отношения. Неужели та атмосфера доверия и взаимного уважения, которую нам удалось создать, так мало значила для него? Достаточно было строго одернуть его и наложить пару наказаний, чтобы все прекраснодушные разговоры, которые мы вели о важности истины и справедливости, отправились на дальнюю полку? Мое разочарование было огромным и болезненным. Неужели он оказался так наивен?

Помимо всего прочего, должен признать, что задета оказалась и моя гордость. За долгие месяцы Танкред сумел стать чем-то намного большим, нежели простой контакт Сети, – он стал другом. И возможно, даже более близким, чем все остальные. Подумать только, а я-то считал, что это взаимно...

Короче. Этот потрясший меня эпизод, по крайней мере, открыл мне глаза. До того момента отношения с Танкредом позволяли мне лелеять приятную мысль, что даже в высших классах встречаются приличные люди. И что даже там мы можем найти союзников, и, не исключено, со временем надежные связи в верхах позволят нам убедить штаб вернуть на Землю тех бесшипников, которые этого пожелают. Пустое! Я тешил себя иллюзиями, и пощечина, полученная от Танкреда, разнесла их вдребезги.

Отныне мне предстояло смириться с реальностью во всей ее неприглядности: я не вернусь на Землю. Гийеметта и папа сгинут в нищете.

Тем не менее оставался один шанс. Ничтожно малый, конечно, но все же лучше, чем ничего. И для этого надо было не торговаться или умолять – следовало *заставить* штаб. А значит, Сеть должна перейти к *конкретным* действиям. Не прошло и часа после нашей встречи с Танкредом, как я созвал внеочередное собрание «Метатрона Отступника». В тот же вечер мы в общих чертах наметили план операции.

Рассказав, что произошло между мной и экс-лейтенантом и какая мысль посетила меня после этого, я потребовал официального голосования относительно предложенного мной поворота в деятельности Сети. Я даже настаивал на единогласии и получил его. Полагаю, та холодная ярость, что сжигала меня, как и вновь приобретенная решимость, должны были произвести впечатление на остальных. Я, всегда бывший в группе резонером и прагматиком, вечным сторонником полумер, а не радикальных решений, предложил им ни больше ни меньше, чем мятеж, восстание.

На протяжении следующих недель члены Сети не жалели усилий. Следовало тщательно отобрать тех, кто примет участие в операции, подготовить карты и маршруты, запрограммировать несколько хакерских взломов, причем некоторые из них, едва дело пойдет всерьез, должны будут сработать автоматически, наметить транспорт и оборудование, которое нам предстоит украсть, попытаться раздобыть оружие, а главное – составить настоящий план действий, серьезный и реалистичный.

Эта фаза закончилась менее чем за сорок восемь часов до схода с орбиты отделяемых модулей. Дальше нам пришлось, как и всем остальным, запастись терпением в ожидании дня Д. Долгие часы, когда каждый из нас чуть ли не до наваждения перебирал в уме все детали операции.

После высадки нам, разумеется, пришлось вместе с другими выкладываться по полной, чтобы возвести на пустом месте этот город. Поэтому в первую неделю сама операция была отложена на неопределенное время, за исключением разведывательных действий, призванных подтвердить, что лагерь строится строго по проектам, разработанным инженерами. Мы тщательно отобрали пакгаузы и мастерские, расположенные наиболее удобно для того, чтобы операция могла развиваться незаметно; не хватало только, чтобы в результате они оказались выстроенными в другом месте.

Затем мы получили окончательные назначения, и каждый обосновался в своей новой казарме и в новом рабочем окружении, как если бы собирался здесь оставаться. Нас, как говорят военные, *дислоцировали* в различные мастерские по монтажу информационного оборудования, где нам было поручено собрать и установить все, что касалось компьютеров лагеря, будь то обычные устройства или биоСтрукт. Ради осуществления этой сверхчеловеческой задачи были мобилизованы все более-менее разбирающиеся в информатике инженеры. Таким образом, оставшийся на борту «Святого Михаила» Нод-2 оказался без большинства пультавиков, хотя особых рисков ожидать не приходилось, поскольку корабль теперь опустел и обезлюдел. Как только информационная сеть Нового Иерусалима будет работоспособна, пультавики вновь заступят на дежурство, чтобы контролировать огромный биоСтрукт корабля, но уже с поверхности планеты.

Наше начальство не дураки! И речи не шло о том, чтобы снова поднимать на борт тех, кого не собираются отправлять потом обратно на Землю.

Как только каждый участник операции занял свое место, мы приступили к завершающей фазе подготовки, состоящей в том, чтобы припрятать значительное количество припасов и оборудования, которые мы крали со складов благодаря незаметному проникновению в управляющие программы. Все шло как по писаному, и я в конце концов преисполнился некоторой гордости за наш план, который так отлично срабатывал, и даже определенной долей самодовольства. Но Паскаль развеял его в одно мгновение, когда ворвался в мастерскую, где я работал, и объявил, что только что образовалась та брешь в системе безопасности, которую мы поджидали.

В сущности, *мы* это и вызвали. Мы вторглись в программу тестирования общественного мнения, которому регулярно подвергали солдат, и изменили его результаты, чтобы в верхах решили, будто моральный дух войск падает опасно низко. Потом, когда в результате тонких манипуляций с самой программой она выдала рекомендацию сдвинуть благословение папы с целью повернуть негативную тенденцию вспять, наши собственные прогнозы довольно надежно предсказали, что вследствие небольшой дезорганизации из-за перемены дат меры безопасности на подходах к лагерю значительно ослабнут.

Только этого последнего параметра мы и ждали. И вот мы его получили.

С пересохшим ртом и бешено колотящимся сердцем я смотрел на стоящего в дверном проеме Паскаля, силуэт которого резко вырисовывался на фоне быющего в спину ослепительного света. Я шурился и пытался перехватить его взгляд. Он тоже смотрел на меня, безуспешно стараясь перевести дыхание. Мы оба несколько секунд помолчали, прежде чем я набрался мужества и наконец крикнул неуверенным голосом:

– Начинаем, предупреди остальных!

* * *

Несколькими ловкими движениями, пару раз пустив в ход руки, Танкред вскарабкался на нагромождение камней у края плато, с высоты которого он уже привык наблюдать восходы и закаты альфы Центавра. Очень скоро это место стало его новым персональным укрытием, как старая ива на борту «Святого Михаила». Только на этот раз он делил его с Клориндой. Кстати, она вот-вот должна к нему присоединиться.

Солнце уже почти касалось горизонта, и небо быстро темнело, окрашиваясь в странные пурпурно-изумрудные тона. Несколько тонких облачных струек на огромной высоте ловили последние огни закатывающегося светила. Скоро уже месяц, как люди высадились здесь, а еще не выпало ни одного дождя. Однако по проведенным первой экспедицией наблюдениям было известно, что, когда приходят дожди, сухую почву заливают настоящие потоки, сбегая ручьями в бесчисленные провалы, где питают влагой единственные растительные зоны этой планеты.

Танкред устроился во впадине скалы и погрузился в созерцание панорамы. Температура уже спадала, но плотная полевая форма надежно защищала его от прохлады подступающего вечера. Единственным доносящимся до него звуком было едва различимое гудение установленного чуть ниже вдоль дозорной дороги защитного барьера.

Как и у всех, первым, что отложилось в сознании Танкреда после высадки на Акию, стала гравитация: чуть более слабая, чем на Земле, но немного сильнее, чем на борту «Святого Михаила»; вторым стал свет, слишком резкий с самого восхода и практически невыносимый в середине дня – впрочем, всем было строго рекомендовано носить специальные поляризационные солнечные очки – и имевший розоватый оттенок, который переходил в фиолетовый с наступлением вечера. Танкред машинально поднял голову к звезде желто-оранжевого спектрального класса, каковой была альфа Центавра А, в надежде разглядеть одну из ее спутниц, но, разумеется, не смог ничего увидеть.

А вот воздух оставлял странное ощущение в носу – как будто смесь неопределимых запахов, отдаленно напоминающих дым костра или какие-то грибы. Поначалу это удивляло, но привычка очень быстро взяла свое. Эта смесь с малым содержанием азота вполне подходила для дыхания. Однако в момент, когда впервые распахнулись люки модулей, открыв доступ атмосфере новой планеты, Танкред, как и все, задержал дыхание.

Он подошел к краю плато, чтобы открыть для себя те новые территории, которые они прибыли покорить. Пейзаж заморозил его: засушливый, безводный, с каменистыми равнинами, изрытыми глубокими каньонами, гигантскими скалами, которые неустойчиво утвердились на основаниях из спекшейся от солнца земли за миллионы лет ветровой эрозии, и скудными водяными потоками, спадающими с высоких плато в узкие лощины.

А главное – разломы. Повсюду!

От самых мелких, всего в несколько метров, до огромных, тянущихся на тысячи километров, все куда больше в длину, чем в ширину, и очень глубоких. Их было столько, что иногда возникало ощущение, будто по растрескавшейся от солнца земле разбегаются колонии муравьев. Увиденные из околопланетного пространства разломы делали Акию похожей на гигантский ком спекшейся грязи. Большинство из них были безводными, но в некоторых, наоборот, бурлила жизнь. Дело в том, что днем в них очень ненадолго проникало солнце, туда же стекала вода редких дождей, так что в глубине этих провалов, называемых «лесистыми», иногда таились густые джунгли.

Еще дальше высились горы, вершины которых терялись в туманной атмосфере. Их кажущаяся близость была обманчива: Танкред знал, что на самом деле до них очень далеко и они очень высоки. Некоторые, как он помнил из курса «центаврийской» географии, уходили вверх на двадцать километров.

Его внимание привлек шум внизу. По дозорной дороге шагали два охранника в боевых экзоскелетах. Один из них в знак приветствия махнул ему рукой, Танкред машинально ответил. Поскольку уже темнело, они включили функцию ночного видения. В их полукруглых забралах на уровне обзора угадывались два люминесцентных круга, светящихся в ночи, словно кошачьи глаза. Правда, Танкреду казалось, что это делает людей похожими скорее на волков.

Внезапно он ощутил чье-то присутствие. Быстро обернувшись, он обнаружил прямо над собой Клоринду. Его пульс участился.

– Добрый вечер, – с легкой улыбкой произнесла она своим звонким голосом. – Похоже, мне удалось застать тебя врасплох...

Он, тоже улыбаясь, кивнул.

– Вынужден признать, что не слышал, как ты приблизилась, – ответил он. – Думаю, тебе еще недолго проходить подготовку постмета.

Она легко спрыгнула со скалы, Танкред поднялся, чтобы подхватить ее. Они горячо обнялись.

С тех пор как Танкред порвал отношения с Альбериком, а главное, с того вечера, когда в садах Армиды он открылся Клоринде, к нему наконец-то вернулось душевное равновесие. Он заставлял себя не думать ни о чем, кроме воинского долга, стараясь позабыть все свои сомнения и те проблемы, которые заронил в его душу Альберик. Это оказалось проще, чем он предполагал. Никогда раньше ему не удавалось так действенно умирять свои крамольные порывы.

А причина была проста: Клоринда.

Молодая женщина постоянно занимала все его мысли, не оставляя места ни для чего другого. Он понимал, что это единственное объяснение, одной его воли не хватило бы, но ему было все равно. Другими словами, впервые в жизни он влюбился.

– Давно меня ждешь? – спросила она, прижимаясь к нему.

Его спину, делаясь накопленным за день теплом, приятно грела скала.

– Всего несколько минут. Хотел посмотреть на закат солнца. Кстати, ты пришла как раз вовремя.

Прямо перед ними проваливалось за горизонт огромное светило и, прежде чем исчезнуть окончательно, поджигало дальние горные цепи. Чуть выше в небе стала отчетливо видна одна из его звездных сестер. Теперь, когда главная звезда погасла, зрелище своего маленького красного диска, как и во все ночи, когда ее можно было рассмотреть, явила Проксима Центавра, окрасив пейзаж в кирпичные тона. В системе трех звезд по-настоящему темные ночи были редкостью.

Двое влюбленных долго болтали в сгущающихся сумерках, делаясь событиями последних дней или своими впечатлениями от Нового Мира; в минувшие недели им редко представлялась возможность увидеться. Танкред знал, что, согласно аристократическим обычаям, ему положено ухаживать за ней по всем правилам галантной любви, но его эти правила всегда раздражали, да и Клоринда, как ему казалось, придерживалась тех же взглядов.

Когда температура опустилась слишком низко даже для их теплой одежды, они покинули свой каменный приют и направились в сторону казарм. И тут Клоринда сообщила ему:

– Перед самым приходом сюда я слышала по Интра, что у северного подъемника произошла какая-то скверная заварушка. Если я правильно поняла, шайка бесшипников украла оружие, захватила пост охраны подъемника и дезертировала. Похоже, среди охранников полно раненых или даже убитых.

Танкред сразу представил, что среди бунтовщиков, возможно, был Альберик. И не смог сдержать дрожь.

– Я подумал, что в налете мог участвовать твой бывший друг, – бросив на него загадочный взгляд, продолжала Клоринда, – и тебе будет интересно узнать.

– Я... не знаю. Вообще-то, на него не похоже. Но допускаю, такое возможно... – согласился Танкред, которому было очень не по себе.

Новость подействовала на него сильнее, чем он мог предположить. При мысли, что Альберик только что загубил свою жизнь и в этом есть доля его вины, Танкред ощутил ком в желудке. Возможно, если бы он не оттолкнул его так резко, тот не совершил бы столь решительного поступка.

– В любом случае мы скоро все узнаем, – заключила молодая женщина. – Наверняка их быстро отыщут и будут судить.

Танкреду не хотелось ей возражать. Однако, насколько он знал Альберика, на его взгляд, бесшипник ничего не оставил бы на волю случая, и дезертиров будет не так легко поймать, как казалось Клоринде.

* * *

– Всем надеть защитную термоодежду! – приказал я достаточно громко, чтобы все услышали. – Скоро сильно похолодает!

Сотня бесшипников, собравшаяся в голове колонны, которая была образована восемью транспортниками класса «Косатка» – большегрузами, предназначенными для перевозки оборудования и войск, – безропотно повиновалась и принялась доставать комбинезоны и передавать их друг другу. На фоне сиреневых отсветов ультрафиолетовых фар от их дыхания над ними султанами поднимались завитки пара.

Несмотря на холод и усталость, я немного расслабился. Операция несколько раз оказывалась на грани срыва, но в целом все прошло скорее неплохо. Как только сегодня утром Паскаль предупредил меня об ослаблении контроля над северным подъемником, мы послали условный сигнал всем участвующим в нашем плане членам Сети. С этого момента мы пошли ва-банк. Повернуть назад было уже невозможно.

Как и намечалось, каждая из восьми групп взяла на себя кражу одной из «Косаток», которые ждали в своих ангарах, по официальной версии поставленные на прикол из-за неполадок. Разумеется, они были в полном порядке, но для уверенности, что в нужный день они будут на месте, мы устроили так, что по статусу в базе данных они находились на *«текущем ремонте»*. Я сам был в одной из этих групп. Мы раздобыли себе форму спецов, так что никто не удивился, что мы забираем машины.

Мы устроились в просторной кабине, и водитель направил транспортник к выезду из ангара. Через несколько минут нам следовало остановиться, чтобы прихватить еще десяток наших, незаметно укрывшихся под регенератором дождевой воды. Оружие было у них. Каждый, хотя и без особого энтузиазма, взял себе ствол. Мы надеялись, что воспользоваться им не придется. Во время долгих совещаний, когда обсуждались детали подготовки, я особо настаивал на этом пункте. Следовало во что бы то ни стало избежать применения силы, иначе у военных будет отличный предлог прикончить нас, если мы попадем им в руки. К тому же мы слишком уподобились бы тем, кого так ненавидели.

К несчастью, я и не подозревал, до какой степени окажусь прав.

Весь наш маленький отряд устроился в «Косатке»: в каждом транспортнике мы рассчитывали разместить человек по двенадцать. Всего нас была ровно сотня. Сорок восемь женщин и пятьдесят два мужчины. Мне бы хотелось, чтобы мужчин и женщин в этой операции оказалось поровну, но отбор проводился по другим критериям. Впрочем, как и в остальной армии крестоносцев, женщин среди бесшипников было меньше, чем мужчин.

«Косатка» опять пришла в движение и направилась к третьей точке встречи. В ангарах, любое упоминание о которых тщательно удалили из компьютерной памяти, были припрятаны легкие внедорожники, называемые «багги»², с большим запасом продовольствия. Каждая из восьми групп отправилась в тот, к которому была приписана, и четырнадцать багги были загружены в багажные отсеки больших транспортников. Вообще-то, мы собирались забрать шестнадцать, но не успели. Значит, когда мы избавимся от «Косаток», кому-то придется заканчивать переход пешком.

Под равнодушными взглядами нескольких запоздалых прохожих, спешащих услышать обращение Урбана IX, оставшееся продовольствие и оборудование быстро перекечевали в наши трюмы. Лагерь был практически пуст, и никто не обратил на нас внимания.

---

² *Багги* – небольшой легковой автомобиль высокой проходимости для езды по бездорожью. Впервые багги появились в 1950-е годы в США. Для изготовления первых багги обычно использовались вышедшие из употребления автомобили «фольксваген-жук». От уменьшительной формы американского названия «жук» и произошло название «buggy», то есть «жучок».

Ситуация изменилась, когда все восемь транспортников объединились в колонну, где-то метрах в восьмистах от северного подъемника. Такая колонна монстров не может остаться совершенно незамеченной (все-таки длина «Косаток» около тридцати пяти метров, и весят они порожняком порядка сорока тонн). Кое-какие группки людей, слушающих речь папы по общественным панелям, поворачивались к транспортникам и указывали на нас пальцем. Главное, чтобы никто из этих болванов в приступе внезапно обострившегося чувства долга не предупредил вышестоящих, что здесь происходит нечто странное.

– Вон сторожевой пост подъемника, – напряженным голосом сказал мне Сильвио, указывая на сборный домик прямо перед нами. Я предпочел быть в одной команде с ним, а не с Паскалем. Не следовало нескольким основным руководителям Сети оказываться вместе – на случай, если одним группам удастся бежать, а другим – нет.

– Не похоже, что у них объявили тревогу, – заметил я, внимательно оглядывая все вокруг. – Я вижу только одного дежурного часового, остальные наверняка внутри.

Северный подъемник был огромным грузовым лифтом, позволявшим не заморачиваться на извилинах ведущей к лагерю дороги. Для самых крупных машин или бронетанковых войск возможность спуститься напрямик на уровень равнины через вертикальный колодец означала серьезную экономию времени. Другой такой же подъемник соорудили у южных ворот.

Из будки вышел часовой и преградил нам путь. Я внимательно вглядывался в его лицо, пытаясь обнаружить признаки тревоги, но не различил ничего, кроме легкой скуки. Наша «Косатка» остановилась в метре от него, и вся следующая за нами колонна тоже затормозила. Я нарочно потянул время, медленно открывая дверцу и спускаясь по лесенке; за мной вышел Сильвио, а водитель остался за рулем.

– Это что за бардак? – со вздохом поинтересовался часовой, не дав мне и слова сказать. – Или на сегодня назначены маневры?

Он покрутил у меня перед носом мессенджером, демонстрируя объемную проекцию своего расписания.

– В сегодняшних приказах ничего не сказано про спуск восьми «Косаток»!

В этот самый миг внезапно появилась дюжина бесшипников, которые бесшумно подошли к нам с другой стороны транспортника; вооруженные такими же винтовками Т-фарад, как и у него самого, они окружили часового. Парень побелел.

– Твое расписание устарело, солдат, – сказал я, отбирая у него оружие. – Давай-ка вместе уладим это у вас на посту.

Мы подтолкнули парня ко входу в сторожку, оставаясь вне поля зрения камер, пока он прикладывал пропуск, но, как только дверь открылась, устремились внутрь. Сделаться хозяевами положения не составило особого труда. Как мы и предполагали, выступление папы побудило многих солдат покинуть свои посты, а оставшиеся смотрели репортаж о событии по Интрасвязи. Должен признать, нам повезло, что с самого начала атаки так и не показывались, иначе дисциплина не разболталась бы до такой степени. Восемь часовых были обезоружены в два счета.

– Ничего не бойтесь, – заявил я голосом, в котором, как я надеялся, не чувствовалось дрожи, – мы не причиним вам никакого вреда, если будете делать, что скажем. Мы всего лишь хотим спуститься на лифте и покинуть лагерь. Если будете сидеть тихо, больно не будет.

– Сучьи нулевики! – позеленев от ярости и сделав шаг в мою сторону, взорвался один из охранников. – Вы так просто не отделаетесь! Вас всех переловят и прикончат как последних ублюдков!

– Заткнись! – тут же крикнул его командир, но было уже поздно. Один из наших, психанув, выстрелил. Взвыв от боли, солдат упал.

– *Никому не стрелять!* – немедленно завопил я, испугавшись, что ситуация пойдет вразнос. – Они не вооружены, бояться нечего!

Потом обратился к тому, кто нажал на спуск:

– Держи себя в руках, друг, пусть говорят, что хотят, лишь бы не дергались.

Тот опустил голову: ему явно было стыдно.

– Как он? – спросил я склонившегося над раненым солдатом командира охраны.

Едкий запах горелой плоти быстро заполнил спертую атмосферу помещения. Солдат уже потерял сознание.

– Выкарабкается, – ответил командир. – По крайней мере, если отвезти его в госпиталь.

– Нам нужно только спустить «Косаток» и выиграть немного времени, а потом вы свободны. Ваши системы безопасности были взломаны. Замки сами откроются, как только мы будем достаточно далеко.

Командир кивнул мне, показывая, что все понял. Думаю, он сразу увидел, что имеет дело не с отчаявшимися и готовыми на все людьми, а скорее с организованной группой, преследующей конкретную цель. Если он не встанет нам поперек дороги, других раненых не будет. Он твердо приказал своим людям выполнять все наши распоряжения. Я попросил одного из своих принести медблок, чтобы пострадавший получил первую помощь.

Потом мы велели местному спецу помочь нам привести подъемник в действие. Он боязливо подчинился, и мы смогли завести на платформу первых «Косаток». Учитывая имевшееся пространство, в ширину там могли встать три машины, если прижать их борт к борту, а значит, мы уложимся всего в три ходки. Около шести минут на ходку, итого больше четверти часа, чтобы закончить. Я нервно поглядывал на часы в своем мессенджере; пока что мы все успеваем, повода для паники нет.

Можно было начинать операцию. Скрестив руки на груди, чтобы скрыть дрожь в пальцах, я через застекленный проем в сторожевой будке наблюдал за происходящим. И невольно без конца сглатывал. Если сейчас появится дозор, мы все окажемся в настоящей мышеловке. Минуты тянулись невообразимо медленно. Я был так напряжен, что, если бы в этот момент кто-нибудь хлопнул меня по плечу, я, наверное, подпрыгнул бы до потолка.

И тут я различил в глубине комнаты какое-то бормотание. Это перешептывались между собой двое наших пленников. Не очень громко, но мне это сразу подействовало на нервы. Я резко обернулся и с разъяренным видом бросился к ним. Они сразу умолкли. И тут я его узнал.

Морен.

Единственный не-бесшипник пульта 2-ЦГ, где я трудился на «Святом Михаиле». Мерзкий стукач, чьи доносы стоили нам бесчисленных наказаний и делали нашу жизнь еще невыносимей, если только такое возможно. Сколько раз я клялся себе, что отомщу подонку при первой же возможности?

И вот он передо мной, словно с неба свалился.

Я так никогда и не узнал, что он там делал – то ли его туда перевели, то ли он просто зашел повидать кого-то. Но в тот момент мне было все равно. Он здесь, прямо передо мной и в полной моей власти. Даже не размышляя о том, что делаю, я ослабил перекинутый через плечо ремень, чтобы оружие скользнуло из-за спины мне в руки.

Думаю, Морен не сразу меня узнал. Он и помыслить не мог, что я, Альберик Вильжюст, – глава банды бунтовщиков. Но когда он увидел меня с винтовкой, его черты исказились и лицо превратилось в маску ужаса. Он хотел заговорить, но только испуганно икнул и, пытаясь защититься, по-дурацки выставил перед собой руки. Лицо его побледнело до синевы. Сознание у меня затуманилось, виски словно заledenели, в голове не осталось ни одной четкой мысли. Я медленно надвигался на него. Моим телом словно бы управлял кто-то другой, заставляя его говорить жутким языком жестов. Вдруг справа от меня раздался голос:

– Лучше бы тебе прекратить, парень. Пока у нас только один раненый. Дело и так уже плохо, но это ничто по сравнению с тем, что будет, если появятся еще и убитые.

Голос принадлежал командиру охраны. Его серьезный и спокойный тон заставил меня застыть на месте. Я медленно повернулся к нему, но увидел не его. Мой взгляд остановился на застекленном простенке, который отделял соседний кабинет от комнаты, где мы находились. И в этом стекле я увидел, как один человек с выражением смертельной ярости на лице направляет винтовку на другого; весь подобрavшись и вцепившись в свое оружие, он подался вперед с явным намерением убить. Я увидел убийцу. Я увидел *собственное отражение*.

Меня накрыло такое жуткое отвращение, что я, наверно, даже блеванул бы, если бы позади меня Сильвио не крикнул:

– Альберик! Платформа поднялась, наша очередь! Давай быстрее!

Я отступил, с трудом приходя в себя, пошатываясь и переводя взгляд с моей несостоявшейся жертвы на командира охраны; один тупо таращился, пытаясь осознать, что едва избежал смерти, а другой пристально смотрел на меня, и его взгляд говорил, что он прекрасно понимает смысл разыгравшейся перед ним сцены. Мне показалось, что я уловил в его глазах нечто вроде восхищения тем усилием, которое я сделал над собой, чтобы подавить смертельный порыв, но, возможно, у меня просто слишком богатое воображение.

Я последним вышел из помещения, хрипло бросив:

– Приблизительно через час замки откроются, и вы сможете перевезти раненого в госпиталь.

Прежде чем закрыть за собой дверь, я едва заметно кивнул командиру, который, похоже, только что удержал меня от того, чтобы прожить остаток жизни с ощущением себя убийцей.

Не теряя времени, я взобрался на платформу подъемника и поднялся в кабину, где меня ждали Сильвио и водитель. Скорость, с которой огромный лифт доставил нас вниз, несколько удивила меня, но я едва это заметил, настолько я был потрясен только что пережитым.

Когда мы оказались внизу, стало совершенно очевидно, что во второй раз проделать тот же трюк на контрольном пункте, охранявшем две дороги, ведущие к главным воротам, а также к подъемнику, нам не удастся. Там было слишком много охраны. Если бы мы попытались проложить путь силой, базовые крепостные башни в два счета сровняли бы нас с землей. Но ведь мы не просто так считались специалистами по биоинформатике; чтобы разрешить эту проблему, мы предусмотрели хакерский взлом.

Клотильда, которая, разумеется, с самого начала была в деле, запустила с переносного терминала свою программу, и сразу же, как по волшебству, деактивировала весь сектор защитного барьера, который перекрывал эту часть дороги, и открыла нам широкий проход наружу, вне поля зрения контрольного пункта.

Одна за другой, почти торжественным маршем, «Косатки» спустились с насыпи и двинулись на север. Когда вся колонна оказалась по другую сторону, барьер снова включился, как будто ничего не произошло.

Мы наконец выбрались из Нового Иерусалима. До победы было еще далеко, от нас по-прежнему требовалась крайняя осторожность. Однако при мысли, что впервые за долгое время мы больше не находимся под гнетом тупых вояк, а предоставлены сами себе, я испытал краткий миг восторга.

Мы были свободны. Теперь следовало таковыми и остаться.

Войсковые транспортники класса «Косатка» считались «скрытными», то есть, при прочих достоинствах, практически не оставляли следов своих передвижений. Вдобавок установленные над каждым колесом распылители не давали сформироваться облаку пыли, которое можно было бы засечь за многие километры, а многочисленные защитные оболочки противодействовали срабатыванию большинства стандартных поисковых систем. Однако в каждую машину были встроены маячки, чтобы спутники могли без проблем определить ее местонахождение, но мы, разумеется, заранее озаботились тем, чтобы вывести их из строя.

Весь день мы мчались очертя голову. Необходимо было преодолеть максимальное расстояние, пока не поднялась тревога. К сожалению, всего через час я, как и обещал командиру охраны, был вынужден решиться отпереть двери на контрольном пункте, чтобы он смог доставить раненого в госпиталь. Изначально мы предполагали продержаться как можно дольше, чтобы оттянуть объявление тревоги. Инцидент со стрельбой грозил дорого обойтись нам.

И действительно, после того как я освободил охрану, не прошло и сорока пяти минут, а мы с ужасом заметили самолеты-перехватчики, кружившие вдали на низкой высоте. По всей видимости, охота началась. А поскольку обнаружить нас можно было только визуально, то их операция являла собой пресловутые поиски иголки в стоге сена. Однако, если армия одновременно мобилизовала большую часть своего воздушного флота, то самолеты обнаружат нас довольно скоро.

По мере того как летательные аппараты сужали свои круги, я чувствовал, как во мне поднимается ужасная тревога, грозящая перерасти в панику. Если бы нам хотя бы не приходилось непрерывно объезжать проклятые провалы, испещрявшие почву этой чертовой планеты! Картографические данные, которыми мы располагали, были недостаточно точными, чтобы указать самые мелкие из них. А если разлом шириной три метра для картографов слишком мал, он тем не менее представлял для нас непреодолимое препятствие. Нам неоднократно приходилось возвращаться на несколько километров назад.

Под вечер, несмотря на благополучно пройденный путь, я был вынужден признать, что недооценил сложности операции и моя гордыня приведет к трагедии. Дважды над нами пролетали истребители-перехватчики, которые едва не засекли нас. Но удача не будет улыбаться нам бесконечно; и я всерьез задумался, не имеет ли смысла все бросить и сдаться.

Однако к шести вечера судьба сжалилась над нами.

Задул сильный северо-восточный ветер и сразу поднял огромные тучи пыли. За несколько минут десятки квадратных километров территории почти погрузились во тьму, тем самым скрыв нас от взглядов пилотов. И тогда мы поняли, что победа за нами. Во всех «Косатках» раздались крики радости и аплодисменты.

Солнце почти зашло, когда мы добрались наконец до конечной точки нашей безумной вылазки. Я остановил колонну возле выбранного нами заранее длинного разлома, не широкого, но очень глубокого, приблизительно в ста километрах западнее Нового Иерусалима, у подножия высоких гор. Внизу несся мощный поток, его впечатляющий рокот доносился до поверхности. Идеальное место, чтобы исчезнуть. Мы не могли держать при себе «Косаток». Хотя они и считались «скрытными», рано или поздно их обнаружили бы.

Когда все приняли меры предосторожности, облачившись в термокомбинезоны, из трюмов были извлечены багги, и на них погрузили максимум продовольствия и оборудования. Помогая в хвосте колонны, я наткнулся на Паскаля, с которым едва виделся на протяжении всей операции.

Он с улыбкой кивнул мне, будто хотел сказать: *«Ну и лихо же ты все провернул, старик»*. Поддавшись внезапному дружескому порыву, мы крепко обнялись.

– Мы это сделали, – выдохнул он, взволнованный до слез. – У нас получилось, черт побери!

– Погоди, погоди, надо еще добраться до пещер. Вот тогда можно будет сказать, что мы их обыграли!

– Согласен. Но, провалиться мне на этом месте, я даже не рассчитывал, что мы хоть сюда-то доберемся!

Видя, как разволновался мой друг, я не смог удержаться от слез. Мы стали хозяевами своей судьбы, и отныне никто и ничто не может заставить нас что-либо делать против нашей воли. Мы просто были свободны.

Но расслабляться пока не следовало.

– Мы не сможем перегрузить все на багги, – сказал я, утерев щеки. – Придется оставить часть оборудования в грузовых отсеках, прежде чем сбросить «Косаток» в пропасть. Вот если бы нам удалось забрать все шестнадцать багги, как мы собирались!

– Да нет же, – возразил Паскаль. – Мы не должны ни от чего избавляться. Достаточно спрятать все, что не сможем загрузить, в скалах, а потом вернемся и заберем.

Тот факт, что мне не пришло в голову такое простое решение, ясно свидетельствовал, до какой степени я вымотался. Я согласился, дружески похлопав его по плечу.

– Конечно, ты прав. Однако кое-кому из нас придется добираться до пещер на подножках багги. А это будет испытание!

– Брось, после сегодняшней нервотрепки немного физической нагрузки не помешает.

Он неожиданно бросил на меня суровый взгляд.

– Но к тебе это безусловно не относится. Видел бы ты свою физиономию. Можно подумать, ты неделю не спал!

Я мог прекрасно обойтись без зеркала, чтобы убедиться, что он прав. Не покидавшее меня весь день напряжение от мысли, что мы попадемся, довело меня до полного изнеможения.

Как только весь груз был перенесен на багги, мы одну за другой сбросили «Косаток» в пропасть, где их поглотили бушующие волны. Маневр довольно рискованный, потому что края провала были неустойчивы. К счастью, обошлось без инцидентов.

Когда я наконец дал сигнал к отбытию, совсем стемнело. Багги пришли в движение, и маленький караван направился к конечному пункту. Поскольку некоторым придется идти пешком, нам понадобится куда больше времени, чем мы рассчитывали, чтобы преодолеть завершающий этап, но это уже не проблема. Отныне нам больше не угрожала неминуемая опасность. Армия, скорее всего, еще несколько дней будет пытаться отыскать нас, но, учитывая принятые нами перед уходом меры, только невероятное везение могло бы помочь им преуспеть.

Итак, отныне наша жизнь неразрывно будет связана с этой планетой. А раз уж надежды однажды вернуться на Землю практически не осталось, все предпочли сразу свыкнуться с мыслью, что придется выживать здесь. Но я не разделял общего умонастроения. Пусть я точно знал, что не может быть, чтобы маленькая группа инсургентов вроде нашей сумела вынудить сеньоров отправить нас обратно на Землю, я укрепился в твердом намерении попытаться.

Мне было неведомо, как и когда, но я непременно должен вернуться на Землю! Иное просто невозможно вообразить. Я никогда не брошу Гийеметту и папу.

* * *

6 ноября 2205

ОВ

Несмотря на то что календарь, который использовался на «Святом Михаиле», не соответствовал ни годичному циклу новой планеты, ни земному времени, чтобы не вносить сумятицу в умы солдат, было решено его сохранить. Таким образом, на Акии Центавра завтра настанет седьмой день ноября по относительному времени. Но для людей, которые здесь находились, это будет прежде всего день первого большого наступления.

После речи папы прошла неделя. И по-прежнему ни единой стычки с атамидами, но завтра армия крестоносцев вступит наконец в первое сражение с нечестивцами. Начнется девятый крестовый поход, и освобождение могилы Христа станет лишь вопросом дней – в худшем случае недель.

Для безупречной подготовки войск непрерывно велся инструктаж. Штабные офицеры раз за разом повторяли одни и те же наставления, описывая тысячам солдат театр военных

действий, давая каждому подробные указания, с тем чтобы на поле боя добиться максимальной эффективности.

78-е смешанное п/к вместе с тремя другими подразделениями собрали в одном из многочисленных лекториев Нового Иерусалима. Люди дисциплинированно расселись там, где им было указано, и внимательно слушали офицера. С шуточками и перешептываниями, как во время курса лекций по атамидам, было покончено. Завтра солдаты пойдут в настоящий бой и будут рисковать жизнью, поэтому все сосредоточенно ловили каждое слово.

Сидя в первом ряду, Танкред вместе с остальными следил за пояснениями штабиста, внимательно вглядываясь в картинки и карты, увеличенные изображения которых высвечивались позади лектора. По его правую руку Энгельберт собирал все данные на свой мессенджер и сверял их по мере поступления на маленькой голографической проекции. Полевые наводчики других подразделений, все так же сидящие на первом ряду рядом со своими офицерами, поступали так же. Затем им предстояло перенести полученную информацию в свои экзоскелеты, чтобы она в любой момент была под рукой.

С тех пор как Танкред отказался от своих подрывных идей и дурных знакомств, его отношения с Энгельбертом заметно улучшились. Явные усилия, которые Танкред прилагал, чтобы вернуть себе искреннюю веру, убедили Энгельберта в искренности его намерения исправиться. Даже если истинная вера не рождается из волевого усилия, попытка всегда похвальна. В то же время фламандец все еще испытывал к нормандцу некоторую враждебность за то, что тот присвоил себе часть привязанности Льето.

Целью завтрашнего наступления был захват трех ближайших атамидских городов, расположенных примерно в трехстах километрах к югу. В будущем этим городам предстояло служить опорными точками и тыловой базой для линии главного фронта, которую армия собиралась проложить в пригородах самого большого поселения атамидов, того, где располагалось святилище. Для простоты штаб называл его «столицей», хотя никакая конкретная информация не свидетельствовала, что сами атамиды считают ее таковой.

Все данные воздушной разведки показывали, что эти три города проявляли большую активность и были слабо укреплены. Там, безусловно, находились десятки тысяч воинов-атамидов. Чтобы побудить гражданское население покинуть города до начала боев, были проведены десятки предупредительных бомбардировок.

«Предупредительные бомбардировки»... Танкред привык к подобным военным эвфемизмам, но невольно представил себе, что сказал бы Альберик.

«Какое лицемерие! В бомбардировках никогда нет ничего предупредительного, они предназначены только для того, чтобы убивать. А все их рассказы о том, что надо заставить бежать гражданских, редкое вранье! Можно подумать, нас заботят побочные потери!»

Танкред вообразил даже поведение Альберика при этих словах: как тот размахивает руками и выбирает самые оскорбительные выражения. Но он тут же попытался изгнать подобные мысли, потому что слишком хорошо знал, куда они могут его завести.

Внезапно с грохотом распахнулись двери, и в помещение ворвался явно сильно взволнованный солдат. Началась возня с блюстителями порядка, которые не желали его пропускать, пока он вдруг не выкрикнул:

– Да отцепитесь вы от меня, черт вас возьми! Все должны знать: был контакт!

Среди присутствующих раздался смутный гул. Штабист хлопнул ладонью по пультам и потребовал спокойствия.

– Первый контакт с атамидами! – тем не менее продолжал солдат. – У разведчиков! Через несколько минут они подойдут к южным воротам!

Как будто кто-то крикнул: «Пожар!» Все беспорядочно повскакали с мест и под угрожающие крики штабиста, понявшего, что его инструктаж летит ко всем чертям, кинулись к

выходу. Танкред перехватил умоляющий взгляд Льето, с таким же выражением смотрело на него и все 78-е. Остальные подразделения почти в полном составе уже выбежали вон.

– Ладно, пойдем и мы, – проговорил он наконец, избегая смотреть на прапорщика Юбера, который не одобрял подобных вольностей.

Танкреду следовало признать, что он и сам стораит от желания услышать, что расскажут те разведчики.

Он последовал за Льето и прибавил шагу, чтобы догнать вестника, который вместе с остальными устремился к южным воротам.

– Кто вступил в контакт? – спросил он, протолкнувшись к солдату.

– Провансальцы из контингента де Сен-Жиля, – ответил тот на ходу. – Сегодня утром десять подразделений были отправлены для обеспечения безопасности зоны поблизости от плато. Заложить мины и установить датчики. Короче, рутина. Таких вылазок была уже куча.

Он на мгновение умолк, чтобы перевести дыхание.

– Продолжай, христианин, что дальше? – подтолкнул его Льето.

– Перехватчики облетели все зоны и сообщили, что там чисто. Никаких следов неприятеля! Предполагалось, что отряды только проведут обследование главных провалов, а заодно установят защитные устройства.

Впереди показались южные ворота.

– Девять подразделений сделали свою работу как положено, без проблем. Но одно подразделение, похоже, попало в засаду!

– Вот черт! – не удержался Льето. – Значит, точно началось.

Судя по всему, новость уже разлетелась по лагерю: мужчины и женщины сбегались со всех сторон. У ворот образовалась плотная толпа, и Льето со следовавшим по пятам Танкредом пришлось поработать локтями, чтобы проложить себе дорогу. Они успели как раз в тот момент, когда открылись ворота.

Когда 4-е разведывательно-саперное подразделение входило в лагерь, царившая в толпе сумятица улеглась, как по команде. Вместо закаленных солдат, из которых обычно состояли такого рода части, все увидели лишь тень воинов – раненых и растерянных людей. С ног до головы покрытые смесью песка и крови, они хромали и поддерживали друг друга, защитные пластины их «Вейнер-Никовов» потрескались, шлемы были разбиты; некоторые, слишком серьезно раненные или совершенно обессиленные, падали, едва войдя в ворота, крича от боли или плача. Из тридцати человек, обычно составлявших стандартное р/с подразделение, вернулись только восемь.

Всеобщее возбуждение исчезло, уступив место мертвой тишине. На всех лицах читалось выражение чудовищной подавленности. Прибыли медики и, расталкивая людей, которые недостаточно быстро расступались, пробрались к раненым, чтобы незамедлительно заняться теми, кто пострадал сильнее всего. И тогда один из уцелевших стал рассказывать, что им довелось увидеть. Дрожащий голос и безумные глаза красноречиво свидетельствовали о том, какого страха он натерпелся.

– Мы ничего не заметили! Совсем! Ни хрена! Полчища монстров свалились на нас непонятно откуда. Огромных и устрашающих, ну чисто демоны! Вместо того чтобы разнести их в клочья, разряды Т-фарад едва сдерживали их натиск. Твою мать, мы палили как безумные, а они все шли и шли на нас, пусть даже по своим мертвецам! Их когти раздирали семтак, как картонку! – Он указал на свой экзоскелет с подтверждавшими его слова длинными параллельными бороздами. – Среди них оказались даже летающие! Какого черта нам никто не сказал, что они умеют летать? Мы бы хоть поостереглись. Если бы мы не поспешили сделать ноги, то все бы там полегло! А эти говнюки – перехватчики, которые вообще ни хрена не сделали свою работу, они ведь должны были их засечь или как? Эти мерзавцы греют свои задницы в кабинах, и плевать им с высокой колокольни на пехоту, которая вступает в прямой контакт с врагом!

Черт бы меня побрал, как могло случиться, что со всей технологической хренью, которой нас нашпиговали, никто ничего не видел и не засек?

Внезапно появилось полтора десятка военных полицейских, которые мгновенно оцепили выживших. Один из полицейских подошел к тому, кто рассказывал, и что-то шепнул ему на ухо. Тот мгновенно умолк. Другие приказали толпе разойтись. Все были так поражены услышанным, что никто даже не подумал возразить.

Возвращавшееся в лекторий 78-е не было исключением. Потерянное выражение солдатских лиц свидетельствовало о смятении, которое внесла в их души та сцена, очевидцами которой они только что стали. Все были так уверены в превосходстве крестоносцев, что эта неудача, в сущности, не столь уж значительная, воспринималась как поражение. Чтобы объяснить подобный разгром, а главное, понять, как атамиды умудрились обмануть многочисленные средства обнаружения, которыми оборудованы боевые экзоскелеты, Дудон, Олинд и Льето строили самые разнообразные гипотезы. В стремлении победить этот внезапный приступ пессимизма Танкред постарался немного успокоить своих людей:

– Да ладно вам, ребята, не стоит сгущать краски. Наверняка эти атамиды не такие уж неуязвимые, иначе выживших у нас не было бы *вообще*.

Когда в тот же вечер Танкред встретился в таверне с Клориндой, вся армия крестоносцев только и говорила, что о контакте. Он описал ей сцену возвращения подразделения р/с, при которой она не присутствовала, стараясь не слишком подчеркивать крайне заразителный ужас уцелевшего.

– В отличие от распространенного мнения, – сделала вывод молодая женщина, – лично я никогда не считала, что этих существ так уж легко победить. Иначе три сопровождавших первую экспедицию группы коммандос I не легли бы все до единого, а штаб не принял бы решения о необходимости послать в крестовый поход столь многочисленный контингент.

Хотя второй аргумент показался Танкреду не слишком убедительным, в целом он разделял эту точку зрения. После столь впечатляющего возвращения разведчиков он уже неоднократно возвращался мыслями к Альберiku. Выжил ли тот после своего сенсационного побега? А если выжил, то как он со своими сообщниками умудряется уцелеть на вражеской территории, где в любой момент существует риск встретиться с подобными монстрами?

– Ты постоянно размышляешь о завтрашней операции, да? – спросила Клоринда, неверно истолковав его молчание.

– Да... – кивнул Танкред, сочтя, что лучше не признаваться, чем на самом деле заняты его мысли. – Момент будет сложный, бойцы впервые смогут оценить свои силы. Кстати, я бы предпочел, чтобы этот утренний контакт не произвел такого впечатления на наших.

– На Земле я участвовала только в незначительных конфликтах, – продолжала молодая женщина. – Так что завтра у меня будет первый серьезный бой.

Она заколебалась и слегка покраснела.

– Я... у меня дурное предчувствие...

Внезапно осознав тревогу любимой женщины, Танкред взял ее руки в свои:

– Любовь моя, в этом нет ничего странного. Страх – чувство абсолютно естественное, даже у солдата. Конечно, иногда он заставит тебя совершить ошибки, но чаще всего позволит остаться в живых!

Хотя сам Танкред перед боем крайне редко испытывал беспокойство, он знал, что завтра ему не удастся остаться столь же отстраненным, как обычно. Завтра он будет бояться за нее. Страх, что с ней может что-то случиться в сражении, сжимал ему сердце весь день. Он прекрасно понимал, что, даже если станет умолять ее, она ни за что не откажется выйти на передовую. Смысл существования воительницы – бой. Так что бесполезно просить ее оставаться в тылу. Отныне он понимал, что переживала его семья во время каждой новой кампании.

Заметив, что он в очередной раз углубился в свои размышления, Клоринда нежно сказала:

– Ты, конечно же, терзаешься из-за меня. Потому что, если завтра со мной случится беда, наша любовь будет потеряна навсегда, от нее ничего не останется...

Она попала в точку. Именно над этим вопросом Танкред много размышлял, как, очевидно, и прекрасная итальянка. До сих пор, пусть и вынужденные проявлять сдержанность, они в полной мере проживали свою любовь, хотя частенько бывало обидно скрывать нечто столь прекрасное. И все же, если, по несчастью, один из них завтра погибнет, их любовь угаснет вместе с ним.

Если бы это зависело только от него, Танкред давно бы сделал ей предложение. На неизведанной планете, в четырех световых годах от Земли, требующие многомесячных ухаживаний социальные условности аристократической среды представлялись лишенными всякого смысла. Несколько дней назад во время сеанса тахион-связи он спросил совета у родителей. Отец сдержанно отнесся к перспективе женитьбы сына на бесприданнице, да вдобавок стоящей ниже его на сословной лестнице. А вот мать, явно тронутая чувствами, которые угадала в сыне, проявила больше расположения.

До сегодняшнего дня он ни разу не заговаривал на эту тему с главным заинтересованным лицом, не зная в точности, желает ли Клоринда услышать от него предложение руки и сердца во время крестового похода или же предпочитает дожидаться возвращения на Землю. Но сейчас неотвратимость начала боевых действий, видимо, породила в ней те же тревожные мысли, что и в нем.

Осознав, что сам он молчит, а она неотрывно смотрит на его губы, он бессвязно забормotal:

– Я... э-э-э. Как ты думаешь, если я попрошу... чтобы... если я свяжусь с твоим опекуном... по тахион-связи... ну...

– Да, конечно да! Я хочу выйти за тебя! – воскликнула она, бросаясь ему на шею.

Они принялись неистово целоваться и так долго не разжимали объятий, что кое-кто в зале недовольно нахмурился.

* * *

7 ноября 2205

ОВ

Пейзажи с огромной скоростью мелькали за иллюминаторами переправлявшей подразделение Танкреда на фронт транспортной военной баржи. Эти баржи вызывали у него болезненные воспоминания, потому что были такими же, как в Сурате. Однако если тогда ему полагось занимать место рядом с другими офицерами в контрольной кабине, то на сей раз под его оперативным командованием находилось только его собственное подразделение. Вот и хорошо.

Многочисленные лейтенанты и капитаны подле него слушали маркиза де Вильнёв-Касеня, который в последний раз зачитывал распоряжения по проведению операции. Танкред был отдаленно знаком с Тибо де Вильнёв-Касенем. Шурин Раймунда де Сен-Жиля был записным ультра, полностью поддерживающим проводимую Робертом де Монтгомери жесткую линию. Вдобавок он слыл высокомерным и не расположенным выслушивать чужое мнение. Однако Танкреду следовало признать, что ему не известно ни каковы его способности командующего, ни уровень тактических умений. Если маркиз грамотно руководит полевыми операциями, то его политические убеждения не имеют никакого значения.

Задача, которая сегодня стояла перед войсками, заключалась в захвате трех атамидских городов среднего размера, входивших в более обширный комплекс из пяти пригородов, окру-

жавших «столицу». Они снабжали продовольствием – а возможно, и солдатами – большой город, поэтому следовало начать с их нейтрализации, чтобы затем дать главное сражение, отовесывая квартал за кварталом, и так до самого христианского святилища, возвышавшегося над окрестностями на вершине расположенной в самом центре «столицы» скалистой горы.

Около тридцати истребителей-перехватчиков без устали кружили между восьмьюдесятью баржами, так что реактивный рев одних заглушал гудение магнитной тяги других. Не считая странных летающих воинов, увиденных вчера во время первого контакта, за атамидами не было замечено наличия воздушного потенциала. Но штаб не желал идти ни на какие риски, а потому на высоте двадцати километров войска сопровождал тяжелый крейсер «Торквато», готовый выпустить град из тысяч «Акантов» по любой воздушной боевой части, с которой не справились бы истребители.

После полутора часов полета баржи приземлились в широком, изъеденном эрозией каньоне, в пределах видимости городов-целей. Войска высадились в боевом порядке, и вскоре более ста тысяч человек выстроились дугообразным фронтом. В тот же момент по другую сторону города столько же солдат совершили симметричный маневр, чтобы перекрыть врагу все пути к отступлению.

Когда Вильнёв-Касень изложил эту стратегию офицерам, Танкреду стало не по себе. Задача была очевидна: уничтожить всех, не оставив ни малейшего шанса спастись тем, кто не захочет вступать в бой. Но ведь цель крестового похода – завоевать могилу Христа; если атамиды отдадут город людям, истреблять их не обязательно. Экс-лейтенант почувствовал, что вновь вступает в опасные области своих умонастроений, и сразу припомнил слова кюре из церкви Святого Северина: *«Когда сомнение овладевает человеческим духом, оно смущает его взор, и все, на что он смотрит сквозь эту призму, выглядит деформированным, искаженным. На это у истинного христианина есть единственный ответ: Вера!»* Воспоминание немного ободрило его.

Пыль, поднятая колоссальным передвижением войск, постепенно оседала. 78-е смешанное пехотное заняло позицию согласно полученным приказам и не без внутреннего трепета ожидало сигнала к началу. Танкред, Льето и тридцать других всадников оседлали своих першеронов, а остальные сорок солдат подразделения, в том числе Энгельберт, изготовились двигаться пешком. Лица были серьезными и сосредоточенными, все разговоры смолкли.

С высоты своего перша Танкред рассматривал ряды зданий вдаль. Ему показалось, что архитектура слегка напоминает некоторые африканские страны – из самана и белого камня, целиком подчиненная главной задаче: свести к минимуму губительное воздействие солнца.

Льето едва заметно, почти машинально кивнул ему. Танкред догадался, что молодой фламандец под впечатлением от масштаба развернутых сил почувствовал себя немного потерянным. И именно в тот момент, когда он ответил другу, слегка приподняв бровь, в их наушниках раздался сигнал к началу. Все немедленно активировали шлемы своих экзоскелетов, превратив их в закрывшие головы золотистые отсвечивающие полусферы, и двинулись вперед.

Огромная разнородная процессия взяла курс на город; в ее рядах смешались простые солдаты в стандартном обмундировании, супервоины в «Вейнер-Никовах» на першеронах, амазонки, сидящие на боевых бипедах РК, прикрывающие арьергард танки «Зубр М-4», предусмотрительно летевшие позади медицинские баржи и вырвавшиеся вперед истребители, пикирующие чуть ли не на крыши домов, чтобы навести ужас на врага. Настоящий пандемониум³.

Оказавшись под давлением, сочленения скакунов стали нагреваться и издавать резкий запах озона, хорошо знакомый тем солдатам, кто не раз бывал на поле боя.

---

³ Пандемониум – в мифологии собрание злых духов царства сатаны; в поэме Джона Мильтона «Потерянный рай» – столица ада.

В надежде в этом людском море разглядеть Клоринду Танкред включил оптическое увеличение на своем куполообразном забрале, но ему это не удалось.

– Почему нас высадили так далеко от города? – спросил Льето по своему персональному каналу. – Не вижу смысла.

– Думаю, после вчерашней засады наших стратегов одолела подозрительность, – ответил Танкред. – Они наверняка решили, что лучше высадить войска подальше от целей, чтобы в случае неожиданного нападения избежать неразберихи.

– Возможно... Но в результате мы оказались поблизости вон от тех откосов, – Льето указал на склоны каньона метрах в двухстах от них, – а это мне представляется не слишком осмотрительным.

Танкред взглянул в указанном другом направлении. Испещренные множеством рытвин и изъеденные ветром каменистые земляные склоны как будто не давали вражеским войскам возможности укрыться. Несмотря на то что за время тренировок он научился не пренебрегать тактическим инстинктом молодого класса Три, ничего особо тревожного он не заметил.

Танкред перенес свое внимание на их цель. Теперь уже можно было ясно различить ближайшие жилища. Очень простая, но гармоничная архитектура. В конечном счете, хотя они и были на другой планете, место не казалось совсем уж чужеродным: стены, двери, окна. Все то же самое можно увидеть и на Земле. Увеличив масштаб, он заметил нанесенные вокруг дверей многоцветные узоры. Танкред задумался, являются ли они украшениями или письменами, когда по общему каналу к нему обратился один из его людей:

– Скажите, мой лейтенант, вы видите что-то вроде миража на стенках каньона? Скала как будто... пульсирует.

– *Что* она делает? – воскликнул Танкред. – Что ты хочешь...

Но фразу он не закончил. Началась атака.

Десятки тысяч существ внезапно *проявились* на окружавших людей склонах и ринулись вниз, чтобы с адскими воплями наброситься на них.

Монстры! Увидев их увеличенное на своем ИЛС-забрале изображение, только и подумал Танкред, хотя отнюдь не отличался особой впечатлительностью. Ужасающие монстры.

Ростом около двух метров, они передвигались на задних лапах, держа оружие двумя руками, что придавало им вид гуманоидов. Но на этом сходство с человеческими существами заканчивалось. Длинные мускулистые ноги были изогнуты наподобие буквы S, если смотреть сбоку, а руки в сравнении с ними казались скорее тонкими, хотя наверняка были очень мощными, если судить по оружию, которым они размахивали, – большим копьям, чьи острия были сделаны из какого-то белесого материала.

Их темно-серая кожа местами исчезала под широкими бурыми чешуйками, которые издали напоминали что-то вроде твердого хитина с неровными краями. Чешуйки покрывали их плечи, живот, бедра и предплечья. На частях тела, не защищенных этими природными доспехами, висели прикрепленные ремешками пластины из того же белесого материала, что и их оружие, призванные, очевидно, восполнить отсутствие чешуи. Вместо ступней у них были три длинных когтистых пальца, дополнявших чудовищно странный вид изогнутых ног.

Но больше всего поражала совершенно чудовищная голова. Она имела почти пирамидальную форму, довольно сильно вытянутую назад, где хитиновая бахрома вздымалась как многоцветный гребень. В отличие от однотонного тела, верх черепа был исчерчен яркими полосами. Огромная расширенная челюсть подчеркивала его нижнюю часть, в то время как отсутствие носа и даже дыхательных отверстий создавало посередине лица неприятную пустоту. Свирепый облик довершали два глаза – черные с желтыми радужками, посажены в центре близко друг от друга. Глаза хищника.

Танкред поднял своего перша на дыбы, заставив его стремительно развернуться. Копыта механического скакуна задели шлемы пехотинцев и тяжело ударились о землю. В войсках воцарилось полное смятение. *Как мы могли пройти мимо них и не заметить?*

И вдруг Танкред понял. Теперь, когда они были совсем близко, он видел, что тела воинов-атамидов покрыты тонкими прозрачными перьями, которые время от времени странно отражают свет. *И на них проступает почва!* Благодаря этим отросткам, очевидно способным поляризовать свет, атамиды могут маскироваться, чтобы имитировать почву, на которой находятся!

– А термодатчики, дерьмо собачье? – невольно вслух ругнулся он.

Однако сейчас не время было задавать вопросы: к ним уже подбирались первые атамиды.

Хотя долгий военный опыт научил Танкреда, что ни одну битву нельзя выиграть заранее, он не был готов к такому яростному натиску. Обрушившиеся на них существа полностью и совершенно безудержно отдавались битве. Напрасно со всех сторон, словно лупящий по жестяной крыше град, щелкали винтовки Т-фарад, атамиды бросались в рукопашную, и бой оказался не таким уж неравным, как можно было предположить. Танкред быстро понял, что в этом столкновении победа будет за людьми, однако он также осознал, что достанется она в последний момент и исключительно благодаря поддержке с воздуха истребителей, которые без устали обстреливали ряды противников. Из жестокого бой превратился в неистовый. Танкред и Льето разошлись вовсю. Их экзоскелеты очень скоро покрылись фиолетовыми брызгами – такого цвета оказалась кровь врагов. Те с поразительной быстротой прыжками перемещались на несколько метров, с грозной ловкостью орудуя своими копьями. Как выяснилось, странное белесое лезвие их копий было способно пронзить даже углеродный семтак. А ведь этот материал теоретически мог противостоять любому холодному оружию, как и традиционному баллистическому, а также поглощать большую часть заряда Т-фарад. Но не отбрасывающие бликов копья рубили его без малейшего труда. Эта их способность в сочетании с исключительной скоростью передвижения воинов-атамидов производила опустошения в рядах крестоносцев. Мало-помалу люди опомнились и, поняв, что следует всячески избегать рукопашной, старались уложить атамидов в момент, когда те отталкивались, чтобы совершить очередной прыжок.

Поглощенный схваткой слева, Танкред не увидел надвигавшегося справа атамиды, который в высшей точке своего прыжка толчком сбил его с перша. Оба воина покатались по земле, и атамид оказался над Танкредом. Существо быстро выпрямилось, его многоцветный гребень пылал в лучах солнца, оно уже готово было нанести удар копьем. Движимый спасительным рефлексом, экс-лейтенант в упор разрядил свою Т-фарад, оторвав бойцу вооруженную руку. Тот испустил вопль боли, в то время как фиолетовый выплеск, вырвавшийся из раны, залил его противника. Однако ранение не помешало атамиду дать отпор здоровой рукой, и оружие Танкреда в свой черед отлетело в сторону.

Тогда в невообразимом оскале монстр разинул утыканную клыками чудовищную пасть, вцепился Танкреду в плечо и принялся неистово, как акула, трепать его из стороны в сторону. Затем, резко откинувшись назад, он умудрился вырвать несколько семтакowych пластин экзоскелета. Плечо метавоина почти оголилось, на нем осталась только тонкая термоизоляция «Вейнера». Тут Танкред выхватил из левого предплечья ионизированное лезвие и точным, но мощным движением снизу вверх вонзил его в череп монстра, который сразу рухнул.

Бывший лейтенант незамедлительно отпихнул в сторону неподвижное тело и, потрясенный напряженностью только что прошедшего боя, шатаясь, поднялся на ноги. После полутора лет тренировок с сим-смертью почувствовать себя залитым реальной вражеской кровью оказалось не так просто, как в былые времена. Для него убивать, пусть даже монстров, уже стало не так привычно, как когда-то... *Хватит!* – рявкнул он сам себе. Поле боя не лучшее место для мук совести. Следует позаботиться о том, чтобы выжить – и самому, и его людям.

Он окликнул оказавшегося рядом Энгельберта:

– Наводчик! Потери?

– Восемь убитых, мой лейтенант! И как минимум семь тяжелораненых, из них у одного критические жизненные показатели!

Менее чем за четверть часа пятнадцать солдат вышли из строя.

Теперь, похоже, истребители бомбили ближе. Танкред внезапно осознал, что они вот-вот окажутся под огнем.

– Здесь оставаться нельзя, уходим по городским улицам! – приказал он по каналу связи с подразделением. – Пусть те, кто может, прихватят с собой раненых. Семьдесят восьмое, за мной!

В этот момент перед ним возник Лъето, по-прежнему на перше.

– Садись! – бросил он своему лейтенанту.

С облегчением поняв, что его друг не числится среди убитых, Танкред запрыгнул на круп позади Лъето. Несколько мгновений спустя большая часть подразделения бегом ворвалась в поселение атамидов. Не останавливаясь, они пронеслись между двумя рядами высоких колонн, украшенных барельефами, – наверняка одни из городских ворот, и сосредоточились на какой-то улочке. За пределами города зона, которую они покинули всего пять минут назад, была полностью уничтожена дождем сферических сдвоенных бомб.

– Что за гады эти пилоты! – крикнул кто-то. – Им плевать, что мы еще могли быть там!

Только что под бомбами погибли сотни, а то и тысячи атамидов. Воздушная волна от разрывов докатилась до людей 78-го, и наступила странная тишина. Покой пустынных улиц резко контрастировал с грохотом еще идущих где-то вдалеке боев. Ни одной живой души, население наверняка убежало еще до сражения. На земле валялись какие-то вещи и обломки, как если бы исход был поспешным.

Издалека у Танкреда сложилось впечатление, что архитектура довольно грубая, но оно оказалось совершенно ложным, когда он увидел город вблизи. Мощенные плоским матовым камнем улицы почти не отражали солнечного света, а вот стены домов были сделаны из мерцающего самана, словно в него подмешали частицы ярко блестящего минерала. Приглядевшись, Танкред заметил, что этот материал отбрасывает радужные отблески, как перламутр. Но эти переливы *создавались искусственно* и составляли рисунки или узоры, которые менялись в зависимости от угла зрения. Образы оживали, превращаясь в стилизованные сцены из жизни атамидов, или же слагались в чисто декоративные орнаменты.

Большая часть дверей и окон имела неправильную форму, но обрамлявшие их изящные резные узоры уравнивали эту кажущуюся непритязательность. Похожие на письменность орнаменты переплетались, складываясь в изображения природы или неведомых существ, они были инкрустированы камнями самых разных цветов и по-разному отражали свет.

Продвигаясь дальше по улице, солдаты подразделения с изумлением открывали для себя все новые архитектурные изыски этих мест.

По-прежнему сидя на крупе позади Лъето, Танкред так увлекся предстающими перед ним картинами, что почти забыл о военной операции, ради которой они здесь оказались. Тем сильнее было его изумление, когда со всех сторон, из дверей и окон окружающих жилищ, с дикими боевыми возгласами выскочили атамидские воины.

– Иисусе! – вскричал Танкред. – Энгельберт! Вызывай подкрепление по общему каналу!

78-е п/к потеряло уже много солдат. Без подмоги они не сумеют противостоять новой атаке.

Уклоняясь от бешеного натиска атамидов, Лъето поднял першерона на дыбы и опустил его передними копытами на воинственное существо. Монстр слишком поздно понял смысл маневра, и четыреста пятьдесят килограммов металла с омерзительным звуком раздавили его. Танкред соскользнул с крупы и отодвинул задвижку на боку перша. Он лишился своей Т-фарад, так что ему требовалось новое оружие. Но, уже достав было из бокового отсека пистолет, он

вдруг передумал. Схватив противоударный щит Льетто, он полностью высвободил ионизированный клинок из предплечья своего экзоскелета. Затем, повернув колесико, расположенное у большого пальца, быстро выбрал среди предлагаемого набора форм тип требуемого лезвия: «меч-бастард»⁴. Ионизированные клинки «Вейнеров» были полиморфными, то есть состояли из рекомбинантных полимеров, способных как угодно изменять свою структуру. Клинок Танкреда мгновенно растянулся, достигнув размеров обоюдоострого меча.

– Ты что творишь, несчастный? – закричал ему Льетто. – Уж не собрался ли ты драться на мечах? Возьми лучше мой пистолет-автомат!

– Нет, он тебе понадобится! Не волнуйся за меня!

Танкреду всегда нравился бой на ионизированных клинках – возможно, потому, что это больше походило на древнее искусство войны, чем очереди из Т-фарад. К тому же его нынешние противники бились врукопашную!

Эй, не давай слабицу! – приказал он себе. *Ты здесь, чтобы сражаться!*

Сделав глубокий вдох, он с криком «ВО ИМЯ ГОСПОДА!» ринулся в схватку.

Размозжив лицо атамида своим щитом, Танкред подсек ему ноги мечом, вспрыгнул на спину существа, которое готовилось нанести удар одному из солдат, и, прежде чем проткнуть его тело мечом, свалил его ударом эфеса по затылку. Почувствовав, как рядом с головой просвистело одно из странных белых лезвий, он увернулся, кинувшись ничком, перекатился назад, перерубил ноги новому противнику, и тот в свою очередь тоже рухнул на мостовую. Потом, продолжая движение, вонзил в него лезвие. Ощувив, как оно проникло глубоко в плоть, даже не стал проверять, испустил ли дух нападавший, и бросился на следующего врага. Выработанные метанавыки постепенно ввели его в боевой транс, вызвав изменение метаболизма, повысив скорость рефлексов и точность ударов, сосредоточив все его способности на каждой новой схватке, в которую вступал он сам, и на тех, что шли вокруг.

*Смерть, под его рукою размножаясь, По несколько зараз уносит жертв*⁵.

Танкред понял, что в рядах врагов возникло некоторое смятение. Никто не умел пользоваться сервомоторами «Вейнер-Никова» подобно ему, и очень скоро при виде скорости перемещений, мощи и точности ударов этого человека, который, как и они сами, сражался холодным оружием, атамиды пришли в замешательство. Непревзойденное мастерство Танкреда придало мужества его солдатам, они с новым пылом кинулись в бой, и вскоре воины-атамиды в нерешительности попятались. После чего без всякого видимого сигнала все они предпочли отступить и мгновенно исчезли в извилистых улочках пригорода. Бой закончился так же неожиданно, как начался.

У солдат Танкреда даже не появилось желания издать победный клич, настолько они вымотались. Большинство понимали, что они едва избежали резни. В этот момент по общему каналу раздалось:

– Семьдесят восьмое п/к, посылаем к вам отряд третьей кавалерийской бригады! Держитесь!

Льетто расхохотался – и от нелепости отправки уже бесполезного подкрепления, и потому, что напряжение, накопившееся за время сражения, внезапно спало.

По возвращении в Новый Иерусалим подразделение Танкреда насчитывало всего пятьдесят восемь человек, из которых дюжина тяжело раненных. Из двенадцати погибших только семь тел удалось доставить обратно, пятеро оставшихся исчезли при бомбардировке перехватчиками.

---

⁴ *Меч-бастард* – полутораручный меч (можно держать и одной, и двумя руками). Получил широкое распространение у рыцарей в XIV и XV веках в силу его удобства в бою.

⁵ Торквато Тассо. Освобожденный Иерусалим.

Как и предполагалось, первое сражение армия крестоносцев выиграла. Однако после подсчета потерь – куда более значительных, чем по предварительным прогнозам, – радость победы слегка померкла.

Удостоверившись, что все его раненные распределены по лагерным госпиталям, Танкред поспешил в расположение амазонок. Все встретившиеся ему по пути мужчины и женщины выглядели осунувшимися. Сражаться врукопашную оказалось в новинку даже для прошедших не одну военную кампанию солдат. Подавление мятежа в городской зоне, когда стреляешь издалека через ИЛС-прицел, сильно отличается от ситуации, когда тебя захлестывает волна осатаневших врагов и каждый норовит проткнуть тебя копьем.

Сектор амазонок превратился в огромную ремонтную мастерскую под открытым небом. Между бараками в ожидании, пока кто-то из спецов ими займется, выстроились десятки по большей части поврежденных боевых бипедов. Натянутые кое-где тенты позволяли ожидавшим своей очереди амазонкам укрыться от солнца, впрочем уже клонившегося к закату.

Танкред обнаружил Клоринду перед ее бипедом, явно настроенную попытаться самостоятельно починить его. При приближении Танкреда она выпрямилась и тыльной стороной ладони утерла пот со лба, заодно испачкав его машинным маслом.

– Любовь моя! – воскликнул пехотный лейтенант. – Ты жива и невредима!

Он с облегчением сжал ее в объятиях, не обращая внимания на гневные взгляды смотрительниц и смешки других наездниц.

– Да, – ответила она, – жива. И, судя по тому, как ты меня стиснул, ты тоже не ранен!

Удивленный тоном молодой женщины, он отстранился.

– Что случилось? Ты, похоже, не в настроении.

– Сражение прошло не так, как я предполагала. Нас все время держали в стороне. Подальше от настоящих боев. Мы остались в зоне первой атаки атамидов, лишённые права следовать за продвижением фронта. Мы даже не зашли в город!

Танкред тут же понял, что произошло.

– Думаю, главнокомандующий вооруженными силами на Акии совершенно не ценит корпус амазонок. Видимо, он счел бой слишком серьезным, чтобы вывести на передовую женские подразделения...

– Пусть скажет мне это в лицо! – взорвалась Клоринда. – И я покажу ему, как сражаются амазонки! Мы стоим ничуть не меньше любого солдата-мужчины!

– Я знаю, успокойся, – попытался унять ее Танкред, которому стало не по себе от этой внезапной горячности. – Я не говорил, что разделяю его мнение, а только предположил, что Вильнёв-Касень мог так думать.

Казалось, воительница немного смягчилась.

– Ты прав, – согласилась она. – Извини, просто эта ситуация вывела меня из себя.

Она с раздражением бросила гаечный ключ, который держала в руке, в стоящий у ее ног раскрытый ящик с инструментами.

– И где эти проклятые спецы, чего они ждут, чтобы заняться наконец моим бипедом?

Вокруг них, от одной амазонки к другой, сновали бесшипники, предупреждая их о предполагаемых сроках ожидания. Их начальники, специалисты узкой квалификации, трудились не покладая рук, ремонтируя боевые бипеды, но работа предстояла огромная, а их штат был ограничен.

– А мы зашли в город, – продолжил Танкред. – И я там потерял много своих людей...

– О, сочувствую. Конечно, куда важнее остаться в живых, чем в тылу...

Она резко выпрямилась и устала на него обвиняющий перст.

– Кстати, я видела по Интра, что ты отличился, сражаясь на мечях! Какая муха тебя укусила, что ты пошел на такой риск?

– Как? – забормотал он. – Меня показали по Интра? Но как они...

– Не уходи от темы! Интересно, что бы ты сказал, если бы я решила сражаться, держа одну руку за спиной или с завязанными глазами?

– Я... хм, но это не одно и то же...

– Совершенно то же самое. Из-за этого я могла тебя потерять!

– Да, ты права, – признал он. – Это было рискованно. Но я лишился своей Т-фарад и принял решение спонтанно, особо не раздумывая.

Ему показалось, что Клоринда злится не только из-за того, что он подверг себя такой опасности, но, возможно, немножко и от зависти.

А потому он предпочел сменить тему и стал рассказывать ей, какое впечатление на него произвело то, что он увидел в городе атамидов, какими изящными и гармоничными оказались тамошние сооружения. Если простой пригород выглядел столь прекрасным, остается только догадываться, какие архитектурные чудеса ждут их в столице. Конечно, атамидские воины чудовищные монстры – уж кому знать, как не ему, – но он не может поверить, что атамиды только на это и способны. Дикие звери не стали бы тратить столько сил, чтобы возвести подобный город. Может, существуют другие касты, сильно отличающиеся от них? Может, тонким чувством прекрасного обладают мудрецы или рабочие, о которых им говорили на лекциях на борту «Святого Михаила»?

– Как ты можешь нести такую бессмыслицу? – внезапно оборвала его Клоринда. – Напомнить тебе, что эти утонченные создания, о которых ты говоришь, убили десятерых твоих людей?

Удивленный такой резкостью Танкред онемел.

– Согласна, что в примитивной архитектуре можно найти свою прелесть, – с долей снисходительности продолжила она, – но при этом не следует забывать, что эти чудовища – свирепые дикари. Ты ведь их видел, как меня, верно? Они же демоны! Эти приспешники Сатаны истребили христиан, колонистов первой экспедиции. Своим присутствием эти ползучие гады оскверняют могилу *нашего* Искупителя! А ты упиваешься своими эстетическими рассуждениями об их жилищах!

Внезапно осознав, что зашла слишком далеко, молодая женщина умолкла; ее нижняя губа чуть заметно подрагивала.

Танкред не сказал ни слова. Его глубоко опечалило то, что женщина, которую он любит, способна выказывать такой консерватизм, выплескивать столько ненависти. Ее слова слишком напоминали постоянно звучащие на медиаканалах пустопорожние речи. Он не мог понять, почему она отреагировала так бурно, это ее недостойно. Может, она испугалась, что он вновь впадет в свои заблуждения, вернется к бунтарским мыслям? Но ведь то, чем он с ней поделился, не имеет ничего общего с проявлением мятежного духа. Его размышления основаны на более глубоком чувстве. Он и сам не очень понимал, что толкало его вновь и вновь задавать себе подобные вопросы, но это было совсем не то, что прежде. Это был не просто бунт против системы, которая его разочаровала, и уж точно не желание исправить ошибки.

В любом случае, каковы бы ни были ее мотивы, она не должна была так реагировать.

Пока Танкред молчал с замкнутым лицом, не зная, что ответить, к ним подошел молодой бесшипник и обратился к Клоринде:

– Извините за беспокойство, мадам, – сказал он с таким видом, будто принес плохое известие, – но мой начальник, старший специалист по РК Угедон, просил передать вам, что не сможет заняться вашим бипедом раньше чем через час.

Разумеется, бедняге и в голову не могло прийти, какой неудачный момент он выбрал. Гроза разразилась мгновенно. Ярость амазонки выплеснулась в лицо бесшипнику, которому пришлось выдержать мощный поток брани. Он не осмеливался ни ответить, ни даже просто уйти, пока молодая женщина не закончит. Класс Ноль не поворачивается спиной к разговаривающему с ним солдату.

Танкред испытывал крайнюю неловкость. Он больше не мог терпеть подобное поведение Клоринды и резко прервал ее обвинительную речь:

– Мне пора. Увидимся позже.

Он развернулся и ушел. Первые несколько метров он надеялся, что молодая женщина окликнет его, но она этого не сделала. А он не мог бы сказать, расстроился он или нет, хотя в глубине души уже сожалел, что вот так оставил ее.

Когда Танкред ушел, Клоринда онемела и мгновенно забыла о причине своего гнева. Бесшипник воспользовался этим, чтобы немедленно смыться.

Молодая женщина поняла, что в глазах Танкреда перешла все границы. У нормандца были широкие взгляды, и к бесшипникам он относился как к равным. Клоринда не одобряла такую позицию. По ее мнению, существующая система аристократической иерархии представляет одну из основ общества. Например, ей никогда не пришло бы в голову сказать «спасибо» слуге. Однако, зная мнение Танкреда на этот счет, она понимала, что ей следовало бы просто отослать бесшипника, а не делать из него козла отпущения своих неурядиц.

– Чума задави Вильнёв-Касеня! – прорычала она.

Если бы этот идиот-главнокомандующий не относился к амазонкам с таким пренебрежением, инцидента можно было бы избежать. А в результате она повела себя оскорбительно, к тому же гнев помешал ей вернуть возлюбленного, когда он уходил. Гнев... или гордыня?

«Дикие звери не стали бы тратить столько сил, чтобы возвести подобный город», – сказал он.

– А почему бы и нет, черт побери! – воскликнула она, не замечая, что размышляет вслух. – Может, я и гордячка, но его взгляды приводят в отчаяние! Почему он так цепляется за свои пагубные идеи?

Вопреки определенным интеллектуальным тенденциям, бытовавшим в Европе, к любой культуре, отличающейся от ее собственной, Клоринда испытывала лишь презрение. Единственной цивилизацией, по ее мнению, достойной милости, был Запад, а все, что не исходило от него, вызывало у Клоринды отвращение. Она сердилась на Танкреда за то, что он не понимал, до какой степени для нее это важно, хотя и знала, что бедняга даже не подозревал о причинах подобного отторжения, о глубокой ране, постоянно мучившей ее.

Иначе и быть не могло, ведь она никогда об этом не рассказывала. Ей невыносима была мысль внушить ему жалость. Впрочем, за исключением опекуна, который знал все о ее жизни, она вообще ни с кем и никогда об этом не говорила, снедаемая стыдом и чувством вины, хотя была лишь жертвой ужасной трагедии.

Слишком многое в этом чужом, населенном злобными дикарями мире напоминало Африку ее детства, слишком много было сходства с Нигерией, где обосновалась ее семья, когда Клоринде едва исполнилось семь лет.

В 2181 году радиоактивные облака, идущие с превратившегося в оплавленный песок Среднего Востока, медленно принесли к Эфиопии, что заставило последних жителей покинуть страну. Тогда отец Клоринды, ватиканский дипломат в Аддис-Абебе, получил назначение в посольство в Нигерии, и все семейство Северо перебралось на берега Гвинейского залива.

Тамошнее восстание против Dominium Mundi стало одним из самых свирепых в мире. Вся семья оказалась вынуждена жить взаперти в посольстве, превращенном в крепость, под постоянной угрозой нападения. После первых лет жизни, проведенных в относительной беззаботности и счастливой беспечности обычного ребенка, Клоринда вдруг стала пленницей в собственном доме, остро чувствуя, что она чужестранка во враждебной стране.

Неизбежная трагедия произошла февральской ночью 2183-го. Во время очередной атаки мятежников, организованной лучше обычного, нападающим удалось прорвать блокаду европейского квартала. Полчища инсургентов хлынули в дома должностных лиц и аристократов,

сея смерть и разрушения. Вся семья Северо была перерезана, а Клотильда выжила только благодаря торопливости мятежников, которые даже не дали себе труда удостовериться, что их жертвы действительно мертвы. Девочка, которой не исполнилось и девяти лет, провела целых два дня, лежа среди трупов своих родителей и двух братьев с открытой раной в боку, пока не прибыла помощь.

В тех местах тоже можно было сказать, что дома красивые, а местная культура великолепна и ее следует сохранить. Однако это не помешало кровожадным дикарям сделать то, что они сделали. Это не уберегло ее семью от ужасной участи, а ведь они прибыли, чтобы принести в эти дальние страны благодать Dominium Mundi.

Нет, Клоринда решительно не понимала, чем мир, в котором они сегодня сражаются, лучше, чем тот, где монстры разрушили ее жизнь. Те, кто противостоят НХИ, заслуживают только ковровой бомбардировки!

* * *

12 ноября 2205 ОВ

Грохот отбойных молотков так оглушительно отдавался от каменных стен в пещерах нашего убежища, что острая мигрень не замедлила пробуравить мне виски.

Нашим единственным источником воды была стекающая в недрах гротов тощая струйка влаги. Замеры показали, что напор можно значительно увеличить, если расширить щель. А поскольку наполнение простого ведра занимало как минимум полчаса, было решено незамедлительно приступить к работам. Сделать это, конечно же, было необходимо, но от шума механических резцов я мгновенно оказался на грани нервного срыва.

Сеть пещер, на которой мы остановили свой выбор, горизонтально уходила под каменистые холмы. Она представляла собой череду относительно просторных помещений, связанных между собой гладкими и ровными проходами, проложенными древними потоками, на сегодняшний день давно исчезнувшими. Обилие полостей позволило нам устроиться как в настоящем доме со спальнями, кухнями, общими гостиными и даже складами. Через доходящие до нагромождений камней, которые покрывали холмы, широкие отверстия в потолке (мы их на всякий случай замаскировали большими камуфляжными сетками) до нас во многих местах добирался дневной свет. Здесь было свежо и даже чуть влажно, что на этой планете представляло завидную роскошь. Я бы не рискнул поспорить, что в своих бараках Нового Иерусалима солдаты расположились с большим комфортом.

Рабочим центром нам служило самое большое помещение, и мы установили там все, что припасли из электронного и компьютерного оборудования. Почти все мятежники были инженерами, и никто из них не собирался вести жизнь Робинзона. И речи не могло быть, чтобы мы занялись обтесыванием камня или возведением в поте лица своего деревянных конструкций, подобно потерпевшим кораблекрушение из романа. Ни в коем случае. Едва прибыв, мы распаковали пульты и экраны, размотали сотни метров кабелей, а в отдельной пещере установили и привели в действие альвеолярные батареи. Менее чем за шесть часов центральный зал превратился в настоящую информационную полевую станцию, со всеми возможными предосторожностями подключенную к коммуникационной сети армии крестоносцев благодаря частотам, которые мы несколько недель назад предусмотрительно оставили за собой, убрав их из официальных реестров.

В центре на почетном месте возвышался самый настоящий пульт, подобный тем, что использовались для Нод-2, позволяя осуществлять любые операции, которые могут потребоваться нашим будущим пиратским программам, с той единственной разницей, что отсюда невозможно использовать нейронную связь для непосредственного подключения к био-

Структу. Приходилось довольствоваться простой визуализацией на экране. Короче, чем-то доисторическим.

Вокруг пульта, повторяя форму зала, разместился десяток классических рабочих мест, соединенных в звездообразную сеть⁶. Сам зал мы быстро привыкли называть Котелком, что звучало, конечно, менее изысканно, чем Алмаз на «Святом Михаиле», но по крайней мере одно достоинство у нового имени было: оно вполне соответствовало реалиям этого места.

Сидя за компьютером, я уже несколько часов пытался сосредоточиться на одной особенно сложной программе, над которой корпел с самого нашего прибытия сюда. Нечто вроде супервзлома, который мы обсуждали – впрочем, без особой убежденности, должен признать, – с Клотильдой, взлома, предназначенного для того, чтобы использовать гипотетичную брешь в военной системе безопасности и проникнуть непосредственно в самое сердце информационного потока на штабном пульте. Говоря проще: взлома контрольной башни. Последствия предполагались огромные. Теоретически мы могли в буквальном смысле взять на себя командование любым армейским устройством. Очень амбициозная задумка. Даже слишком. Я знал это, но упрямылся. Мне необходимо было чем-то занять голову. Мы высадились на планету больше тридцати пяти дней назад, а значит, уже больше месяца, как я не подсоединялся к Нод-2. Лихорадка, которая постоянно сотрясала меня, объяснялась не только страхом, что нас схватят, – это была еще и *ломка*.

Многomesячное тесное слияние с Нод-2 на «Святом Михаиле» сделало меня зависимым. Кажется, я никогда не слышал, чтобы пультавик подсел на свой биоСтрукт, однако следовало признать очевидное. Из страха выставить себя в смешном свете я не стал говорить об этом ни с другими биопрограммистами группы, ни даже с Паскалем. Вроде бы ни одного из них этот недуг не затронул. Может, симптомы со временем ослабятся? А пока мне удалось найти единственное отвлекающее занятие – до отупения сидеть над обреченной хакерской программой.

А тут еще эти проклятые отбойные молотки, мучающие наши барабанные перепонки, не давали мне работать.

Внезапно они стихли.

Через несколько минут, едва я с трудом сумел сосредоточиться, в Котелок вошел один из самозванных камнетесов и двинулся прямо ко мне.

– Команданте? – окликнул он меня. – Мы закончили, гляньте, если хотите.

Команданте...

Операция вроде нашего дезертирства не имела ничего общего с многодневной экскурсией для праздных аристократов. Мы укрылись в глубине пещер с перспективой остаться здесь надолго. Кстати, похищенное продовольствие и оборудование позволят нам продержаться *действительно* долго. Достаточно, как я надеялся, для того чтобы выработать план бегства более надежный, чем просто защита от сиюминутных репрессий. Кто знает, возможно, в конце концов мы обоснуемся на другой стороне этой планеты и нам удастся основать там колонию? Всякий раз, представляя себе подобный исход нашего предприятия, я не мог сдержать нервный смешок.

Короче, пока мы не основали новый Питкэрн⁷, нам предстояло просто выжить. С этой целью мы заранее договорились, что должны быть организованы самым безупречным образом. Один из нас предложил, чтобы мы опирались на различные модели ведения партизанских войн, которые на протяжении Истории доказали свою эффективность, и, к моему удивлению, его предложение было принято. Бесплезно уточнять, какой иронией мне казалось, что мы, сбежав от армии и всех сопутствующих ей дурацких правил, теперь вынуждены частично

---

⁶ Звезда – базовая топология компьютерной сети, в которой все компьютеры сети присоединены к центральному узлу.

⁷ Острова Питкэрн – единственная заморская территория Великобритании в Тихом океане. Включает в себя пять островов, один из которых обитаем. Острова известны в основном благодаря тому, что их первоначальные поселенцы были мятежниками с британского корабля «Баунти».

перенять ее образ действий, чтобы упорядочить свое ежедневное существование. В результате настоящий военный смог бы обнаружить у нас столько же званий, приказов и работ по наряду, сколько и в своем привычном окружении.

Члены «Метатрона Отступника» самопроизвольно были признаны естественными руководителями, а сам я по той же логике их возглавил. И должен признать, что система на данный момент функционировала не так уж плохо.

– Команданте Вильжюст?

В сочетании с моей фамилией это звучало еще смешнее.

– Да, да, Анселен, идем.

Я сохранил в компьютере сегодняшние наработки и встал, чтобы последовать за Анселем, который, несмотря на юные годы, был выше остальных на добрые десять сантиметров.

Мало кто из нас сегодня работал в Котелке. Отчасти из-за грохота молотков, но еще и потому, что армия объявила об утреннем наступлении, и все приклеились к экранам центрального пульта, чтобы следить за ходом сражений.

Сначала я удивился, увидев, что бесшипники *искренне* интересуются этой войной и даже желают человеческой расе победы! Лишний раз пришлось констатировать, что конформизм великая сила. А по мне, так если те, кого они явились истребить, перережут всех крестоносцев, это станет лишь торжеством справедливости. Но стадный инстинкт так силен, что даже насильно мобилизованные воодушевились войной, в которой не хотели участвовать. Иногда у меня складывалось впечатление, что они просто смотрят очередные спортивные соревнования, и одни ставят на людей, а другие на атамидов. Конечно, зрелище на редкость нелепое, но по какому праву я бы стал возражать?

В тот момент, когда я проходил мимо собравшихся у экрана, эскадра перехватчиков показала на спутниковом обзоре поля сражения, буквально в несколько секунд пронеслась через большой экран центрального пульта – масштаб у него был около двадцати пяти километров, – чтобы сбросить десятки зажигательных бомб на вражеские ряды. Присутствующие разразились криками и аплодисментами. Я невольно возвел глаза к небу, но никто этого не заметил.

Внезапно я почувствовал, что падаю назад, и, если бы Анселен не ухватил меня за руку, я бы точно расшиб башку о скалу.

– Господи, команданте! – воскликнул он, водружая меня на ноги. – Все в порядке? Вы легко отделались!

– Да, все в порядке, спасибо, – бросил я, потирая руку в том месте, где сомкнулась его железная хватка.

Пол в проходе был мокрым. По нему струился тоненький ручеек, делая гладкий камень пещеры скользким, как лед. Похоже, напор здорово увеличился, раз вода добралась сюда. Я бы и раньше это заметил, если бы те идиоты за пультом не вывели меня из себя.

Однако по-настоящему злиться на них я не мог. Им, как и мне, требовалось отвлечься, подумать о чем-то другом, кроме своих тревог. Нашим худшим врагом было отчаяние, а иногда я чувствовал, как оно бродит среди нас. Едва рассеялась начальная эйфория, вызванная блестящим успехом нашего побега, как группа вернулась к реальности и с каждым днем испытывала все меньше иллюзий относительно наших шансов на выживание. Нас разыскивали крестоносцы, и мы постоянно рисковали наткнуться на атамидов, которые, скорее всего, не станут вдаваться в различия между нами и солдатами регулярной армии. До сих пор ни один из нас с ними не встречался, но сражения, которые позволяло нам увидеть пиратское подключение, вгоняли в ужас.

Осторожно ступая, чтобы не поскользнуться второй раз, я дошел по узкому проходу до помещения с источником. Оно было тесным и темным. Прожекторы на штативах давали людям возможность работать, но висящая в воздухе каменная пыль делала свет тусклым. От удушли-

вого запаха камня, раскаленного добела механическими резцами, у меня перехватило горло. Трое парней, трудившихся здесь, приветствовали меня, быстрым движением поднеся ладонь ко лбу, но без особого энтузиазма. Постоянное военное обезьянничанье вгоняло всех в некоторую неловкость. Я готов был поспорить, что очень скоро эта глупость забудется.

Щель, сквозь которую раньше поток пробивался тонким ручейком, была расширена на добрых тридцать сантиметров. Семь валявшихся на земле затупившихся резцов свидетельствовали о твердости скалы в этом месте, зато теперь напор гнал воду мощной струей. Впрочем, такой мощной, что узкой расселины в почве, сквозь которую поток уходил дальше в скалы, теперь явно не хватало. Уже сейчас все шлепали по слою воды сантиметров в пять, и, если ничего не предпринять, соседние помещения тоже вскоре зальет.

– Черт возьми, да вы нам потоп устроите!

Я даже не старался скрыть своего возмущения.

– Вам не пришло в голову сначала расширить сток, а потом уже браться за источник? Было бы слишком попросить вас сперва покопаться немного у себя в мозгах, а уж потом буравить камень?

– Ну, вообще-то, вы правы, команданте, – смущенно забормотал один из рабочих. – До нас поздно дошло.

– *Мой команданте!*

Плевать я хотел на это слово «мой», просто появилось желание немного приструнить их. Это было мелко, но, черт их задери, неужели трудно включить мозги, прежде чем приступить?

– Умно, – продолжал я. – Теперь вам придется долбить под водой.

– Не проблема, мой команданте, – поспешил заверить меня Анселен, желая развеять скверное впечатление от их усилий. – Инструменты водонепроницаемые. Мы постараемся сделать все побыстрее, и не пройдет и часа, как все будет в порядке.

Я немного помолчал, чтобы показать, что так просто им не отделаться.

– Ладно, парни, давайте. Но только на сей раз без глупостей!

Прежде чем уйти, я все же добавил:

– И молодцы, что расширили. Новый напор здорово облегчит нам жизнь.

Когда я уходил, они отсалютовали мне куда четче – очевидно, от облегчения.

Хотя я понимал, что повел себя с ними довольно жестко, я все равно невольно злился на них за небрежность. Ну почему именно мне вечно приходится думать обо всем? Конечно, это не совсем верно, но мне иногда надоедало, что остальные слишком уж часто сваливают на меня поиск решений. Мне бы тоже хотелось время от времени положиться на кого-то, иметь человека, у которого можно спросить совета. *Танкред*. Образ бывшего друга возник передо мной так внезапно, что я замер на месте.

Вот уж нет, внутренне воскликнул я, *если и есть кто-то, на кого я не могу рассчитывать, так это точно он!*

Яростным жестом я отогнал мысленный образ.

Пусть катится к дьяволу, он меня бросил!

Бросил.

Как я сам бросил свою семью, когда дезертировал...

Отчаяние, которое я сознательно пытался преодолеть на протяжении многих недель, внезапно шарахнуло меня со всей силой. Организуя этот побег, я исходил из уверенности, что армия никогда не вернет нас домой. Я умышленно и безвозвратно загубил свое будущее, думая выковать себе другое, возможно лучшее. Но теперь я понимал, что мои действия по большей части объяснялись досадой, вызванной поступком Танкреда.

У меня в мозгах все перепуталось. Мне больше не удавалось определить, правильно я поступил или нет. Жуткая тоска скручивала мне желудок при мысли, что я, возможно, сделал

плохой выбор. Я ненавижу Танкреда и в то же время надеялся когда-нибудь вновь встретиться с ним.

Растерянный, одинокий, как никогда, я вдруг почувствовал, как на глаза навернулись слезы. К счастью, я был один в полумраке узкого коридора – никто не должен видеть *команданте Вильжюста* плачущим. Как бы то ни было, нет смысла пудрить мозги самому себе: я никогда не смирюсь с мыслью, что не вернусь на Землю.

А если нам сдаться?

Конечно нет. Нас незамедлительно казнят за государственную измену. Ни малейшего шанса на прощение, с этой стороны ждать нечего. Единственной надеждой на возвращение было вынудить военный штаб взять нас на борт «Святого Михаила», прежде чем корабль улетит к Земле.

Но как бы я себя ни обманывал, я прекрасно знал, что ноги нашей там никогда не будет.

* * *

Пещера погружена во мрак. Холодно.

В нескольких метрах от него горит костер. Он подходит и вступает в круг света.

Кровь. На нем!

Он ранен!

Нет, это не его кровь. Ведь она фиолетовая, а значит, не может быть его кровью.

Это жизнь твоих врагов.

Снова Голос!

Каждая жизнь, которую ты забираешь, марает тебя еще чуть больше.

Но я же должен защищаться! Если я этого не сделаю, то погибну сам.

Молчание.

Он подходит к костру, греется у огня.

Приятное тепло ласкает его измученное тело.

Ему кажется, что он возвращается к жизни.

Он подносит ладони к языкам пламени.

Его руки покрыты ранами и засохшими брызгами фиолетовой крови.

Стигматы твоих доблестных сражений.

В Голосе столько горечи, что он отступает на шаг.

В сражении сражаются! Если я прекращу сражаться, то умру!

Каждая жизнь, которую ты забираешь, марает тебя еще чуть больше.

В Голосе лед. Даже огонь больше не может согреть его. Он теряет самообладание.

Он бежит по пещере куда глаза глядят.

Сквозняк! Может, там выход? И солнце!

Оно будет обжигающим, но даже пекло лучше этой ледяной тьмы!

Внезапно он спотыкается и падает на колени. Песок. Он выбрался!

Однако никакого солнца, все та же стужа, все тот же мрак!

Он поднимает голову и различает бледные светящиеся точки. Звезды глядят на него, как пустые глаза тысяч трупов, что усеяли холодное пространство космоса.

Каждая жизнь, которую ты забираешь, искажает вселенную.

Но я должен сражаться! Я создан для этого!

Молчание.

Ему хотелось бы вернуться под защиту пещеры, вновь обрести тепло огня, но он забрался слишком далеко и уже не знает пути назад.

Он падает на землю. Песок холоден, как снег.

Ни дуновения ветра, ни звука. Мир умер. Он сам убил его.

Я должен сражаться! Во Имя Его. Этого требует Он!
Он воздевает руки и грозит мертвым звездам своими продрогшими кулаками.
Это Священная Война! Сам Всемогуший повелевает мною!
Воздух так холоден, что он уже не может дышать. Он задыхается.
Завитки тумана окружают его, образуя саван вокруг его тела.
Он хотел бы встать, но силы покинули его.
Он сдается, отказывается от борьбы.
Что же это за Бог, который создает жизнь, а потом приказывает ее уничтожить?
Под ним открывается бездна.

* * *

14 ноября 2205 ОВ

Обезумев от беспокойства, Танкред полным ходом гонит своего першерона в зону, где сражаются амазонки. Стук копыт его скакуна почти заглушает шум схваток. Он оставил позади сектор, где действует его подразделение, и теперь мчится по пустынным улицам. Столица так огромна, что целые районы остались вдалеке от сражений. Меха-перши по своей конструкции не могут долго выдерживать подобную скорость, но нормандец об этом и думать забыл. Он только что узнал, что подразделение Клоринды попало в переделку.

После состоявшейся уже неделю назад битвы в пригороде 78-е отправили на отдых. Пока другие подразделения продолжали отвоевывать территорию, продвигаясь к столице, солдаты, первыми вступившие в бой, оставались в тылу, залечивая раны или ремонтируя свое снаряжение. Находящиеся в критическом состоянии раненые пребывали на нанохирургическом ложе, а погибших похоронили со всеми военными почестями. Что до потерь личного состава, официальные цифры уже перескочили за восемнадцать тысяч убитых, а среди атамидов счет, вероятно, шел на сотни тысяч. Грядущая победа не вызывала сомнений, вопрос был только *когда?*

На следующее утро, возвращаясь с короткой церемонии в честь погибших солдат подразделения, Танкред случайно столкнулся со своим дядей Боэмундом. После трагического заседания дисциплинарного совета они еще не виделись. Оба испытывали неловкость, поэтому обменялись лишь парой вежливых фраз, но без прежней теплоты. Танкред догадывался, что Боэмунд немного сожалеет о своей непреклонности и ищет путей к примирению. Однако самому ему казалось, что пока слишком рано; возможно, этот печальный эпизод разрушил что-то между ними.

Позже, вероятно из-за этой тягостной встречи, Танкред опять вспомнил Альберика. Из чистого любопытства он связался с одним старым боевым товарищем, который теперь служил в военной полиции, старшиной д'Алистом, чтобы неофициально запросить список дезертиров. Когда список оказался в его руках (несмотря на все нежелание давнего знакомого передавать кому-либо документ такого рода), он уединился, чтобы внимательно его изучить. Без всякого удивления среди сотни мятежников он обнаружил имя своего бывшего друга. С защемившимся сердцем он уже собрался было скомкать листок, чтобы уничтожить его, но внезапная мысль его остановила. Вторично пробежав глазами документ, он заметил детали, которые в первый раз ускользнули от него.

Список имен мог показаться слишком неоднородным, как если бы дезертиры действовали спонтанно. Однако привыкший к планированию военных операций ум Танкреда сразу отметил, что в составе инженеров, техников и обслуживающего персонала нет ничего случайного. Быстрый подсчет показал, что количество женщин приблизительно равно количеству мужчин. Это вовсе не было «приступом безумия кучки неисправимых смутьянов», как в

«информационных» передачах побег представляли власти, – скорее это напоминало тщательно подготовленную операцию.

Сорок восемь часов спустя 78-е смешанное п/к снова отправилось на фронт. Только пять человек из двенадцати погибших были заменены новыми людьми из тех частей, которые пострадали так сильно, что их пришлось расформировать. Начались беспрерывные бои, все более ожесточенные, все более кровавые.

Через четыре дня линия фронта наконец-то прошла через столицу. Для участия в этом поворотном моменте военной кампании были задействованы все имевшиеся в наличии части. Близость последнего места упокоения Христа воспаляла солдат, и люди в барже, перевозившей 78-е, весь полет распевали гимны и молитвы.

После своих подвигов на поле боя Танкред заметил, что немилость командного состава по отношению к нему как будто закончилась. Неделью назад, после встречи с Клориндой, он узнал, что пресс-служба армии крестоносцев имеет доступ к видеозаписям многочисленных камер, встроенных в каждый экзоскелет. Из-за скверного качества эти записи почти никогда не демонстрировались. Тем не менее при виде проявленного нормандцем героизма в верхах явно решили, что он должен послужить примером для подражания, и записи с камер множества солдат, которые смотрели, как он сражается, безостановочно крутились день за днем.

Эта передача нашла отклик в Новом Иерусалиме и снова привлекла внимание к экс-лейтенанту, но на сей раз уже по положительному поводу. И теперь Танкреда всячески обхаживали, каждому хотелось показаться рядом с героем полей сражения или же выслушать его мнение по тому или иному вопросу.

Однако, прекрасно понимая, что ему следовало бы радоваться, поскольку это означает, что он наконец вернулся на путь истинный, экс-лейтенант испытывал лишь отвращение. Отвращение как к этим баранам, которые идут на поводу у сиюминутных веяний, так и к самому себе, потому что только его выдающийся талант нести смерть обеспечил ему неожиданную популярность. И так же, как когда-то он повторял мантры, вырабатывая нужные рефлексy, теперь ему приходилось все чаще твердить молитвы, чтобы не позволить снова всплыть дурным мыслям. Этот метод пока позволял ему держаться, но на сколько еще его хватит?

Если бы не эти странные сны! Каждый раз ему требовалось несколько дней, чтобы совладать со смятением, в которое они его вгоняли. А последний оказался хуже всех. Такой тревожный и в то же время такой значимый именно сейчас. Танкред неоднократно подумывал проконсультироваться у армейского психолога, но опасался подать повод для рапорта, если он рискнет признаться в столь «подрывных» снах.

Сегодняшнее сражение было совсем иного масштаба, чем битвы в пригородах. В нем участвовала большая часть контингента крестоносцев, и были задействованы все полки. Алые лучи систем наведения расчерчивали небо ослепительными полосами, а спутниковые удары сфокусированным первичным космическим излучением заливали синеватым светом целые кварталы.

Находясь на передовой, Танкред командовал своим подразделением, продвигавшимся по городским улицам. Здешние сражения сильно отличались от тех, что велись на равнине, но люди привыкли к уличным боям. Нормандский экс-лейтенант старался со всем усердием исполнять свой солдатский долг и дрался неугомонно; однако, несмотря на раз за разом прилагаемые усилия, он не мог избавиться от чувства тревоги. Пусть воины-атамиды были грозными противниками – рукопашный бой шел практически на равных, – в конечном счете человеческая военная техника уничтожала все на своем пути, неумолимо убивая тысячи этих существ и не оставляя им ни малейшего шанса спастись.

Неожиданное движение войск вытеснило 78-е на боковую улицу, где схватка с атамидами вдруг приобрела беспорядочный характер. Танкреду хватило нескольких секунд, чтобы понять причину необъяснимой сумятицы в рядах противников: другие атамиды пытались убе-

жать из зданий этого района, причем они были совсем иными, меньшего роста и безоружные. Он вспомнил учебные фильмы и опознал в них крестьян и, очевидно, детей. Разумеется, крестоносцы не делали никакого различия и равнодушно истребляли как солдат, так и гражданских, а затем сжигали их трупы огнеметами.

Испытывая отвращение к этой бойне, Танкред теперь сражался только ионизированным клинком. Хотя он понимал, что это лицемерно, а главное, очень опасно, ему все же казалось, что таким образом он хотя бы частично спасает свою честь или же, по крайней мере, самоуважение.

Бои, поначалу сосредоточенные в нижней части столицы, теперь шли на улицах, поднимающихся по склону, и когда солдаты повернули за угол здания, перед ними внезапно открылась верхняя часть города, где предположительно находилось святилище. Длинные белые башни вырастали из уступчатых холмов, возвышаясь над широкими наклонными зданиями, отдельные части которых нависали над пустотой, поддерживаемые арками разных размеров. Контуры башен от основания до вершины неоднократно изменялись, создавая выступы и узкие террасы, вплоть до самого последнего, звездообразно расширяющегося наверху. Перламутровый материал, покрывающий большую часть конструкций, здесь выглядел особенно эффектно – огромные башни бросали друг на друга бесчисленные сверкающие отблески. В очередной раз Танкред не мог не восхититься чудесами архитектуры, на которые оказались способны атамиды, одновременно содрогаясь при мысли о том, какие неизбежные разрушения ждут их во время сражений.

Он спускался со своего перша, чтобы помочь раненому солдату, когда Энгельберт связался с ним по каналу внутренней срочной связи. Тон, каким заговорил его наводчик, заставил Танкреда мгновенно насторожиться:

– Мой лейтенант! Я только что слышал по общему каналу, что подразделение АМ двадцать пять В просит помощи в трех секторах к северу отсюда. Двадцать пять В – это не то, в котором...

Он не успел закончить вопрос, да это было и лишним: его командир уже сидел в седле своего меха-перша и мчался во весь опор по склону. 25-В было подразделением Клоринды.

Когда Танкред добрался до зоны, где сражались амазонки, перед его взором предстал только хаос боя.

Повсюду амазонки, издающие воинственные возгласы и скачущие на своих бипедах, бьются со множеством остервенелых атамидов. Перевес сил очевиден: очень скоро амазонок сомнут. К тому же у ближайших к ним подразделений и своих забот хватает, так что прийти на помощь они не смогут. АМ-25-В будет уничтожено в самое ближайшее время.

В отчаянных поисках Клоринды лейтенант обшаривал взглядом местность. Наконец ему удалось различить ее в сумятице сражения. Фиолетовая кровь заливала изображенную на ее экзоскелете пантеру под двумя пальмами, и все же узнать ее оказалось нетрудно. Танкред хотел было броситься к ней, но его перш встал на дыбы: главные действующие лица сошлись так тесно, что пробиться сквозь схватку представлялось невозможным. Ни секунды не колеблясь, Танкред спрыгнул со своего меха и очертя голову кинулся в гущу свалки, продвигаясь практически по плечам сражающихся, перепрыгивая через крупы бипедов или перекатываясь по земле, чтобы не попасть под падающее тело отброшенного разрядом Т-фарад уже мертвого атамиды. Лейтенанту почти удалось добраться до молодой женщины, когда он увидел, что она бьется с двумя разъяренными атамидами.

Один из них наносил удары копьем с такой скоростью, что она едва успевала уклоняться, а другой, вооруженный боевым молотом, вцепился в шею бипеда и яростно пытался размозжить голову скакуна. РК имел удручающий вид: весь в глубоких пробоинах, откуда, как ошметки плоти, свешивались провода и трубки с охлаждающей смесью, испускавшие струи

белой жидкости, он походил на живое существо в агонии. Полностью потеряв ориентировку, бипед бессмысленно крутился вокруг собственной оси, еще больше затрудняя движения наездницы, пока та пыталась избежать града ударов, используя вместо щита свой явно уже бездействующий арбалет Т-фарад.

Танкред с яростным воплем занес меч над правым плечом, откинув руку с оружием как можно дальше назад, и кинулся на потрясающего копьём атамиды. Пораженный видом разъяренного воина, атамид не успел уклониться от сверкающего клинка, который обрушился на него с такой силой, что разрубил пополам его тело, из которого вырывался фонтан крови. Танкред без промедления бросился на землю, перекатился под массивной грудью бипеда, который продолжал свой бешеный танец, встал на ноги по другую его сторону в идеальной позиции, чтобы поразить второго атамиды, все еще не отпустившего шею скакуна, и нанес снизу вверх чудовищный удар, вспоров неприятелю живот. Внутренности существа с отвратительным звуком вывалились на землю, а само оно с воплем рухнуло следом. Танкред прикончил его, не моргнув глазом, потом тоже повис на бипеде, чтобы дотянуться до кнопки срочной остановки, расположенной в лючке на верхней части шеи. Тот застыл на месте так внезапно, что Клоринду и ее защитника отбросило в разные стороны. При падении часть полукруглого забрала Танкреда разбилась, и внутрь шлема посыпались мириады острых осколков. Метавоин втянул внутрь то, что осталось от золотистой полусферы, встал с обнаженной головой и кинулся к лежащей в нескольких шагах от него Клоринде.

Только теперь он понял, что она серьезно ранена: на ее экзоскелете от паха до подмышки зиял широкий разрез, из которого обильно текла кровь. Непонятно, как в подобном состоянии она смогла так долго продержаться. Танкред откинул забрало несчастной, чтобы увидеть ее лицо. Она как будто пришла в себя, приоткрыла глаза и, прежде чем окончательно потерять сознание, выдохнула:

– Танкред! Хвала Господу!

Танкред подхватил молодую женщину на руки и перенес ее к останкам бипеда, который тем временем рухнул на землю, и, воспользовавшись его корпусом как импровизированным заслоном, уложил ее вдоль неподвижного металлического тела. Затем вспрыгнул на него с клинком в одной руке и щитом в другой, готовый убить всякого, кто попытается приблизиться.

Однако он понимал, что в этом секторе бой проигран. Большая часть амазонок подразделения 25-В уже убиты, а остальные беспорядочно пытались отступить. Вскоре враги окружают его, и это будет конец. И его собственный, и Клоринды. Невыносимая мысль!

Отказавшись от защиты обреченной крепости, он спрыгнул с бипеда, отбросил щит и уменьшил длину клинка, чтобы тот не стеснял движения, а затем, вскинув Клоринду на плечо, начал пробираться между сражающимися, защищаясь, как мог, свободной рукой. По внутреннему каналу своего подразделения он крикнул:

– Лето! На помощь, ты мне нужен, срочно! *На помощь, брат!*

Не дожидаясь ответа, он принялся буквально прорубать себе дорогу в свалке. Ярость преобразила его, и даже с Клориндой на спине он разил врагов мечом, не обращая ни малейшего внимания на удары, которые получал сам. Какой-то крошечной частицей своего сознания, еще способной мыслить рационально, он отметил, что атамиды как будто узнавали его и некоторое время колебались, прежде чем напасть. Но противников было слишком много, и очень быстро стало очевидно, что он проиграет. Со всех сторон на него сыпались тычки и удары, враг одолевал его количеством, ему почти не удавалось пробиваться вперед, и очень скоро непомерных усилий стоило даже поднять руку с оружием. Внезапно удар сильнее прочих заставил его опуститься на одно колено, потом другой выбил меч, и рука онемела, видимо сломанная. Перед ним возник атамидский воин и явно собрался пронзить его копьём. Танкред поднял голову и, приготовившись принять смертельный удар, прошептал:

– Клоринда... прости меня...

Неожиданно за спиной грозного существа встал на дыбы огромный боевой першерон и тут же тяжело обрушился на врага, с треском дробя его кости. Льетто вместе с Дудоном, который прихватил перша Танкреда, подоспел вовремя.

– Давай ее мне! – крикнул Льетто, протягивая руки к Клоринде.

Оглушенный, с плавающими перед глазами черными пятнами, Танкред все же умудрился встать на ноги с молодой женщиной на плечах и в последнем усилии поднять ее к Льетто. Единственное, что он потом вспомнит, – это как прежде, чем потерять сознание, пытался забраться в седло позади Дудона.

* * *

Пронзительный, назойливый колокольный звон в ушах.

Танкред поднялся на ноги. Все его члены странно потяжелели. *Это усталость или признак повышенной гравитации? Неужели я уже вернулся на Землю?* Возможно ли, чтобы вся эта военная кампания оказалась всего лишь сном?

Он находился в погруженном во тьму крошечном помещении без окон. Только несколько экранов отбрасывали смутный свет на пол.

Танкред двинулся на ощупь, пытаясь отыскать дверь. Здесь неприятно пахло затхлостью, не мешало бы проветрить. Пол был завален мусором. Грязная одежда и остатки еды. *Да кто же здесь живет?* И этот колокол, продолжающий звонить, – он когда-нибудь смолкнет?

Неожиданно Танкред больно напоролся на какой-то острый металлический предмет. Он пощупал голень и почувствовал на руках кровь. Должно быть, здорово поранился об эту чертову штуковину. Чтобы понять, что это за препятствие, Танкред опустил на колени. По спине пробежала ледяная дрожь: хромированный куб. Гомеостатический ящик!

Господи, я в тайнике Испепелителя!

Он хотел подняться, но ноги не слушались и подгибались. В отсветах хромированного ящика он различил возвышающуюся позади него темную фигуру. Поскольку нижняя часть тела отказывалась ему служить, он предпочел упасть навзничь, чтобы избежать удара, который не замедлит последовать. Но ничего не произошло.

Он ожидал, что почувствует боль от падения, но странным образом не почувствовал ничего. Перевернулся и попытался отползти. В таком темпе ему ни за что не добраться до укрытия. Звон колокола стал невыносимым.

Внезапно, бесшумно скользя по полу, прямо перед ним вновь возник черный силуэт. Из сотканного из тени рукава вытянулась бледная рука и наставила на него палец. Охваченный страхом, Танкред попытался нащупать на поясе пистолет, но обнаружил лишь простой браслет. Браслет Вивианы! Палец на бледной руке начал наливаться синеватым сиянием. Ужас парализовал всю нервную систему Танкреда, когда из-под капюшона Испепелителя раздался голос Боэмунда Тарентского:

– *На тебе лежала двойная ответственность – и за свое имя, и за свою военную репутацию. Ты предал и то и другое!*

Танкред открыл глаза в больничной палате.

Слабые рассветные лучи освещали квадрат окна в глубине комнаты. Звук дыхания трех человек свидетельствовал о том, что в палате он не один, но проснулся только он. Контрольные экраны медицинского оборудования отбрасывали на потолок сложные цветные узоры, раздражающие электронные метрономы неумолимо отсчитывали сердечные сокращения пациентов.

Едва Танкреду удалось сфокусировать взгляд и сосредоточиться, он приподнялся, чтобы оглядеть свое тело. Все на месте. Ничего не отрезано, никаких зияющих ран. Он даже не лежал

на ложементе для клеточного восстановления. И все же левую руку и правую ногу обволакивала нанохирургическая пена, а остальное тело покрывали многочисленные ушибы.

Неожиданно ему вспомнилась резня, уничтожившая подразделение Клоринды, и у него вырвался крик. Он хотел встать, но плечо пронзила резкая боль, и он снова упал на койку. Контрольный монитор тут же впрыснул ему несколько кубиков болеутоляющего, и вскоре его разум начал снова затуманиваться и вновь погрузил его во мрак, из которого он только что всплыл.

* * *

15 ноября 2205 ОВ

Танкред сложил ночную рубашку и простыни, которые использовал за те сорок восемь часов, что провел в госпитале. Учитывая, что все это немедленно отправится на стирку в центральные прачечные, особого смысла в его действиях не было, однако привычка к порядку взяла верх. Он попрощался с соседями по палате, пожелав им скорейшего выздоровления, и быстрым шагом двинулся на выход, счастливый тем, что наконец выберется на волю. После двух дней больничной изоляции он намного лучше понимал нетерпение Льето в конце целой недели в госпитале!

Кстати, не успел он выполнить все формальности в бюро пропусков, как наткнулся на ожидающую его у выхода группу встречающих, состоящую из самого Льето, Дудона и нескольких солдат его подразделения. Гигант-фламандец испустил крик радости.

– Танкред Тарентский! Клянусь всеми святыми, вот и ты!

Одним махом молодой человек оказался рядом и обхватил его мощными руками, оторвав от земли. Танкред, у которого многие части тела еще были в нанохирургических повязках, скривился, но не сдержал улыбки.

– Льето, увалень несчастный, поосторожней! – среди всеобщего смеха воскликнул Дудон. – Ты что, хочешь снова отправить его на операционный стол?

Пока Танкред вновь обретал почву под ногами, он продолжал:

– Как дела, командир? Мы много раз пытались тебя навестить, когда ты сюда загремел, но посещения здесь запрещены.

– Все в порядке, друзья, – заверил Танкред, в свою очередь дружески похлопывая их по плечам. – Ран было много, но ни одной по-настоящему серьезной.

– Ясное дело, – заявил Льето, – кишка у них тонка прикончить героя крестового похода!

– Какой там герой, – отмахнулся Танкред. – Если бы вы не подоспели на выручку, мне бы никогда оттуда не выбраться.

При этих словах Льето Турнэ снова крепко сжал его в объятиях.

– Друг мой, какой подвиг ты совершил, а главное, какое безумство! Я и впрямь подумал, что потеряю тебя в этой мясорубке!

Его глаза затуманились.

В сознании Танкреда вновь всплыл образ друга, спешащего ему на помощь по полю боя. Он тоже обнял его и хриплым от волнения голосом проговорил:

– Я никогда не забуду того, что ты сделал, Льето. У тебя уже есть лучший из братьев, но теперь и я могу сказать, что у меня есть брат.

Ощутив комок в горле, рыжий колосс не нашелся, что ответить, и Танкред воспользовался этим, чтобы обратиться к Дудону, который смотрел на них, простодушно улыбаясь от радости, что видит таких близких друзей.

– А ты, пехотинец класс Два! Кто тебе разрешил садиться на першерона метавоина? Знаешь ли ты, что это строго наказуемый проступок и тебе светит пара недель гауптвахты?

Дудон расхохотался.

– А хуже всего, лейтенант, мне это понравилось! Надо будет при случае попробовать еще разок. Кто знает, может, я даже запишусь на Испытание? – подмигнув, добавил он.

– Тогда можешь на меня рассчитывать, я тебя поддержу, – ответил Танкред, тепло обнимая его за плечи. – Ты был просто великолепен, и я тебе обязан по гроб жизни.

Лицо молодого рекрута внезапно зарделось, и от смущения он только снова улыбнулся.

– Так что же произошло после того, как вы меня нашли? – продолжил Танкред. – И как вы нас оттуда вытащили?

– Вообще-то, – принялся объяснять Льето, – нам и делать-то ничего особенно не пришлось. Когда мы появились, ты уже почти вырвался из зоны боя. Еще несколько шагов, и ты бы добрался до своего перша. Нам оставалось только потоптать атиков да пустить несколько очередей, чтобы снова оказаться на контролируемой территории.

– И как раз вовремя! – умерил его пыл Дудон. – Почти сразу после этого «Зубры» зачистили зону.

– Погодите, а где же Энгельберт? – спросил Танкред, только сейчас заметив отсутствие брата Льето. Уже задавая вопрос, он почувствовал тревогу при мысли, что могло произойти за два дня его отсутствия.

– Его приписали к сорок девятому, – поспешил успокоить его Льето. – Им не хватало полевого наводчика, вот они и воспользовались тем, что тебя нет.

– А остальное подразделение так и сидело на месте, пока я валялся в госпитале?

Танкред сильно сомневался, что так оно и было, но и подумать не мог, какой печальный ответ его ожидает. Лица помрачнели, и Дудон почти прошептал:

– За последние два дня погибли четверо наших.

Еще четверо! Итого шестнадцать смертей. Если подразделение лишится больше пятидесяти процентов личного состава, его немедленно расформируют, а оставшихся перераспределят по другим частям, чтобы возместить потери.

– И среди них Олинд, – добавил Дудон.

Танкред был потрясен. Он взглянул на молодого солдата со всем сочувствием, на какое был способен. Потеряв лучшего друга, тот до сих пор и виду не подал.

– Дудон, я... вы были так близки. Даже не знаю, что сказать...

– А тут ничего и не скажешь, – бросил тот в минутном приступе горечи. – Я в тот день получил штрафной наряд, и меня даже не было рядом с ним!

Он провел рукавом по заблестевшим глазам.

– Но лучше поговорим о живых! – воскликнул он с напускной бодростью. – Уверен, ты с самого начала сдерживаешься, а ведь тебе смерть как охота увидеть ее, точно?

Даже не попытавшись скрыть нетерпение, Танкред вскричал:

– Как? Вы знаете, где она? Мне только сказали, что она выкарабкалась, но больше ничего узнать не удалось!

– Не тревожься, – успокоил его Льето, – она действительно вне опасности. Ее положили в отделение серьезных травм, но сегодня утром уже перевели.

– Так где она сейчас? Да не тяни ты! Где я могу ее найти, черт тебя побери?

Внезапно Танкред осознал всю бестактность своего поведения. Многие его люди погибли в эти дни, а Дудон потерял лучшего друга.

– Простите, – смущенно сказал он. – Наверное, я вас обидел.

Но приветливые лица друзей сразу его успокоили.

– Ты что, сбрендил, братец? – воскликнул Льето, а Дудон в знак полного согласия яростно затряс головой. – Мы так рады, что вы оба живы! Что может быть естественнее твоего желания как можно скорее ее увидеть!

– Она в корпусе С, второе крыло, – добавил Дудон. – Скорее беги к ней!

Танкреду пришлось сдерживаться, чтобы не пуститься бегом по длинным коридорам больничного центра Нового Иерусалима. Это место не имело ничего общего с оборудованным по последнему слову техники безукоризненным «Сентраль-Шарите»; здесь расположился полевой военный госпиталь, большая часть которого была построена из временных сборных конструкций. Но временное оно или нет, покой подобного заведения нарушать не следовало.

По дороге ему попались несколько залов ожидания, где вокруг общественных панелей Интрасвязи собрались группы людей. Маркиз де Вильнёв-Касень, главнокомандующий армиями крестоносцев на Акии, обращался к войскам с торжественной речью. Танкреду очень не нравился этот человек, так что он не нашел нужным остановиться и послушать. В любом случае обрывков, которые до него донеслись, хватило, чтобы уловить основное содержание выступления: это были напыщенные разглагольствования, имеющие целью воодушевить войска перед намеченным через два дня большим сражением – завершающим штурмом в окрестностях святыни.

Танкреда порой приводили в замешательство рассуждения, доказывающие законность ведения войны, в то время как Священное Писание гласило прямо обратное. «Оружия воинствования нашего не плотские», – гласила Книга⁸. Холодный реализм политики плохо сочетался с такого рода заповедями, так что потребовалось изобрести концепцию священной войны, дабы обойти пацифистское послание Библии. Исходя из этой концепции теперь считалось, что любой добрый христианин, вообще-то, должен осуждать насилие, *кроме* тех случаев, когда речь идет о защите Церкви.

Поднимаясь по этажам второго крыла, Танкред замедлил шаг, опасаясь задеть кого-то из раненых, которых временно разместили в коридорах. Носилки были самыми современными, уход осуществлялся настоящими врачами, а не солдатами, получившими поверхностную подготовку по оказанию первой помощи, но, невзирая на все усилия, полевой госпиталь во время войны всегда походил на улей, в который сунули палку. Персонал метался во все стороны, подобно одуревшим пчелам, на которых свалилось слишком много забот.

Невзирая на эту суету, Танкред в конце концов нашел нужную палату. Стоило перешагнуть порог, и ему показалось, что он попал в другой мир. Палата, хоть и небольшая, резко отличалась от коридоров, через которые он только что пробирался, и была спокойной и светлой.

Клоринда лежала на ложементе клеточного восстановления. Белая простыня, целомудренно накинутая на обнаженное тело, позволяла увидеть кое-где сотни микрохирургических волоконцев, трудящихся над ее исцелением. Здесь тоже находилось несколько пациенток. Несмотря на осунувшиеся черты и еще видневшиеся на лице кровоподтеки, Клоринда, казалось, была в неплохой форме, потому что беседовала о чем-то с одной из соседок по палате.

Увидев своего поклонника, она закричала от радости:

– Танкред! Мой спаситель! Мой герой! Моя любовь!

Три ее соседки хихикнули. Танкред внезапно ощутил, что покраснел. Он со смущенной улыбкой подошел к своей амазонке.

– Клоринда... наконец-то я снова тебя вижу, – проговорил он, наклоняясь, чтобы поцеловать ее в лоб. Но в последнюю секунду молодая женщина вскинула лицо, чтобы страстно поцеловать его в губы.

Чувствуя любопытные взгляды других пациенток, Танкред присел рядом, растерянный, как никогда в жизни.

– Я... хм, я вижу, что тебе уже лучше.

– Да, ранение было впечатляющее, но ничего такого, с чем не справились бы микрохирурги. Завотделением пообещал мне, что дополнительных сорока восьми часов в ложементе будет достаточно.

---

⁸ 2-е послание Коринфянам, гл. 10: 4.

– Надеюсь, они не пытаются сократить курс лечения, чтобы освободить место для следующих раненых, – нахмурился Танкред.

– Не знаю. В любом случае чем раньше я выйду, тем лучше. Ненавижу этот ложемент. Согласна, это не больно, только появляется легкий зуд, который в конце концов начинает жутко действовать на нервы! И потом, хоть это, конечно, и глупо, но как представляю себе миллионы синтетических козявок в собственном теле, мне становится не по себе. Это почти непристойно.

Она почти материнским жестом взяла его лицо в свои ладони.

– А ты-то как себя чувствуешь? Серьезные были раны?

Потом, не дав ему времени ответить, пылко продолжала:

– Ты даже не можешь себе представить, что я почувствовала, когда увидела, как ты мчишься мне на помощь! Признаюсь, за мгновение до этого я была в ужасе при мысли, что, наверно, умру, так больше тебя и не увидев, но, когда ты появился на своем перше, мое сердце выпрыгнуло из груди.

Она заговорила тише.

– Знаю, это очень эгоистично с моей стороны. Мне следовало бы сказать тебе, что риск, на который ты пошел, придя мне на помощь в уже проигранном сражении, неразумен, что ты не должен был. Разумеется, если мне суждено погибнуть на поле боя, я вовсе не хочу, чтобы ты ушел вместе со мной. И все равно в тот момент мне было невыносимо, что ты так далеко...

Он взял ее руки в свои и прошептал на ухо.

– Я знаю, любовь моя. Я думаю так же, как ты. Я не какой-нибудь законченный романтик. Я хочу жить. И все же как жить без тебя?

Танкред еще некоторое время провел у нее, рассказывая, что произошло после того, как она потеряла сознание, и как Лъето с Дудоном вытащили их из переделки, а потом пришла медсестра и попросила его покинуть палату. Стараясь всеми способами затянуть встречу, Кло-ринда заставила его пообещать, что завтра он вернется, но все же ему пришлось уйти, когда медсестра стала проявлять нетерпение.

Вернувшись в расположение части, он приказал прапорщику Юберу немедленно собрать все 78-е подразделение, чтобы он мог принять командование. Прапорщик доложил, что придется подождать до конца дня, потому что большая часть оставшегося личного состава временно прикомандирована к другим подразделениям. Таким образом, у Танкреда появилось несколько свободных часов. Он решил воспользоваться ими, чтобы снова связаться со своим информатором из военной полиции. Пока он лежал в госпитале, его посетило одно предчувствие, и ему не терпелось все проверить.

Он познакомился с прапорщиком Шарлем д'Алистом во время какой-то мелкой операции несколько лет назад – в то время тот еще находился на действительной службе – и, хотя бои были недолгими, им хватило времени неплохо узнать друг друга и проникнуться взаимной симпатией. Алист был суровым парнем старой закваски, которого непросто провести. Едва Танкред перешел к делу, попросив о новой небольшой «услуге» касательно того дела о мятеже, тот заворчал, но согласился во имя братства старых товарищей по оружию.

Они вместе отправились в гаражи с целью расспросить местного начальника, ответственного за выезд машин. Заранее договорились, что вопросы будет задавать Шарль, чтобы не возбуждать подозрений. Занимавший эту должность сержант принялся ныть, что его опять дергают с той злосчастной историей, из-за которой ему и так пришлось отвечать на сотни вопросов. Однако прапорщик д'Алист был не из тех, кому можно долго перечить, а потому сержанту пришлось рассказать все заново.

Мятежники украли восемь войсковых транспортников класса «Косатки», которые им удалось заранее поставить на прикол в различных ремонтных точках города. Маячки слежения на этих машинах были уничтожены, что сделало невозможным отслеживание их место-

положения со спутников, но через несколько дней их остовы обнаружили на дне пропасти. Вероятно, мятежники избавились от транспортников, чтобы продолжить свой путь пешком. Их долго искали в окрестностях, но они не оставили никаких следов.

– Неизвестно, что с ними стало. Насколько можно понять, атики их всех истребили. Кстати, так для них и лучше, чем если бы они попались нашим ребятам, можете мне поверить!

По подсказке Танкреда Алист спросил, были ли в те же дни похищены другие машины или тяжелое оборудование. Сержант ответил отрицательно. А в предыдущие дни? Тоже нет. Тогда, как и было договорено с Танкредом, прапорщик потребовал сверить реестры машин, составленные при погрузке «Святого Михаила», с теперешними. Начальник гаража несколько минут ныл, что это отвратительная скрупулезная работа, но в конце концов сдался. В его оправдание следовало признать, что списки оказались гигантскими, и даже с помощью компьютера потребовалось не меньше двух часов, чтобы довести дело до конца. Но игра стоила свеч.

Сравнение двух реестров выявило среди мелких разнородных отличий и главное расхождение: из нескольких сотен багги, погруженных к началу путешествия, четырнадцать сегодня отсутствовали на перекличке, причем ни один рапорт о несчастном случае или боевых потерях не был подан, чтобы объяснить их исчезновение. С точки зрения Танкреда, причина была очевидна: кто-то изъял эти багги из реестра. А кто, кроме операторов Нод-2, способен осуществить подобную манипуляцию?

На секунду позабыв о договоренности с Шарлем, Танкред сам спросил сержанта, возможно ли погрузить четырнадцать багги в восемь «Косаток».

– Очень может быть... Багажные отделения там недостаточно велики, но если выломать сиденья, чтобы запихнуть багги вместо пассажиров, то они точно влезут. Но где тогда разместятся пассажиры?

Запросто, подумал Танкред. Им достаточно остаться внутри багги.

Стратегия беглецов становилась нормандцу все яснее: уехать у всех на глазах в транспортных «Косатках», спрятав в них официально не существующие багги, а потом избавиться от «Косаток». Таким образом, бесшипники заставили думать, что дальше они пошли пешком, хотя на самом деле они отправились на багги класса «скрытные», которые не оставляют за собой никаких следов. А значит, заданный армией периметр поисков не соответствовал действительности.

На обратном пути Танкред не мог не задать своему старому боевому товарищу еще один вопрос:

– Скажи, Шарль, я слышал, во время побега были жертвы. Это правда?

Не останавливаясь, Шарль смахнул песчаную пыль с полицейского жетона на лацкане кителя.

– Тебе и впрямь покоя не дает эта история, да? – неодобрительно заметил он. – Знаешь, будь-ка поосторожней.

– Ладно тебе, Шарль, только не заливай, что ты за меня волнуешься! Поверь, в роли моей мамочки ты не очень убедителен.

Однако, увидев, что друг не шутит, Танкред добавил:

– Я не впадаю в прежние заблуждения, поверь. Это простое любопытство.

Полицейский прапорщик задумчиво покачал головой:

– На самом деле убитых было много. На пропускном пункте бунтовщики стреляли куда попало. Впрочем, сам-то я этим делом не занимался, поэтому точно не знаю, что там произошло, но похоже, охрана постаралась выполнить свой долг до конца. Так что честь им и хвала.

Танкред был разочарован. Разочарован и в то же время удивлен. Он никогда бы не поверил, что Альберик способен убить или позволить убить невиновных. Но в конечном счете люди меняются, и вполне возможно, что идеалист, которого он знал, стал склоняться к радикализму.

Он распрощался с Шарлем, не забыв горячо поблагодарить, потом сверился с часами на своем мессенджере. Поскольку у него оставалось еще полтора часа до общего сбора подразделения, он решил провести последнюю проверку. Сел на челнок и отправился по другую сторону контрольной башни, в топографическую службу.

Там он подсоединился к офицерскому серверу штабных карт и вывел на экран зону, где обнаружили остатки «Косаток». Отсчитав от этой точки, он обозначил периметр, соответствующий дальности передвижений багги, и тщательно его изучил. Задача была проста: найти пещеры. На этой планете их хватало, и они давали беглецам единственный шанс на выживание, так как те не могли ни возвести лагерь из сборных конструкций, ни даже поставить палатки без риска, что их быстро обнаружат.

Методом последовательного исключения Танкред определил зону, расположенную приблизительно в четырехстах километрах от Нового Иерусалима, которая как будто обладала всеми качествами, необходимыми для подобной операции: близость водяных источников в лесистых провалах, отдаленность от известных городов атамидов и основных военных маршрутов, большое количество каньонов, где пещеры, как правило, встречаются чаще.

Если бы экс-лейтенант сам взялся за организацию подобного побега, он без колебаний выбрал бы это место. Однако возникла неувязка: на много километров вокруг не было обозначено ни одной пещеры. Любому, кто был хоть немного знаком с формами рельефа Акии, это казалось решительно невозможным. Однако данные выглядели однозначно. Ни одной пещеры внутри этого периметра. Разумеется, подобная аномалия не стала для Танкрета сюрпризом. Как биопрограммисты готовили свою операцию? С помощью Нод-2, естественно. А вовсе не отдраивая оружие.

А значит, совершенно так же, как они удалили из официальных армейских реестров четырнадцать багги и, скорее всего, еще много другого оборудования и припасов, мятежники внесли изменения и в штабные карты, чтобы никому не пришлось в голову заглянуть в эти места. Способ действий простой, но беспроектный. Единственными, кто теоретически смог бы засечь фальсификацию, были другие пультавики Нод-2... практически поголовно такие же бесшипники. Но ни один из них не предаст своих товарищей по несчастью.

Оценив по достоинству качество подготовки операции, Танкред поймал себя на том, что восхищенно улыбается.

* * *

17 ноября 2205 ОВ

– Я уже потеряла надежду, что ты придешь, – сказала Клоринда. – Поэтому заказала, не дожидаясь тебя; надеюсь, ты не рассердишься.

– Конечно нет, – улыбнулся Танкред, усаживаясь. – И правильно сделала.

Молодая женщина устроилась за столиком на террасе центра отдыха базы. Многие солдаты приходили сюда, чтобы расслабиться, когда им великодушно предоставляли час-другой увольнительной. Часть центра располагалась на открытом воздухе, но ее использовали только вечером, когда главная звезда неба Акии переставала сжигать все, что не находилось в тени.

Танкред назначил здесь свидание Клоринде, чтобы отпраздновать ее выписку из госпиталя. Придя раньше его, она ждала, мелкими глоточками отпивая из бокала вино.

– Инструктаж перед завтрашним штурмом затянулся дольше, чем предполагалось, – объяснил он, поцеловав ее в щеку и садясь рядом.

Хотя вечерний воздух был еще горячим, температура очень скоро спадет. Первые звезды уже осыпали белыми пятнышками темнеющее небо. Танкред сделал знак официанту.

– Я счастлив, что ты уже вышла. Выглядишь потрясающе!

– Спасибо. Я пока немного прихрамываю на левую ногу, и почти все тело по-прежнему имеет синеватый оттенок, но надеюсь вернуться на службу меньше чем через неделю.

Молодая женщина смотрела в какую-то точку на небе позади Танкреда. Тот, обернувшись, проследил за ее взглядом и увидел вытянутое отдельно парящее облако.

– Похоже, «аэростат» этим вечером вышел на прогулку, – бросил он.

– Я заметила его несколько минут назад, – ответила Клоринда. – Не нравится мне эта зверушка.

«Аэростатом» именовали огромное летающее создание – в войсках его так прозвали за несоразмерную величину и медлительные перемещения. Его можно было увидеть только вечером и на очень большой высоте, где оно, словно одинокое облако, ловило последние лучи солнца. Никто ни разу не заметил его в разгар дня, так что многие задавались вопросом, где оно может скрываться, когда над равнинами сияет альфа Центавра. Также было неизвестно, существует ли несколько особей, или «аэростат» является единственным представителем своего вида.

К Танкреду подошел официант.

– Мне то же, что моей даме, – сказал тот, указывая на бокал Клоринды.

– Мне нравится, когда ты называешь меня «своей», – с шаловливой улыбкой сказала она, когда официант отошел.

Амазонка протянула над столом руку к Танкреду. Тот погладил большим пальцем ее ладонь.

– Глядя на тебя, трудно поверить, что всего пять дней назад ты была серьезно ранена.

– Ранена, но по-прежнему *жива*. И все благодаря тебе, мой верный рыцарь.

При этих словах огонь, пылающий в ее глазах, разгорелся еще ярче. После того случая ее любовь к Танкреду стала намного сильнее. Их руки соединились в крепком пожатии.

Официант вернулся с бокалом вина, и они чокнулись. В центре отдыха этим вечером было спокойно. Случалось, что солдаты, еще не отошедшие от горячки дневного боя, устраивали здесь потасовки, вынуждая вмешиваться военную полицию, но на этот раз ничего подобного не предвиделось. А поскольку их могли услышать за соседними столиками, влюбленные избегали слишком интимных тем и болтали обо всем и ни о чем: о трудностях акклиматизации в центаврийских условиях, о жизни в Нормандии, об итальянской кухне или же о последних модных эпических поэмах. Танкред пожалел, что расписание столовых вынуждает их ужинать порознь в восемнадцать тридцать. Чего бы он не отдал за возможность как-нибудь пригласить Клоринду на вечернюю трапезу вдали от солдатской атмосферы Нового Иерусалима, как когда-то на борту «Святого Михаила».

Когда кафе центра закрыло свои двери, они продолжили вечер в своем убежище влюбленных, на скальном массиве у края плато. Ночь была холодной, но Танкред предусмотрительно прихватил подстилку. Прижавшись друг к другу, они забылись, разглядывая незнакомое небо и развлекаясь тем, что придумывали необычные имена звездам или прозрачным туманностям.

Потом Клоринда шепнула ему:

– Знаешь, мы больше не возвращались к тому разговору, но я много думала о том, что было тогда сказано.

Танкред прекрасно знал, на что она намекает, но с невинным видом переспросил:

– О чем ты?

– Ладно тебе, не прикидывайся, ты отлично все понял! Полторы недели назад ты сделал мне предложение...

– Конечно же, я все помню, радость моя! Я тоже думаю об этом каждый день.

Она поудобнее устроилась в его объятиях. А он смотрел на отсветы линии фронта вдали. Десятки огней перемещались в небе: воздушный круговорот непрерывно подпитывал поле сражения людьми и оборудованием.

– В госпитале я записала сообщение своему опекуну. Сообщение, в котором я объявляю ему о наших намерениях...

– А... – Танкред сдержал дрожь, дело принимало серьезный оборот. – И... ты его отправила?

– Нет, я ждала, когда мы снова поговорим.

Повисла неловкая пауза.

– Ты по-прежнему этого хочешь? – едва слышно спросила Клоринда.

– Более всего на свете, – ответил он с такой уверенностью, что у нее закружилась голова.

Поцелуй затянулся, и они дольше обычного не разжимали объятий. Танкред вновь испытал тот вихрь ощущений, который унес его так далеко в момент их первого настоящего поцелуя на борту «Святого Михаила».

Потом они долго молчали, наблюдая за танцем воздушных кораблей вдали. Он был так грациозен, что с трудом верилось, будто там идет война.

– Ты боишься, что возникнут проблемы с опекуном? – спросил Танкред.

– Вот уж нет, – тряхнула головой красавица-итальянка. – Сейчас, когда мне перевалило за тридцать, мое замужество стало единственной темой наших бесед, и думаю, он уже потерял надежду, что однажды я заинтересуюсь мужчиной.

– У меня полное впечатление, что ты рассказываешь обо мне, – развеселился Танкред.

– Твои родители потеряли надежду, что однажды ты заинтересуешься мужчиной?

– Не издевайся! – проворчал Танкред, сделав вид, что разозлился.

– Впрочем, – не сдавалась Клоринда, – ты же из богатой аристократической семьи, опекун может только одобрить. На самом деле скорее мне следует беспокоиться о том, как отнесутся к нашим планам твои родители.

Танкред провел ладонью по длинным темным локонам молодой женщины и поиграл прядями. В идущем с горизонта оранжевом свете золотистые отблески в ее волосах казались еще ярче.

– Честно говоря, – признался он, – богатство моей семьи уже не то, что раньше. Мы так погрязли в долгах, что даже не смогли сохранить фамильные земли. Ты пока не знаешь, что приняла предложение нищего аристократа.

– Мне плевать, – без колебаний ответила она. – Если бы я искала выгодную партию, то проводила бы время при княжеских дворах, а не на полях сражений. Ты же знаешь, мы с тобой из одного теста.

На горизонте сверкнула желтая вспышка, а потом с неба, словно причудливые вертикальные молнии, упали столбы синего света. Ночью война замедляла свой ход, иногда даже приостанавливалась, но случалось, что где-то внезапно разгорались очаги жестокости.

– Это правда, – подтвердил Танкред. – Мы так похожи, что из нас получится забавная парочка. Два солдата, оба постоянно на фронте...

Таким образом Танкред упомянул главный источник своих тревог, однако по-прежнему не решался заговорить о них открыто. Как два воина могут создать семью? Клоринда повернулась к нему и оказалась так близко, что он чувствовал ее дыхание на своей щеке.

– Это будет нелегко, – согласилась она. – Я понимаю, что тебя беспокоит, и тоже много об этом размышляла.

Сердце Танкреда забилось быстрее.

– Никогда не думала, что смогу однажды сказать это с такой легкостью, – продолжила молодая женщина, – но мне кажется, я сумею привыкнуть к мысли, что придется уйти с действительной службы, чтобы растить детей. Не уверена, что способна на это, но кажется, я готова

попробовать. В ближайшем будущем, скажем так. Ну, то есть... все же не в самом ближайшем...

Оба расхохотались.

Танкред был на седьмом небе. Все складывалось слишком хорошо, чтобы оказаться правдой, и тем не менее в их планах не было ничего нереального. Женщинам, которые желали стать матерями, армия предоставляла большие льготы. Следовало заново заселить Землю, и деторождение более, чем когда-либо, почиталось священным долгом. Какое бы место они ни занимали в воинской иерархии, женщинам, имевшим детей, предоставлялись самые гибкие возможности выбрать, каким образом они предпочитают ими заниматься – либо сохранив свой пост и передоверив воспитание потомства военным интернатам, либо сделавшись неработающей матерью семейства, живущего в общежитии какой-либо базы. Перед детьми, выросшими в таких условиях, разумеется, открывалось привилегированное военное будущее.

Так что ценой незначительных жертв Танкред сможет продолжить службу в армии и при этом обзавестись настоящим семейным очагом. Он почувствовал минутный неприятный укол совести, когда спросил себя, а смог бы *он сам* отказаться от элитной карьеры, как собирается это сделать Клоринда, едва добравшаяся до верхней ступени и получившая такой желанный класс Четыре, но он быстро успокоил себя удобным соображением, что это в порядке вещей.

Горизонт осветила новая вспышка, вернув мысли нормандца к завтрашней битве. Вдруг, словно резко отрезвев, он вспомнил, что может сотню раз потерять любовь своей жизни еще до конца этой войны. Именно это едва не случилось неделю назад во время боя, плохо спланированного и плохо управляемого штабистами, которым нет дела до человеческих потерь!

– Подумать только, ведь в том дурацком бою ты чуть было не погибла прямо на моих глазах! – не удержавшись, бросил он.

Клоринда задумчиво на него посмотрела, медленно скользя взглядом по его чертам, едва различимым в темноте.

– Меня тоже, – кивнула она, – дрожь пробирает, когда я вспоминаю, что произошло. Но это война, любовь моя, и мы должны идти на риск, даже если это наводит на нас ужас.

Конечно, она была права, однако Танкреду показалось, что после всего, что они сказали друг другу, Клоринда могла бы проявить чуть больше тревоги и чуть меньше фатализма.

– Я знаю, но это не повод безропотно соглашаться с некоторыми нелепыми решениями, которые наше начальство принимает непосредственно на поле боя. Бывает, я просто зверею, когда в очередной раз вижу, до какой степени жизнь солдат, вступающих в боевой контакт, таких как пехота или амазонки, в их глазах имеет меньшую ценность, чем любой из их дорогостоящих «Зубров»!

– Перестань, – как-то машинально возразила Клоринда, – ты же прекрасно знаешь, что стратегические соображения иногда вынуждают жертвовать человеческими жизнями. Это трагично, но неизбежно.

Понимая, что ступает на скользкую почву, Танкред, раздраженный тем, что его суженую не терзает, как его самого, мысль о том, что какой-нибудь бездарный штабист может стать причиной их вечной разлуки, все-таки не желал сдаваться.

– Согласен, согласен. Но при условии, что это приносит стратегический результат. Сколько жертв удалось бы избежать, если бы, например, с самого начала боев было принято решение позволить некоторым отрядам атамидов отступать, вместо того чтобы стремиться к их систематическому уничтожению, даже если при этом наши солдаты гибли целыми подразделениями? Я уже не считаю, сколько приказов я отказался исполнять, настолько очевидно было, что заложенные в них риски совершенно несоразмерны тем преимуществам, которые они якобы должны были нам обеспечить!

Он замолчал, потому что Клоринда вдруг поднялась со своего места. Неожиданно резким движением, из-за которого подстилка упала на землю, она развернулась к нему лицом; ее силуэт выделялся на фоне светящегося воздушного моста.

– Танкред Тарентский, – повелительным тоном произнесла она, – надеюсь, ты не поддался опять своим старым мятежным настроениям!

Столь внезапная и полная перемена сбила Танкреда с толку. Он не видел ничего предосудительного в высказанном им мнении. Хотя и знал, что проявил неосторожность, зайдя слишком далеко в не к месту начатом разговоре, и лучше ему было бы сменить тему.

– Не понимаю, – все же проговорил он вдруг пересохшим ртом. – Разве тебе не кажется, что маневр, в котором ты чуть не погибла, был плохо спланирован?

Тебе не кажется, что преступно рисковать разрушить нашу любовь из-за чьей-то некомпетентности? – хотел он добавить.

– Не знаю, да и не мне судить, – возразила она. – Мы ведем здесь священную войну, об этом ни на секунду нельзя забывать. Для меня наша любовь так же важна, как для тебя, но наш долг – любой ценой исполнять волю Господа. Это Он ведет наших командующих, и, если Его замысел нам пока не ясен, совершенно очевидно, что результат будет правильным. Мы не должны подвергать это сомнению. *Для Бога и для дома Дерзай на все, и все тебе простится*⁹.

И снова Танкред поразился, сколь непримиримой бывает иногда молодая женщина. *Она не выказывала такого уважения к решениям штаба, когда поносила маркиза Вильнёв-Касеня за то, что он не допустил амазонок до первой битвы*, подумал он.

Ее слова звенели в ушах Танкреда, будто он подошел слишком близко к колоколу в момент, когда тот мощно ударил: *«Для меня наша любовь так же важна, как для тебя, но наш долг – любой ценой исполнять волю Господа»*. Это «но» казалось Танкреду ужасным. Оно словно каленым железом резко обозначило всю разницу между ними. Разумеется, он и сам сражался во имя Всевышнего; однако в его понимании был важен *контекст*. Скорее, он сражался так, как защищают родину, когда на нее нападает враг, с той разницей, что этот бой велся повсюду, где было необходимо. В глубине души он знал, что если бы сам родился в противоположном лагере – каким бы этот лагерь ни оказался, – то бился бы, наверное, с меньшим пылом.

А вот для Клоринды священная война была конечной целью. Победой порядка над варварством, необходимостью покорить дикарей и властвовать над ними. Любые средства хороши, если они способствуют воцарению Dominium Mundi. Ее концепция власти была абсолютна. Иерархия имеет смысл только в том случае, если ее никогда не подвергают пересмотру. Малейшее проявление слабости играет на руку врагу, тем самым отдаляя конечную победу.

Для Танкреда эта непримиримость была единственным темным пятном в их отношениях с итальянкой. В принципе, он готов был подписаться подо всем только что сказанным Клориндой, но на самом деле знал, что его чувства к ней *важнее всего*. Разве он мог бы принести ее в жертву, даже во имя Бога? Подобная мысль была ему невыносима.

Что же это за Бог, который создает жизнь, а потом приказывает ее уничтожить?

– Я... – неуверенно начал Танкред.

Он опасался навлечь на свою голову громы и молнии, и в то же время чувствовал себя задетым тем, что воинское повиновение она поставила выше их любви.

– Боюсь, что не совсем с тобой согласен. Плохая стратегия ничем не служит делу Господа. Даже с лучшими намерениями наши командующие могут иногда заблуждаться.

– Клянусь Иисусом! – воскликнула Клоринда, воздев руки к небу. – Представь себе, что будет, если все солдаты начнут так рассуждать? Или ты думаешь, что возрождение Dominium Mundi стало бы возможным, если бы каждый солдат взвешивал любой полученный приказ?

---

⁹ Торквато Тассо. Освобожденный Иерусалим.

Именно из-за такого отношения человечество один раз уже истребило себя, да и сегодня варвары только ждут случая, чтобы разрушить то, что нам удалось восстановить!

Клоринда была вне себя. Как ей удалось столь стремительно перейти от нежности и планов замужества к такому приступу ярости?

– Я боюсь только одного, – проговорил он дрожащим голосом, – потерять тебя.

– Я боюсь только одного, – повторила она резко, – что твои демоны вернуться.

Потом, после секундного размышления, добавила:

– Предупреждаю тебя, если такое случится, я немедленно разорву наши отношения. Я и помыслить не могу связать свою жизнь с человеком, занимающимся подрывной деятельностью!

Эта холодная угроза из уст женщины, которую он любил, да еще после только что пережитого вместе с ней прекраснейшего момента, потрясла Танкреда. Перед глазами плясали искры, как будто он только что получил пощечину. Затылок одеревенел. Он с трудом встал и молча сложил подстилку. От гнева у Клоринды все еще дрожали губы, она пристально смотрела на него, тоже ошеломленная неожиданным поворотом событий.

Танкред бросил на нее взгляд. Всего несколько минут назад он был абсолютно счастлив. Он наконец нашел женщину своей жизни, и она тоже любила его. Они строили совместные планы, которые, как они надеялись, сделают их счастливыми и позволят создать семью. А теперь он, похоже, оказался в тупике. Кошмарном и бессмысленном.

На мгновение он подумал, что это его вина. Может, он слишком многого требовал? Может, не следовало ждать от Клоринды, что она будет испытывать столь же сильные чувства, как он сам? Но разве настоящая любовь может не быть полностью взаимной? Смутное чувство в глубине души подсказывало ему, что он выказал такую же чрезмерную непреклонность в отношении их любви, какую она – в своем почитании существующего порядка вещей, но гнев мешал ему прислушаться к этому предположению. Она *должна* любить его так же, как он ее. Если это не так, значит он ошибся!

При мысли, что Клоринда, возможно, не любит его всем сердцем, Танкред испытал мучительную боль. Всего несколько месяцев назад он еще не знал настоящей любви, но зато никогда так не страдал!

Под внешней непримиримостью Клоринды скрывался охвативший ее ужас. Ужас перед безвыходной ситуацией, в которую они попали. Ну зачем этот почти идеальный мужчина постоянно поощряет в себе самые опасные наклонности? Видимо, его всегда тянуло оспаривать существующий порядок, сомневаться в фактах и даже в велениях Господа! Для любого доброго христианина это недопустимо.

И все же она любила его.

Она любила его так, как никого и никогда после трагической февральской ночи 2183 года, когда погибла вся ее семья. Рядом с ним она была счастлива, а стоило им расстаться, думала только о нем. Однако она знала, что не сумеет ничего создать с человеком, имеющим подобные склонности. Худшим из грехов ей представлялось проявление слабости по отношению к варварам. Она могла бы простить все, кроме этого. Подобная толерантность сгубила ее родителей и братьев. Именно такое прекраснотушное утопило в крови родных ее детство.

Клоринда была готова на все, чтобы снова вернуть Танкреда на путь истинный. Один раз он уже в этом преуспел – несколько месяцев назад, когда чудом избежал военного трибунала. Вот почему, услышав, как он снова ставит под сомнение законность принятых вышестоящим командованием решений, а главное, после того случая на прошлой неделе, когда они едва не поссорились из-за какой-то ерунды, она запаниковала и нашла только один способ дать ему почувствовать всю глубину его ошибки: угрозу. Разумеется, у нее и в мыслях не было ничего из того, что она говорила. Ничто и никогда не заставит ее отказаться от любви этого человека. Но она считала своим долгом испробовать все, чтобы помочь Танкреду победить своих демонов.

И вот он стоял перед ней и молчал уже целую минуту, а в его глазах смешались отчаяние и недоверие. А она и сама не знала ни что сказать, ни как выбраться из этого тупика. И от этого ей было тошно.

Первым заговорил он.

– Думаю, теперь ни к чему посылать то сообщение твоему опекуну, – хрипло бросил он. И ушел.

Силы оставили Клоринду. Она рухнула на землю, сотрясаясь от рыданий и спазмов, как в ту ночь, когда проснулась в монастыре, почти три года спустя после убийства своей семьи, чтобы впервые оплакать родных. Она осознавала, что была не права, прибегнув к угрозам с таким человеком, как Танкред. Трещина, которая прошла между ними как раз в тот момент, когда все складывалось так чудесно, причиняла ей физическую боль. Она была чудовищно зла на себя.

Ей следовало предвидеть, что он отреагирует именно так, но теперь она не знала, что делать, чтобы все опять наладилось. Если она попробует объяснить свои намерения, то будет выглядеть холодной и расчетливой, и все станет, наверно, еще хуже. Может, лучше выждать несколько дней. Взаимная обида уляжется, и им, конечно же, удастся объясниться, снова понять друг друга.

Да, следует подождать...

* * *

18 ноября 2205 ОВ

Назавтра 78-е смешанное пехотно-кавалерийское подразделение снова отправлялось на фронт.

Несколькими часами ранее двое лошенных офицеров в безукоризненных мундирах явились объявить Танкреду, что, ввиду его исключительного поведения с начала наступательных действий земной армии, ему возвращено звание лейтенанта. О медалях не упоминали; когда тебя лишают наград, вернуть их не так просто, как звание.

К тому же, добавили посланцы, во время предстоящего штурма под непосредственное командование Танкреда передаются все подразделения, действующие в непосредственной связке с его собственным в радиусе километра. Подобная мера часто принимается с целью избежать сумбура во время операций, когда ожидаются ожесточенные или беспорядочные бои. В данном случае нормандцу доверилось командование более чем пятьюстами солдатами.

К удивлению офицеров, Танкред отнесся к этому известию довольно прохладно. Они ожидали, что, услышав, какая честь ему оказана, он подпрыгнет от радости, но Танкред не был уверен, так ли хороша принесенная новость. Он привык командовать только своими людьми, и мысль о том, что в последующие несколько часов ему предстоит нести ответственность за полтысячи жизней, совершенно не грела его. Он сдержанно принял бумагу, подтверждающую приказ.

Явно возмущенные таким отсутствием энтузиазма, офицеры вернули Танкреду его полномочия и отбыли, коротко отсалютовав. Глядя, как они удаляются со своими накрахмаленными воротничками и по ниточке отглаженной стрелкой на брюках, торопясь вернуться в надежно охраняемый мир командного центра на самом верху контрольной башни, Танкред почувствовал себя как никогда чужим в этой огромной военной семье.

К полудню все задействованные войска были доставлены к городским воротам, на линию фронта в северной части столицы атамидов. 78-е и другие подразделения их группировки ждали у подножия изъеденной эрозией белокаменной стены, когда их пошлют в бой. С суровыми лицами, крепко сжимая оружие, люди укрывались за контрфорсом, пытаясь защититься от разыгравшейся полчас назад песчаной бури. Танкред и другие офицеры поднялись на вер-

пину укрепления, давно уже находившегося в контролируемой зоне, чтобы следить за ходом сражения.

Зрелище представлялось апокалиптическое. Четвертая часть огромного города была объята пламенем, и столбы вздымающегося на километры вверх черного дыма были видны даже сквозь плотную завесу песчаной бури. Ракеты «Акант» падали, как адский град, а установленные на окрестных высотах вакуумные пушки сметали целые кварталы. Сражение шло уже почти два дня. Теперь атамидам оставалось защищать только центр города.

Построенный на трехсотметровой возвышенности центр пока казался относительно нетронутым. Приказы о его сохранности были совершенно однозначны. Запрет на использование артиллерии или тактических ударов, поскольку именно там предположительно находится могила Христа. Этот сектор придется отбивать в рукопашной, отвоевая улицу за улицей. Там были охвачены огнем только две белые башни. Вероятно, случайно попали под тяговый луч зажигательного снаряда.

Едкий запах дыма смешивался с поднятым песком, от чего воздух стал почти непригодным для дыхания. Все уже давно подняли шлемы своих «Вейнер-Никовов».

Танкред обернулся, чтобы заглянуть за стену. Караван барж, доставлявший людей из Нового Иерусалима, только что сделал последнюю ходку, и теперь все намеченные войска были в сборе. Скоро штаб даст приказ начинать; теперь это вопрос нескольких минут.

Слегка скованным движением Танкред снова развернулся к театру военных действий. Он чувствовал, как внутри растет непривычное напряжение. Это было на него непохоже. Может, ситуация слишком напоминает кампанию в Сурате? Отчасти да, но это было не единственной причиной. Ему не удавалось не думать о Клоринде. Напрасно он пытался изгнать ее из своих мыслей и сосредоточиться на задаче, которую ему предстояло достойно выполнить в ближайшие часы, слова молодой женщины неотступно преследовали его.

Может, он был не прав, приняв все так близко к сердцу? В конце концов, прекрасная итальянка желала ему только добра. Конечно, ее консерватизм был настолько чрезмерен, что иногда доходил до смешного, но и идеалистические воззрения самого Танкреда могли показаться не менее гротескными, когда их высказывал человек, который провел последние семнадцать лет в армии и получил награды за свое усердие в боях.

Каждый хотел изменить другого, и каждый пребывал в уверенности, что только его путь правилен. Однако в этом не было ничего непреодолимого, ничего такого, чего нельзя было бы уладить, если подойти к проблеме спокойно. Все представлялось таким простым, если подумать на ясную голову, и становилось трагически невозможным в горячке спора.

А теперь Танкред боялся, что уже слишком поздно. Что после убийственной фразы, которую он бросил, уходя, Клоринда вообще больше не согласится разговаривать с ним. И сожалел о своей выходке. Как всегда, вопросы, связанные с чувствами, приводили его в полнейшую растерянность. Это нормально? Всегда ли отношения между любящими обречены на недопонимание? Какого дьявола о таких вещах никогда не говорят? Решительно, война куда проще человеческих отношений. Война...

Он вдруг осознал, что на несколько долгих минут начисто забыл, где находится. Это всегда было дурным знаком – не суметь сосредоточиться перед самым боем, поддаться настроению... Сомнению. *Господи, опять!* – подумал он.

– Мой лейтенант, я только что принял от штаба сигнал к началу, – сообщил Энгельберт по закрытому каналу. – Подтверждение получено.

– Принято, Энгельберт. Начали.

Три часа спустя Танкред был вне себя от ярости.

Не от той боевой ярости, которую иногда испытывал в сражении, но от дикой ярости на штаб.

Его подразделение, как и восемь других, объединенных с ним, приступили к действию, получив простые и четкие приказы: захватить сектор J столицы (в самом начале войны ее условно разделили на двадцать шесть секторов) и удерживать его любой ценой. Но вот чего не предусмотрели приказы, так это ожесточенного сопротивления атамидов и наличия «гражданских».

Те, кого Танкред считал «гражданскими», были не сражающиеся атамиды, на которых он обратил внимание еще в предыдущих боях. А с самого начала атаки в этом секторе почти все здания оказались заняты именно гражданскими. Большая часть столицы была эвакуирована в самом начале боев, и жителей там не осталось, но эти, очевидно, не успели уйти до того, как крестоносцы осадили город, или же просто отказались покидать свои дома.

Еще в самом начале Танкред по общему каналу приказал не стрелять по ним. Однако схватки с воинами стали такими ожесточенными, что солдаты больше не делали различий и истребляли любого, у кого не было креста на груди. В горячке боя Танкред сам несколько раз чуть было не уложил тех, кто казался «женщинами» или «детьми». Пока что ему удавалось этого избегать, и все же трупы несчастных, совершенно не способных защитить себя, уже усеяли улицы. Нормандец наконец понял, что воины в этом секторе так неукротимы именно потому, что защищают своих гражданских. Летающие атамиды даже пытались иногда унести некоторых по воздуху. Однако тогда они становились слишком легкой мишенью, и впавшие в боевой раж солдаты сразу сбивали их. Ситуация совершенно вышла из-под контроля. Хуже того, атамиды беспрерывно получали подкрепление, и Танкред опасался, как бы его люди вскоре не оказались смяты, как неделей раньше – АМ-25-В Клоринды.

В растерянности он запросил у командования разрешения изменить приказ, подчеркнув, что выбранная стратегия не подходит для данной зоны. Следовало отойти и подождать, пока отбудут гражданские, а потом вернуться в большем составе. Разумеется, он получил официальный категорический отказ: сектор J должен быть зачищен от всякого присутствия атамидов, будь то гражданские или нет, любой ценой, в том числе и ценой человеческих жизней! *Приказы исходят от главнокомандующего и не подлежат обсуждению, исполняйте!* – проорал офицер, командующий северным фронтом боев.

Этот тупой ответ окончательно вывел Танкреда из себя.

Маркиз де Вильнёв-Касень не только плевать хотел на риски, которым он подвергает войска, лишь бы фронт продвигался в нужном направлении, но теперь, в полном противоречии с военным кодексом чести, он требовал от подчиненных умышленного убийства гражданских лиц. У Танкреда возникло полное впечатление, что он отрекается от всего, во что всегда верил, а также от всего, чему его учили относительно стратегий минимизации потерь, которым необходимо следовать, если хочешь остаться в живых на поле боя.

В этот момент в тридцати метрах от него десятки гражданских атамидов с воплями выскочили из загоревшегося дома; некоторые уже превратились в живые факелы, другие выпрыгивали с верхних этажей и разбивались о землю. Опыренные убийствами, окружившие здание человеческие солдаты без раздумий приканчивали их разрядами Т-фарад, накидываясь на свои жертвы с таким ожесточением, что превращали некоторых в кровавое месиво. Танкреду пришлось сделать над собой усилие, чтобы вспомнить, что он сражается на одной стороне с этими солдатами, что они крестоносцы, *воины Христовы*. Увидев на лице одного из них, когда тот откинул забрало, безобразную гримасу удовольствия, он почувствовал, как по спине пробежала дрожь отвращения. Совершенно отравленные адреналином люди даже не осознавали, что очень скоро бой примет катастрофический для них оборот.

И в этот момент Танкред понял.

Эта война, на которую он пошел добровольно, была не религиозной, не даже обычной захватнической или колонизационной, а самой настоящей *войной на уничтожение*. Девятый крестовый поход станет Варфоломеевской ночью Акии Центавра. Всем было очевидно, что,

вопреки официальной позиции Ватикана, военные действия не прервутся после того, как будет «освобождено» святилище. Куда вероятнее, что именем Dominium Mundi бароны потребуют всю планету ради расширения собственных территорий, но теперь Танкред понимал, что они хотят ее исключительно для себя! Не будет и речи о том, чтобы делить ее с туземцами! Ни один атамид не переживет эту войну. Акия будет принадлежать *только* людям.

Для Бога и для дома Дерзай на все, и все тебе простится.

Он уже довольно давно прекратил сражаться, а просто в полной оторопи и прострации шел по улицам. Как же он был наивен! И как виноват! Он стал пособником геноцида, из него сделали монстра-истребителя, достойного самых мрачных страниц человеческой Истории. При этой мысли его охватил гнев, который с силой урагана смел последние иллюзии, как ветер зимой срывает последние листья, еще цепляющиеся за ветки.

С дрожащими от ярости руками, но движимый новой решимостью, он вернулся в начало улицы к своему меха-першу и вскочил в седло. Быстро просмотрев высвеченный ИЛС-системой на внутренней поверхности забрала список, он выбрал нужную частоту и по закрытому каналу вызвал Энгельберта.

– Наводчик! – Он почти кричал. – Доложить обстановку!

Хотя голос Энгельберта доносился сквозь треск и помехи, ответ был ясен:

– Уничтожаем максимум атамидов, лейтенант, но они постоянно прибывают из соседних кварталов. У нас уже двести двадцать четыре убитых и восемьдесят три раненых! Это плохо кончится!

Танкред уже принял решение, и рапорт наводчика его только укрепил. Он вышел на общий канал и рявкнул самым властным тоном:

– Общее отступление! Семьдесят восьмому п/к и всем приданным подразделениям немедленно собраться в точке вывода. *Исполнять незамедлительно!*

В войсках возникло некоторое замешательство, люди колебались, не понимая, подчиняться ли столь неожиданному приказу. Столкновения внезапно стали не такими ожесточенными, огонь не таким плотным, а крики не такими пронзительными. Даже атамиды отступили, словно почувствовали, что происходит нечто странное.

Один из унтер-офицеров связался с Танкредом по своему каналу:

– Лейтенант, вы хоть понимаете, что делаете? Если вы подтвердите приказ, это может плохо кончиться.

Другой тоже связался, запыхавшийся и явно перевозбужденный:

– Никакого отступления, твою мать! Тут еще кучу говнюков надо ухлопать!

Потом третий:

– Отступайте сами, коли вам вздумалось, черт побери! А нам неохота, чтобы нас тоже разжаловали!

И так далее, и так далее...

Холодным решительным тоном Танкред произнес:

– Богом клянусь, что лично прикончу всех, кто в течение десяти минут не уберется отсюда вместе со своими подразделениями.

Угроза подействовала. Через несколько минут Танкред увидел, как остатки подразделений стягиваются к пункту вывода. Он наблюдал за этим со своего першерона, а множество штабных офицеров одновременно орали ему в уши, что он должен незамедлительно прекратить этот незаконный отход, что всем подразделениям следует вернуться в зону боев, что неподчинение на поле сражения карается...

Танкред сделал долгий вдох, затем выдохнул и, тщательно выделяя каждый слог, ответил им:

– Катитесь гнить в аду. Все катитесь гнить в аду.

После чего отключил свой канал связи.

* * *

По чистой случайности Роберт де Монтгомери стал первым, кто узнал о бунте Танкреда Тарентского.

Как и большинство баронов крестового похода, Роберт практически не покидал штаб-квартиры командного центра армии крестоносцев. Это здание, расположенное в самой высокой точке верхнего плато Нового Иерусалима, объединяло комплекс коммуникационных и командных систем, позволяющих сеньорам руководить сражениями, оставаясь в полной безопасности. Десятки офицеров занимались здесь тем, что передавали указания командирам батальонов, действующих в полевых условиях, одновременно отслеживая постоянно транслирующиеся на их экраны тактические данные.

В центре здания в огромном круглом зале находился пресловутый голографический проектор ISM-3п, который несколькими неделями раньше позволил вывести в небо над войсками гигантское изображение папы. С тех пор проектор использовался по своему изначальному предназначению: обеспечивал военачальникам обзор всех необходимых аспектов театра военных действий, передаваемых либо со спутника, либо с одной из бесчисленных камер, встроенных в боевые экзоскелеты. Но самой поразительной функцией этого сложного оптического механизма была способность проецировать схематизированные тактические изображения, представляющие собой симуляцию течения боя. Возникающие в обширном пространстве зала рельефные картины иногда достигали площади двадцать на двадцать метров, и когда такое случалось, операторы, сидящие вокруг большого кольцевого стола, окружавшего линзу, как будто поглощались всепроникающим световым облаком. Тогда они больше не могли даже видеть изображения, которые сами же и создавали. Но это было, в сущности, не важно – картины предназначались для сеньоров. А те, удобно устроившись в командной надстройке на высоте, не упускали ни грана.

В обычное время здесь царила спокойная и приглушенная атмосфера, но когда шло наступление, напряжение быстро росло, все начинали кричать и метаться, передавая приказы. Несмотря на неяркоое освещение, создающее полутьму, голо-проекции могли затопить светом всю штаб-квартиру, до последнего служебного закутка. И в этот день призрачные отсветы, отбрасываемые картинами на стены, выплясывали адскую сарабанду в полном соответствии с воцарившейся в штаб-квартире лихорадочной суматохой. Наступление велось в секторе гробницы Христа.

Маркиз де Вильнёв-Касень вышагивал по широкому круговому коридору первого этажа и надрывался, диктуя свои распоряжения склонившимся над терминалами штабистам с потными лицами, которые, в свою очередь крича в микрофоны, передавали приказы офицерам на фронте. Вильнёв-Касень, маркиз Альта-Серданы и исполнительный командующий армии крестоносцев, отвечал за воплощение стратегии, выработанной военным Советом. С этой целью ему была предоставлена полная свобода в выборе любой тактики – в той мере, в какой это способствовало достижению определенной Советом конечной цели.

Сидя на диванчике в офицерской надстройке, Роберт с беспокойным видом наблюдал за этим бурлением. Вот уже почти час, как он плохо себя чувствовал. Спазмы в желудке вызывали болезненную дурноту, которая вкупе с жарой и суетой в штаб-квартире стала почти невыносимой. Роберт подозревал, что в этом внезапном недомогании виноват сегодняшней обед в офицерской столовой. Однако остальные вроде бы чувствовали себя нормально. В надежде, что станет лучше, он решил выйти на несколько минут и подышать воздухом.

Спустившись по кольцевому коридору, он вдруг на мгновение представил, что вновь оказался в Версале-2, в большом королевском приемном покое, где придворные и просители всех мастей дожидались, иногда по нескольку дней, чтобы их удостоили аудиенции. Роберту,

естественно, ни разу не случилось унижаться подобным ожиданием, но когда он желал, чтобы Филипп IX его принял, так или иначе приходилось пробираться сквозь толпу этих пиявок. И сегодня штаб-квартира с ее сутолокой и сгустившейся нервозностью невольно напомнила ему то место. Несмотря на его положение и известность, многие штабисты в спешке толкали или обгоняли его, даже не извиняясь, так что в конце концов он не выдержал и поймал одного из них за рукав.

– Эй, ты! – крикнул он в ярости.

Человек сделал движение, пытаясь высвободиться из его цепкой хватки, но замер, увидев, кто перед ним.

– Советую быть повнимательней, если не хочешь, чтобы я расквасил тебе физиономию.

– Соболаговолите простить меня, сеньор, – залепетал офицер. – Я вас не заметил... Я бы никогда...

Роберт отпустил его и резко оттолкнул назад. Он бы охотно выместил свой гнев на этом болване, но подступающая тошнота заставила его отказаться от своего желания. Человек пошатнулся и, чтобы не упасть, был вынужден уцепиться за чей-то рукав. Роберт де Монтгомери бросил на него последний презрительный взгляд и уже направился было к выходу.

В этот момент он различил позади себя очень знакомый голос, который не слышал уже несколько месяцев. В голове мгновенно щелкнуло. Хотя голос едва пробивался сквозь общий шум и был искажен помехами, Роберт узнал бы его среди тысячи других.

«...в аду. Все катится гнить в аду».

Танкред Тарентский.

Тут же позабыв про свое недомогание, герцог де Монтгомери развернулся, поискал глазами источник звука и заметил оператора, так уткнувшегося в свой экран, что почти касался его носом. Глаза у того вылезли из орбит, а вены на шее сильно вздулись, настолько он был вне себя.

– Лейтенант! – орал он с пеной у рта. – Вы *не можете* так поступать! Вы не имеете права! Вы даже не представляете, что с вами будет, если вы немедленно не прекратите отход!

Оттолкнув со своего пути двух человек, Роберт устремился к захопящемуся руганью штабисту, схватил его за плечи и, не церемонясь, отпихнул в кресло.

– Кто это? – прорычал он.

Сбитый с толку штабист выпучил глаза на нависшего над ним орущего человека. Многие головы повернулись в их сторону.

– Кто тот командир подразделения, к которому вы только что обращались? – повторил вопрос Роберт, стараясь держать себя в руках.

– Командир?... – проговорил штабист, прежде чем понял, что перед ним один из главных баронов крестового похода. – А, хм... Это лейтенант Танкред Тарентский, господин герцог!

– Чем он заслужил такой нагоняй?

– Я очень сожалею, – воскликнул офицер, думая, что совершил ошибку. – Я не должен был говорить в таком тоне, знаю, но...

– Мне глубоко плевать, в каком тоне вы с ним разговаривали! Что он сделал, черт побери!

– Он, хм... нарушил приказ и скомандовал отход своего подразделения и всех остальных, кто работал с ним в связке, то есть сорок четвертого АП, тридцать первого Б, сто третьего Р, и...

– Избавьте меня от подробностей.

– Слушаюсь, господин. Он приказал войскам покинуть театр военных действий под тем предлогом, что в секторе находятся гражданские атамиды...

– *Гражданские атики*? Именно так он выразился?

У Роберта в голове не укладывалось, как этих скотов можно назвать «гражданскими». Как не укладывалось и то, что его давний враг мог совершить такой промах.

– Он приказал отступить, чтобы не быть вынужденным убивать атамидов?

– Не совсем так, господин герцог. Он пришел к выводу, что воины-атамиды столь ожесточенно защищают сектор, потому что там до сих пор остаются гражданские лица, и что лучше подождать, пока их эвакуируют, и начать новую атаку.

Пожалуй, это было не таким идиотизмом, как могло показаться на первый взгляд.

– А вы что об этом думаете? – спросил Роберт со свойственной ему напористостью.

– Я? – в панике забормотал штабист. – Но я же не...

– Отвечайте, да побыстрей!

– Я... Судя по тактическим данным, большая часть их подразделений была бы уничтожена в течение приблизительно двадцати минут. В предварительных выкладках недооценили объем подкреплений атамидов в этом секторе. Но приказы маркиза де Вильнёв-Касеня были...

– Да, да, – бросил Роберт, который услышал все, что ему было нужно, и двинулся прочь, оставив ошеломленного штабиста с открытым ртом посередине недоговоренной фразы.

Забыв про свою хворь, Роберт кинулся обратно по лестнице, ведущей в командную надстройку. Нельзя терять ни минуты, не может быть и речи, чтобы он снова упустил свой шанс, как это случилось со смертью Аргана и последовавшим дисциплинарным советом. Влетев вихрем в сосредоточенную атмосферу командного пункта, он привлек к себе неодобрительные взгляды присутствующих сеньоров. Роберт заставил себя держаться более приличествующим образом и направился к Раймунду де Сен-Жилю. Тот, сидя за столом в окружении нескольких генералов, вместе с ними проводил симуляцию ближайших сражений. Световая поверхность стола изображала штабную карту, на которой векторы атак слагались в сложные узоры. Наклонившись к уху графа Тулузского, Роберт прошептал:

– Оставьте эти детские игры, кое-что случилось.

Раздраженный и одновременно заинтригованный Раймунд повернулся к нему, готовый возразить, что на кону в этой «детской игре» тысячи жизней, но что-то в выражении лица его союзника-ультра заставило графа передумать.

– Господа, продолжайте без меня, мне необходимо отлучиться по неотложному делу.

Присутствующие генералы торопливо поднялись, и граф Тулузский покинул собрание.

Оба сеньора отошли на несколько шагов в сторону, подальше от нескромных ушей, и приблизились к ограждению, под которым в центре зала расстилалась гигантская голограмма. Изображение сегодня было таким большим, что Роберту оказалось достаточно протянуть руку, чтобы погрузить ее в картину.

– Что случилось, дорогой друг? У вас взволнованный вид. Что-то не так?

Роберт провел рукой по волосам. Он понимал, что похож на перевозбужденного подростка, но ему было плевать.

– Возможно, мне представился случай поквитаться с этой шавкой Тарентом, – осипшим голосом произнес он.

Раймунд прислонился спиной к перилам и скрестил руки.

– Надо же. Бешеный пес принялся за старое?

– Именно. Представьте себе, по счастливой случайности я только что узнал, что этот идиот приказал своим войскам покинуть поле боя прямо посреди сражения, не подчинившись приказам, отданным в реальном времени контрольной башней.

– Когда это произошло?

– Это происходит *прямо сейчас!* – воскликнул Роберт с хищной улыбкой на лице. – Я проходил мимо одного из контролеров, когда Тарент прервал связь. На данный момент они только-только приступили к погрузке на транспортные баржи.

Сен-Жиль начинал понимать, с чего Роберт впал в такую экзальтацию.

– Вижу, куда вы клоните. У нас еще есть достаточно времени, чтобы организовать его окончательное падение, верно?

– Это даже слишком просто! В жизни не встречал никого, кто бы подставлялся с таким постоянством. Неприятно признавать, но старый маразматик Урбан Девятый оказался прав: достаточно подождать, чтобы Танкред Тарентский сам вырыл себе могилу! После подобного преступления ничто не поможет ему избежать сурового наказания.

Роберт заговорил чуть тише.

– Но главное, мы не должны повторять прежнюю ошибку и доверять его дисциплинарному совету. На этот раз Танкреда следует отправить прямо под трибунал. А там он будет иметь дело только с военными судьями, и, можете мне поверить, они сожрут его с потрохами.

Уголки губ Сен-Жиля приподнялись, обозначив оскал, похожий на улыбку.

– И я предполагаю, что многих из них вы уже знаете.

Это не было вопросом, так что Роберт просто кивнул.

– А как с Петром Отступником? – вспомнил Сен-Жиль. – Наверное, его лучше уведомить как можно позже, чтобы он не успел ничего предпринять.

– Нет, я не думаю, что об этом стоит беспокоиться. Петр Отступник для нас уже не проблема, он совершенно не контролирует ситуацию. Почти сразу после начала сражений эта война явно перестала его интересовать, и он практически не появляется в командном центре. Как я всегда и говорил, у него нет и половины той силы духа, которая требуется, чтобы возглавлять подобную кампанию. Сегодня, если мне вздумается выстрелить в Танкреда из Т-фарад прямо посреди улицы и при свидетелях, у него не хватит смелости даже просто пожуричь меня.

Раймунд раздраженно покачал головой. Как всегда, Роберт перегибал палку. Конечно, в последние недели духовный лидер крестового похода необъяснимым образом самоустранился от дел, но отнюдь не отправился на скамейку запасных. Раймунд начинал опасаться, как бы Роберт, что частенько случалось, не наделал глупостей.

– Остерегайтесь его недооценить, – наставительно произнес он. – Полагаю, мы не должны забывать о...

– Да, да, разумеется, – нетерпеливо прервал его Роберт, – для порядка я предупрежу его. Но под каким предлогом он сможет возражать против военного трибунала? Это самое меньшее, что мы можем сделать после подобного неповиновения властям.

Графу Тулузскому вдруг как будто стало не по себе.

– Разумеется. Однако следует постараться, чтобы этот трибунал не выявил возможные, хм... необоснованные решения исполнительного командования.

Роберт не удержался от смеха.

– *Возможные необоснованные решения?* – повторил он, передразнивая своего собеседника. – Вы, конечно же, намекаете на катастрофическое командование *вашего шурина*, не так ли?

Не оценив иронии, Раймунд почувствовал, как у него загорелись щеки, но Роберт и не думал останавливаться.

– Следует все же признать, что Вильнёв-Касень с самого начала этой кампании проявляет свою вопиющую некомпетентность. Если бы дело касалось меня, я бы не доверил ему даже полицейского отделения в одной из моих деревень.

Лицо Раймунда побагровело. Роберт решил провернуть нож поглубже в ране; неутолимая потребность отыгрываться на всех, будь то даже на собственном союзнике, была сильнее его.

– Если бы полевые офицеры постоянно не исправляли убогость его тактических решений, мы бы наверняка уже проиграли войну. Кстати, я удивляюсь, почему другие бароны еще не потребовали его голову... Возможно, исключительно благодаря моей поддержке, которую я ему оказываю, чтобы доставить вам удовольствие, не так ли?

Сен-Жиль готов был взорваться. Но сдержался и ответил, запинаясь:

– Да, гм... Допускаю, что он, возможно, не идеальная кандидатура на этот пост. Но в конечном счете он лишь посредник между нами и войсками. Общую стратегию определяют сеньоры.

– Разумеется, – согласился Роберт с деланой игривостью. – Значит, я могу рассчитывать на вас, чтобы применить *мою* стратегию в отношении Танкреда Тарентского?

– Ну разумеется, мой дорогой Роберт, – ответил Раймунд с улыбкой, которая обратила бы в бегство ядовитую змею. – Неужели вы в этом когда-нибудь сомневались?

* * *

– Ради всего святого! – воскликнул Петр Пустынник. – Кто придумал натянуть эту ужасную желтую простынь там наверху?

– Я, отец мой, – боязливо признался дьякон. – Вы велели прикрыть металлические перегородки, чтобы они не портили вид хоров.

– Я велел повесить драпировки или какую-нибудь ткань, чтобы придать немного достоинства и красоты этой скромной церкви! А не прилаживать грязные тряпки. Уберите немедленно эту рвань из моей церкви, пока я *вас* самого там не подвесил!

Перепуганный дьякон немедленно отправился на поиски подходящей ткани.

Петр Пустынник совершенно измучился. Он ненавидел эту сборную конструкцию, которую лагерные архитекторы имели дерзость называть «церковью». Разумеется, она была самым большим культовым сооружением Нового Иерусалима, но, как и все остальные, оставалась простой конструкцией из металлических пластин и термобетона, наскоро сооруженной для удовлетворения религиозных потребностей солдат. Все человеческие и материальные ресурсы в приоритетном порядке были, разумеется, задействованы в сражениях.

Петр был решительно настроен придать этой церкви достойный вид, чтобы провести в ней торжественную церемонию во славу освобождения гробницы Христовой. Как ему сказали, войска, скорее всего, достигнут цели приблизительно через двадцать четыре часа. А значит, для того, чтобы завершить задуманное, остаются только сегодняшний вечер и завтрашнее утро.

– Вы, там! Выровняйте как следует места сеньоров в первом ряду! Или вы хотите, чтобы кто-то из них отчитал вас прямо во время церемонии?

Ничего не получится. Как он ни бейся, церковь так и останется грязным сараем. Она безнадёжна. Впрочем, как безнадёжен и весь девятый крестовый поход!

Высадившись сорок два дня назад на эту планету вместе со всей гигантской армией, единой в своем искреннем порыве осуществить Божественную волю, он почувствовал себя перерожденным, словно Иисус на горе Фавор. Совсем скоро священные когорты двинутся вперед и освободят святые места от оскверняющего присутствия языческих тварей. Воодушевляющая перспектива, тем более что именно он, Петр Амьенский по прозвищу Пустынник, благополучно привел эти сотни тысяч мужчин и женщин сюда, в их землю обетованную.

Разумеется, он не принимал себя за Моисея, да и Акия Центавра имела мало общего с его представлением о Святой земле; однако, оставаясь лишь военным лагерем, Новый Иерусалим был *его* колонией. Аванпостом в новом мире, который он дарил человечеству в конце своего пути. Какой восторг!

И вначале все шло замечательно. Технически посадка прошла согласно всем расчетам, и на протяжении всей этой непростой операции атамиды никак не проявились. Затем с поразительной быстротой был возведен лагерь. Сколько он ни сидел вместе с ведущими инженерами над планами развертывания, он так до конца и не осознал, до какой степени тщательной должна была быть организация, чтобы они уложились в столь короткие сроки. За исключением странного падения морального духа войск, отмеченного Нод-2, в силу чего потребовалось отчасти

импровизированное выступление Урбана IX, а затем прискорбного бегства насильно мобилизованных, прибытие на Акию армии крестоносцев достойно быть воспетым поэтами.

Потом началась война.

Петр Пустынник считал себя человеком Божиим. И готов был служить Ему так, как Он сочтет нужным. Если бы Господь повелел ему провести всю жизнь в глухом монастыре за чтением молитв, он бы исполнил Его волю с радостью в сердце. Но Всевышний приказал ему собрать армию и идти на Акию. И Петру пришлось приноровиться к военным реалиям.

В первое время все было не так уж плохо. Он наблюдал за развитием событий из контрольной башни и высказывал свое мнение относительно выбора стратегии, иногда обращаясь за разъяснениями по поводу тех или иных военных необходимостей. Потом мало-помалу он начал замечать, что сеньоры все меньше скрывают раздражение, которое вызывают у них его замечания неофита. Он оказался в весьма неловком положении. Или ему придется использовать свою власть, чтобы заставить баронов подчиняться его мнению – а он был достаточно умен, чтобы осознавать собственное невежество в военных материях, – или же он должен смириться с мыслью, что, конечно, остается главой и духовным лидером крестового похода, но войну здесь ведут сеньоры. И вот, не желая рисковать постоянными конфликтами в контрольной башне, он предпочел постепенное самоустранение.

Тогда он подумал, что мог бы придать своим притязаниям больше веса, если бы *сам* отправился на фронт. Так что он сблизился с Годфруа Бульонским, который регулярно оставлял штаб-квартиру, чтобы присоединиться к войскам, и довел до его сведения свои намерения. Тот попытался его отговорить.

– Поверьте, отец мой, фронт не место для людей вроде вас, – сказал он.

Но Петр настоял и на следующий день оказался в арьергарде кавалерийского отряда бок о бок с фламандским сеньором.

То, что он тогда увидел, убедило его, что Годфруа Бульонский был прав. Здесь ему не место. Он уже, конечно же, знал, что война, даже священная, всегда бойня. Однако одно дело знать, и совсем другое – увидеть собственными глазами. Пусть крестоносцы сражались против нечеловеческих существ, в тот день ему показалось, что невозможно примирить первую заповедь и варварское зрелище, которое ему открылось.

И что-то в нем надломилось – качество, всегда бывшее его силой, которое он считал непоколебимым и неразрушимым: его вера в себя. В тот день он понял, что, несмотря на все добровольные жертвы, принесенные ради того, чтобы оказаться здесь, несмотря на внутреннее отступничество, на которое ему пришлось пойти, он ни в коем случае не должен был соглашаться встать во главе этой несправедливой кампании.

Когда три года назад во время тайной встречи папа предложил назначить его *Préteur rérégin*, понтифику пришлось открыть ему некие секретные мотивы, которые и толкнули Ватикан объявить крестовый поход. И эти мотивы были столь *шокирующими*, что Петр сначала отказывался в них *поверить*. Потом, и именно в силу основополагающего характера этих мотивов, он позволил Урбану убедить себя, что в интересах НХИ и христианства в целом он должен согласиться поставить свой огромный талант духовного вождя на службу крестовому походу. Ставка была такова – *«Ни больше ни меньше как выживание нашей святой матери Церкви»*, сказал папа – что только истинный христианин, человек глубокой веры, мог довести эту кампанию до конца, в том числе и в самых конфиденциальных ее аспектах. Петру пришлось призвать всю свою волю, чтобы преодолеть охватившее его смятение, а поскольку воля его была сильна, то в конце концов он прекрасно вжился в новую роль.

Однако, столкнувшись лицом к лицу с неприкрытой жестокостью этой войны, с массовым убийством атамидов, он сломался.

Да, Годфруа был прав, здесь ему не место.

И тогда он опустил руки и отступился. Отказался использовать свое духовное влияние на этот крестовый поход. Сеньоры считают себя специалистами в ведении войны – *да будет так!* Отныне он оставил за ними эту зловещую привилегию и посвятил себя исключительно религиозным вопросам.

Сделав свой выбор, он почувствовал облегчение. Хотя это привело к тому, что его собственная значимость в цепочке принятия решений пошла на убыль, хотя ему практически не давали никакой возможности управлять и внедрять свою новую религиозную юрисдикцию, чувствовал он себя отныне лучше. На своем месте.

А потому, когда запищал мессенджер и он увидел, что вызов исходит от Роберта де Монгомери, Петр заколебался, прежде чем ответить. Что бы ни хотел сообщить ему этот человек, это не сулило ничего хорошего ни ему самому, ни, впрочем, никому другому.

Скрепя сердце он коснулся большим пальцем экрана крошечного аппарата. Там мгновенно появилось напряженное лицо и блестящие глаза Роберта.

– А, отец мой! – напористо заговорил он. – Мое почтение. Я опасался, что вы окажетесь заняты.

– Так оно и есть, господин герцог, – ответил Петр довольно сухо, но не желая показаться невежливым. – Я завершаю убранство того, что наши инженеры имели наглость назвать собором.

Хотя раньше он называл Монгомери просто по имени – прекрасно зная, что того это раздражает, – теперь он чувствовал себя обязанным величать его полным титулом. По закону сообщающихся сосудов после его негласной опалы потерянное Пустынником влияние в этом походе перешло к герцогу Нормандскому. Ничего официального в этом не было, лишь реальное положение вещей, которое почти все принимали как данность.

– Успокойтесь, дорогой Петр, я уверен, что, как только последние важные сражения, которые мы сейчас ведем, будут выиграны, Совет проголосует за увеличение выделяемых вам средств, чтобы вы смогли дать Новому Иерусалиму тот собор, которого он заслуживает.

Я могу заставить Совет проголосовать за все, что мне угодно! Я все еще глава этого проклятого крестового похода! – чуть было не ответил Петр.

– Полагаю, вы со мной связались не ради этого, дорогой Роберт. Надеюсь, вы не хотите сообщить мне, что святилище уже освобождено? Мы абсолютно не готовы к церемонии! И совершенно исключено, чтобы мы отмечали подобное событие в месте, столь... недостойном Господа.

– Нет, не волнуйтесь. Согласно нашим симуляциям, святилище падет завтра после полудня, и прогнозу можно верить. Так что у вас еще есть время должным образом подготовиться к этому событию.

Это вам так кажется!

– На самом деле, – продолжил Роберт, – я вам звоню по другому поводу. Танкред Тарентский снова заставил говорить о себе. Сегодня он позволил себе серьезное неповиновение приказам и увлек за собой в этом бунте несколько подразделений. Думаю, вы согласитесь со мной, что на этот раз его следует примерно наказать. На прошлом заседании совет был к нему милосерден и решил дать ему последний шанс. Очевидно, он им не воспользовался и взялся за старое, причем еще более предосудительным образом. И теперь мы вынуждены передать его военному трибуналу. Предполагаю, что вы разделите эту точку зрения, отец мой.

Все начинается по новой!

Петр поверить не мог. Один раз ему уже пришлось распутывать этот отвратительный клубок политических интриг, что стало для него истинным мучением. Представить только, что все придется проделать снова и опять чувствовать себя канатоходцем над озером, кишущим акулами... От этой мысли у него свело желудок.

– Я... Мне требуется некоторое время, чтобы это обдумать...

– К сожалению, времени у нас практически не осталось, дорогой Петр. Нравится нам это или нет, но для войск Тарент герой. Несмотря на свою преступную недисциплинированность, он обладает редкими боевыми талантами, и люди им восхищаются. Его бунт и передача дела в трибунал рискуют губительно повлиять на моральный дух солдат. Между прочим, хоть он бесчестно не подчинился приказам, но он так же, возможно, спас сотни жизней от последствий... нового промаха Вильнёв-Касеня. Я знаю, что Раймунду де Сен-Жилу ни в коем случае не следовало кооптировать своего шурина на столь значимый пост, но что сделано, то сделано. По всем этим причинам действовать следует быстро и провести суд над Танкредом Тарентским в ближайшие часы, пока основная масса солдат еще на фронте. К тому же Годфруа Бульонский и Боэмунд, которые никогда не упускают случая покрасоваться на поле боя, тоже там. Таким образом, нам предоставляется случай, не вызывая особых волнений, раз и навсегда покончить с этим непокорным субъектом.

Какая тирада! Значит, они разыграют тот же спектакль. Столкнутся те же сферы влияния, и Роберт снова попытается смыть давнее оскорбление и повергнуть старого врага. Претор понял, что сейчас у него появилась возможность вернуть утраченное влияние и вновь утвердить свою власть в крестовом походе. Кстати, именно это он и читал в беспокойном взгляде Роберта. Герцог, конечно же, не сдастся, если Петр снова вступит в борьбу. Однако у него-то законной власти нет. Именно Петр Пустынник является верховным магистратом крестового похода, его *Praetor peregrini*.

Но эта мысль, мелькнувшая в его мозгу со скоростью молнии, так же быстро и угасла. Петру стали чужды подобные истории. Политические махинации были ему отныне совершенно безразличны. Аристократы больше всего любят рвать друг друга на куски, ну и на здоровье! Он выше этого. Он человек Божий.

– Возможно, я... – начал он, не очень понимая, что хочет сказать.

Наверняка его замешательство не осталось незамеченным, потому что на лице герцога он уловил мимолетную победную улыбку. Как ни странно, этот знак презрения, который прежде вызвал бы вспышку гнева, совершенно не задел Петра. Он вдруг почувствовал, что устал. Им владело единственное желание – заняться своим псевдособором и чтобы все от него отстали.

– Да, вы правы, господин герцог. Поступайте, как считаете нужным.

* * *

По-прежнему удерживаемые мощным магнитным полем на высоте двадцати метров над землей транспортные войсковые баржи поднимались вдоль длинного пандуса, чтобы проникнуть в Новый Иерусалим через южные ворота. К середине дня песчаная буря улеглась достаточно, чтобы солнце снова могло метать свои испепеляющие лучи в город крестоносцев.

Больше половины мест в кабинах остались свободными. Никто не осмелился спросить о количестве убитых, но как минимум триста человек сложили головы в сражении. Горячка боя спала, и теперь в рядах царил тягостная тишина. Ни у кого не лежало сердце ни рассказывать о своих подвигах, ни даже громко шутить, как это часто делают возвращающиеся с фронта солдаты, чтобы убедиться, что они точно живы. Теперь все понимали, что, если бы не приказ об отходе, никто из них не выбрался бы. А главное, воспоминания о злодеяниях, которые они совершали в разгар сражения, оставляли во рту привкус горечи. Осознание того, с какой ошеломляющей легкостью может порваться ваша цивилизованная оболочка, уступив место свирепому звериному обличью, здорово выбивала из равновесия.

Если в этот день массированного наступления на улицах Нового Иерусалима народа почти не было, то на посадочной площадке, напротив, были развернуты солидные силы военной полиции, ожидающие возвращения подразделений под командованием Танкреда Тарентского.

Льето, во время посадочного маневрирования летательного аппарата поглядывавший на землю через иллюминатор кабины, восхищенно присвистнул:

– Они приняли крутые меры. На этот раз ты их действительно допек.

Танкред бросил взгляд наружу и обратился к другу:

– Обещай, что будешь держаться в стороне, Льето. Ничем хорошим эта история не закончится.

Фламандец исподлобья глянул на нормандца.

– Ты предлагаешь мне бросить друга? Ты предлагаешь мне плюнуть на участь брата?

Танкреда захлестнула буря эмоций, к глазам подступили слезы. Следующие часы наверняка будут для него очень мучительными, и подобное проявление настоящей дружбы стало большой поддержкой.

– Я прошу тебя не рисковать из-за меня своим будущим. Никто меня не заставлял принимать такое решение, и я один должен нести за него ответственность.

Когда расположенный в задней части аппарата входной люк баржи открылся и опустился вниз, превратившись в трап, Танкред встал со своего места, не дав Льето времени ответить. Он слишком хорошо знал, что молодой человек так легко не сдастся и не согласится наблюдать сложа руки.

Лейтенант первым покинул челнок и, расправив плечи, решительным шагом спустился по трапу. В голове у него в этот момент было совершенно пусто, и ему казалось, что он действует автоматически. Следом вышли люди из 78-го и пошли за ним, бросая недобрые взгляды на выстроившихся вокруг бойцов военной полиции. Солдаты других подразделений тоже покидали свои баржи и начинали собираться вокруг них.

Не дожидаясь приглашения, Танкред направился к стоявшему у трапа капитану полиции. Тот коротко отсалютовал и сказал:

– Лейтенант Тарентский, думаю, вы знаете, зачем мы здесь?

– Да, мой капитан, – коротко кивнув, ответил Танкред. – Выполняйте свою работу, я не окажу сопротивления.

– Спасибо, лейтенант, – с явным облегчением выдохнул офицер.

Двое полицейских приблизились к Танкреду, чтобы забрать у него оружие. Он отдал, не дрогнув.

– Мы также должны изъять наступательные элементы вашего «Вейнер-Никова», мой лейтенант, – добавил один из военных полицейских с некоторым смущением. – Они тоже считаются боевым снаряжением и...

– А не проще ли мне снять весь экзоскелет?

– Нет, – возразил капитан, тревожным взглядом окинув собирающуюся вокруг них толпу. – Это займет слишком много времени, а мне бы хотелось как можно быстрее покинуть летное поле.

– Понятно, – кивнул Танкред.

Полицейские принялись за извлечение встроенного в боевой комбинезон оружия. Операция заняла несколько минут, и солдаты, которые уже заканчивали высадку из барж, собрались вокруг и наблюдали за этим невеселым зрелищем. Снова поднялся ветер, а с ним и песок, с потрескиванием секущий экзоскелеты.

В какой-то момент кое-кто возмутился происходящим, и послышались протестующие возгласы:

– Нельзя так обращаться с солдатом!

– Тем более с героем войны, как он!

– Вы все, вместе взятые, ему в подметки не годитесь!

– Он всех нас спас, а вы так встречаете его возвращение?

– Лучше бы шли сражаться на фронт, чем накидываться на себе подобных!

Хотя атмосфера накалялась, солдаты все еще держались на расстоянии от взвода военной полиции. И все же, когда капитан подошел к Танкреду со специальными наручниками, блокирующими экзоскафандр, они дали волю гневу. В поднявшемся возмущенном хоре один голос перекрыл все остальные.

– Да черт вас побери, не наденете же вы на него наручники, как на простого преступника!

Это был Лъето. Он не только заговорил, но и вышел вперед, и при виде его мощной фигуры несколько полицейских инстинктивно отступили. За ним с крепко сжатыми поднятыми кулаками двинулись другие солдаты, явно настроенные перейти в рукопашную.

– Сволочи, никакого уважения!

– Мы же такого не допустим, парни?

– Отпустите его немедленно!

– Вы его не уведете!

Капитан в замешательстве замер перед Танкредом.

– На вашем месте, – тихо сказал ему Танкред, – я бы забыл про наручники.

Полицейский выпрямился и огляделся вокруг. Под его началом было приблизительно столько же людей, сколько оставалось от 78-го, но на солдат это как будто не производило никакого впечатления, а некоторые уже достали из ножен оружие. Но главное, оцеплявший их полицейский кордон сам в свою очередь был оцеплен другими подразделениями группы, солдаты которых, пусть и не такие разгоряченные, вели себя не менее враждебно. Капитан чувствовал, что ситуация в любую секунду рискует выйти из-под контроля.

– Вы можете что-нибудь сделать? – спросил он Танкреда.

– Для начала уберите наручники, – ответил тот.

Офицер, достаточно опытный, чтобы понимать, что в некоторых случаях лучше не спорить, снова убрал наручники в карман, потом отошел на несколько шагов и знаком приказал двум своим людям, державшим Танкреда за руки, поступить так же.

Лейтенант 78-го п/к тут же повернулся к своему подразделению и сказал достаточно громко, чтобы его слышали все:

– Солдаты, слушайте меня!

Когда люди увидели, что их командир свободен в своих движениях, волнение немного улеглось.

– Солдаты! – продолжал Танкред. – Ваша поддержка очень важна для меня и доказывает, я не напрасно горжусь вами! Вы лучшее подразделение, которым я когда-либо командовал, и я не хочу, чтобы такие достойные люди, как вы, расплачивались за решение, которое я принял вполне сознательно. Это не ваш бой, друзья мои! Дайте полицейским выполнить полученные ими приказы, они не больше, чем вы, ответственны за ошибки наших военачальников!

Раздались кое-какие недовольные голоса, но его слов оказалось достаточно, чтобы напряжение спало. Лъето, не двигаясь с места, с печальным и покорным видом смотрел на друга.

– Спасибо, – сказал капитан полиции, снова приближаясь к своему пленнику. – Мне бы хотелось, чтобы все прошло без осложнений.

Танкред повернулся к нему лицом.

– Тогда не будем мешкать, – бросил он устало.

– Вы наверняка чертовски хороший офицер, раз ваши люди так вас уважают. Уверен, что вся эта история простое недоразумение и вы очень скоро к ним вернетесь.

– Боюсь, что нет, – проговорил нормандец глухим от волнения голосом. – Это что угодно, но только не недоразумение.

Глядя прямо перед собой со странно отсутствующим видом, Танкред покинул летное поле в окружении целого подразделения военной полиции. Солдаты расступались, чтобы пропустить их, – без единого возгласа протеста, без единого угрожающего жеста. Внезапно позади, у трапа раздался голос. Это был прапорщик Юбер.

– Солдаты, в честь лейтенанта, по моей команде, *смирно!*

Звучные хлопки семтаковых перчаток по боевому оружию слились в мощную канонаду, когда солдаты вставали по стойке смирно. Приказу прапорщика подчинились все подразделения.

Камера была маленькой и неудобной, но по сравнению с земными тюремными стандартами НХИ это был номер люкс. Три метра на три, с небольшим окошком наверху, куда просачивался дневной свет, нормальная койка, вполне пристойный туалетный уголок, панель Интра и даже стол с письменными принадлежностями. Танкред был удивлен.

Тем лучше, подумал он, *неизвестно, сколько времени я здесь проведу в ожидании суда.*

Он бы с удовольствием прилег, чтобы немного передохнуть, но ему пока так и не предложили возможности снять боевой экзоскелет, а Танкред был уверен, что койка не выдержит такого веса. А уж стул возле стола и подавно. За неимением лучшего он прислонился спиной к стене, сполз вниз, пока не оказался в сидячем положении, и отключил сервомоторы скафандра. Теперь он мог расслабить мускулы, усевшись внутри комбинезона, ставшего жестким.

Закрыв глаза и медленно дыша, Танкред наконец позволил себе поразмышлять над случившимся. Больше всего лейтенанта удивляло собственное расположение духа: он чувствовал себя хорошо, вместо того чтобы чувствовать себя как нельзя плохо. *По крайней мере* настолько же плохо, как после разжалования на дисциплинарном совете, ведь то, что его ждет, будет, без сомнения, еще хуже. Однако ему было до странности хорошо. В сущности, он даже испытывал облегчение.

Я давно уже должен был это сделать. Все последние пятнадцать лет я убеждал себя, что создан для войны, хотя всем сердцем, всем своим существом ненавижу ее.

Он всегда играл какую-то роль. Роль идеального воина, роль доброго христианина, роль наследника знатной семьи, которому уготовано блестящее будущее, роль рыцарского героя с благородными помыслами. Целый хоровод персонажей, который кружился вокруг его истинной личности, по-настоящему не приближаясь к нему.

И вот сегодня на улицах столицы Акии Центавра все разлетелось вдребезги. Из прежних персонажей не уцелел ни один. После долгих лет, когда он выбивался из сил, стараясь сохранить хрупкое равновесие, эта абстракция вдруг потеряла всякую важность в его глазах. Остался только он сам. Танкред.

Его военная карьера закончена. Это очевидно. Каков бы ни был исход суда, ему больше никогда не позволят занимать ни один пост в действующей армии. И тем не менее, если три с половиной месяца назад разжалование и лишение военных наград погрузили его в самую глубокую скорбь, сегодня благодаря какому-то чуду, тайной которого владеет только человеческий мозг, окончательный крах военной карьеры вызывал лишь полное безразличие. И облегчение.

Конечно, придется объяснять необъяснимое семье, и отец будет смертельно огорчен. Придется также выдержать и колкие взгляды общества. Но вскоре для него начнется новая жизнь. Сначала он понесет наказание за свое неповиновение, потом проведет как минимум несколько месяцев в тюрьме. Однако вполне вероятно, что его прошлые заслуги и происхождение позволят ему избежать слишком суровой кары. А потом, после окончания кампании, останется только дожидаться возвращения «Святого Михаила» на Землю и...

Внезапно эта мысль была вытеснена другой, неизмеримо более сильной. Мыслью, которая мелькнула у него в сознании, едва он отдал приказ о незаконном отходе, и которую с тех пор тщательно подавлял, чтобы она не мешала ему думать.

Клоринда.

Волна боли поднялась и едва не затопила его.

Не сейчас! Не думай о ней!

Танкред заставил свои мысли вернуться в прежнее русло.

Когда полет закончится, ему будет немногим больше тридцати шести, и в новой жизни перед ним откроются все возможности. Может даже, он станет управляющим родового имения, как однажды в шутку посоветовала Ниса! Не стоит обманываться, подобное преобразование было бы из ряда вон выходящим. Профессиональные солдаты редко оказываются способны без проблем вернуться к мирной жизни. Какая-то часть их существа навсегда остается на полях сражений. Но Танкред был готов. Эта перспектива возбуждала его.

Однако существовала еще одна сторона проблемы, и она омрачала его внезапный энтузиазм. Он предоставит атамидов их трагической судьбе. Машина крестовой войны перемелет эту цивилизацию, а он ничего не сделает, чтобы противостоять этому не имеющему никакого оправдания холокосту. Но в конце концов, что он может в одиночку против христианских армий? Уж ему ли не знать, что практически ни один солдат ни разу не выкажет ни малейшего сочувствия к этим созданиям. Никогда никто не признает за ними хотя бы права на существование!

Но я же не несу ответственности за их несчастье! Мне самому теперь придется защищаться от этой армии и...

Клоринда.

И снова, как удар кулаком, на него обрушилась мысль, которую он несколько часов не подпускал к себе.

Клоринда.

После того что случилось, она никогда не захочет с ним даже заговорить, не то что встретиться!

Не думай об этом!

Ценой еще одного усилия он попытался вновь обуздать эту мысль. Слишком рано позволить ей заполнить его рассудок. В ближайшее время ему понадобятся все его душевные силы, чтобы противостоять...

– Ну и каково это – все потерять?

Танкред вздрогнул. Повернул голову в сторону раздавшегося голоса. По другую сторону перегородки из двухатомного стекла, из которой состояла выходящая в коридор стена камеры, находился Роберт де Монтгомери.

Выправку герцога Нормандского подчеркивал его украшенный фамильным гербом мундир НХИ. Идеально постриженная черная борода по-прежнему обрамляла его тяжелую челюсть, придавая волевой вид, и он казался как никогда в форме – возможно, его бодрила атмосфера войны, которую он так любил. Однако те немногие, кто оказывался способен достаточно долго выдержать его взгляд, могли заметить в нем проблеск чуть безумной взвинченности, из-за которой создавалось впечатление, что в любую секунду и без всякого повода герцог может взорваться.

Увидев своего старого врага, Танкред упал духом. Это был последний человек, которого сейчас ему хотелось бы видеть. Он устало дернул клапан, высвобождающий сочленения экзоскелета, снова обрел свободу движений, медленно поднялся с пола и подошел к стеклянной перегородке.

Облаченный в доспехи Танкред выглядел впечатляюще, а от каждого его шага сотрясался термобетонный пол. Но Роберт де Монтгомери даже не моргнул при его приближении.

– Не стоило тебе восставать против меня, жалкий пес! – надменно выплюнул он. – Вот куда это тебя привело.

– Я никогда не сожалею о своих поступках, – медленно произнес Танкред, размышляя, что еще задумал герцог. – Только время зря терять.

Роберт издал сухой смешок.

– Никогда не сожалеешь о своих поступках, да? Очень может быть, что скоро это изменится. Сегодня я с тобой наконец-то покончу. Раздавлю сапогом, а потом навсегда о тебе забуду, потому что ты станешь ничем.

Слегка встревоженный, Танкред нахмурился. Он достаточно хорошо знал этого змея, чтобы понимать, когда тот заранее ликует в предвкушении очередной подлости.

– Что вы еще задумали, предатель? Еще не задохнулись собственной злобой?

– Ц-ц-ц, – пощелкал языком Роберт, изобразив огорчение. – Так не разговаривают с герцогом французского королевства. Я всего лишь решил нанести тебе визит вежливости. В конце концов, мы же соседи, не так ли?

Танкред сделал над собой усилие, чтобы успокоиться.

– К несчастью, да. Я знаю, вы надеетесь, что моя опала позволит вам наложить руку на владения моих родителей, но не слишком на это рассчитывайте. Отныне я решил сам заняться этим делом.

Роберт расхохотался.

– Метавоин станет крестьянином, – ухмыльнулся он, утирая слезу. – Вот уж действительно редкое зрелище! Хотелось бы мне посмотреть, как ты проводишь свои дни по самую задницу в грязи, но, к сожалению, я буду лишен такого удовольствия. Видишь ли, я не знаю, что на тебя нашло во время боя, и уж тем более не знаю, как ты себе воображал дальнейшее, но в одном я уверен: ты не скоро увидишь родные нормандские пастбища!

Танкреду вдруг показалось, что вся кровь отхлынула от мозга, словно он слишком резко вскочил на ноги. Волна гнева застучала в висках.

– Какой еще заговор вы сплели? – вскричал он, ударив перчаткой по стеклянной перегородке.

Бронированное стекло едва дрогнуло, однако на сей раз Роберт невольно отпрянул на шаг.

– Заговор... слишком сильно сказано для такой ничтожной личности! – ответил он, стараясь обрести прежнюю уверенность. – Заговор замышляют, чтобы свергнуть короля. Для шавки вроде тебя достаточно дернуть за несколько ниточек, назначить правильных судей и немного ускорить события.

Танкред почувствовал, как заledenело сердце: он слишком хорошо понял замысел герцога.

– Ах да, на самом деле я зашел сказать, что тебя будут судить за государственную измену через... – он сделал вид, что сверяется с часами на наручном мессенджере, – почти через два часа! – жизнерадостно закончил он. – Так что у тебя достаточно времени, чтобы подготовиться к защите, верно?

И он захохотал пуще прежнего.

Собрать трибунал за несколько часов – маневр понятен. Роберт задействовал все свои связи, чтобы выбрать доверенных судей и провести процесс немедленно, прежде чем возможные союзники Танкреда вернутся с фронта. А когда приговор будет вынесен, никто уже не сможет его отменить. Роберт был решительно настроен окончательно свести с ним счеты. Чудовищная ярость овладела Танкредом.

– НЕТ! – изо всех сил заорал он, снова нанося удар в прозрачную перегородку.

Роберт вздрогнул и отскочил, едва удержавшись на ногах. Он побледнел, и его язвительная улыбка исчезла.

– *И часто мы, взлетев под облака, Летим стремглав в ужаснейшую бездну*¹⁰, – сквозь стиснутые зубы прорычал Танкред, глядя прямо в глаза своему врагу.

---

¹⁰ Торквато Тассо. Освобожденный Иерусалим.

– Ты не мог бы выбрать цитаты, более подходящей к твоему положению, – усмехнулся Роберт.

Устремленные на него глаза метавоина заставили герцога задрожать.

– Я имел в виду не себя, – медленно произнес Танкред.

* * *

Подобно пантере на своем гербе, Клоринда лихорадочно металась по казарме, поджидая, пока на панели Интрасвязи появятся хоть какие-то новости из суда над Танкредом в военном трибунале. Было семь вечера.

День начался плохо, так как из-за того, что она считалась выздоравливающей, ей в то же утро запретили отправиться на фронт. Стараясь ничем не выдать своего разочарования, она пожелала удачи боевым подругам, когда те со смехом рассаживались по военным транспортникам, от души радуясь, что примут участие в столь ожидаемом наступлении, призванном освободить святилище.

Она дождалась, пока баржи исчезнут из вида, а потом вернулась в казарму. Там, оставшись одна, она дала волю гневу, сломав стул о бетонный пол и крича от бессильной злобы. Зашедшая как раз в этот момент в барак старшина Геновева – матрона, которую амазонки ненавидели всей душой, – устроила ей жуткий разнос, после чего в качестве наказания запретила до завтра покидать расположение части.

А потому Клоринда, пребывая в крайнем раздражении, вынуждена была долгие часы томиться в спальне своего подразделения, непрестанно мусоля несправедливость, жертвой которой оказалась. Черт побери, конечно, она еще выздоравливающая, но ведь она мета! По ее мнению, это могло бы дать ей право, пусть даже несколько ослабленной, принять участие в сражении. Слава богу, Жермандьера, тоже обреченная на вынужденный отдых после сравнительно легкого ранения, составила ей компанию на добрую часть дня.

Чтобы убить время, они поиграли в разные игры, в том числе в разновидность «Черного пастуха», очень популярную сейчас в армии, потом читали по очереди вслух баллады Франсуа Вийона, любимого поэта Жермандьеры. Ближе к вечеру, исчерпав все идеи, чем бы себя занять, они в конце концов включили висевшую в общей спальне панель Интра и стали смотреть идущие по ней идиотские программы. Ближе к шести часам, когда она почти задремала, Клоринда вдруг услышала имя человека, которого любила. Она вздрогнула, словно получив электрический разряд, и потрясла головой, прогоняя сонливость.

«...Тарентский, знаменитый метавоин, снова предстанет перед военным судом, – говорил комментатор, читая экстренные сообщения на Интра. – Этим утром, командуя своими солдатами во время решающего штурма в окрестностях гробницы Христа, он без разрешения приказал отступить. Все обстоятельства событий еще не ясны, однако представляется установленным, что, в силу напряженности схватки, лейтенант Тарентский предпочел оставить поле боя, а не продолжить сражение».

– Господи, нет! – выдохнула Клоринда.

«По этой причине военная полиция задержала его по возвращении в Новый Иерусалим, и сегодня же вечером он предстанет перед военным трибуналом. Разумеется, мы сообщим вам о вынесенном приговоре».

– Нет! – повторила Клоринда дрожащим голосом.

Жермандьера вскочила и выключила панель. В спальне повисло молчание.

Клоринда не могла опомниться. То, что она услышала, означало, что ее жизнь попросту пошла под откос.

Она любила Танкреда больше всего на свете и в это мгновение поняла, что, несмотря на их последнюю размолвку, приложила бы все усилия, пошла бы на любые уступки, лишь

бы провести остаток жизни рядом с ним. И вот она внезапно узнает, что за неповиновение мужчина ее жизни проведет ближайшие годы в тюрьме, а следовательно, будет окончательно отчислен из армии. А как же она, посвятившая себя карьере солдата и счастливая тем, что нашла кого-то, столь похожего на нее? И этого человека теперь будут считать предателем и трусом. Парией!

– Мне так жаль, – проговорила Жермандьера. – Я...

Ее голос прервался, она не знала, что добавить. Клоринда выглядела совершенно потрясённой, ее взор блуждал, ни на чем не останавливаясь.

Итальянка была уверена, что Танкред не может быть виновен. Никогда истинный солдат вроде него не ослушался бы прямого приказа. Значит, у него была веская причина, что и разъяснится на суде. Суд... При этой мысли ее сердце сжалось. Трибуналы, особенно в разгар войны, отнюдь не славились тонкостью суждений и уж тем более милосердием. Попасть под трибунал уже означало быть осужденным.

– Почему все произошло так быстро? – вдруг воскликнула она, так что Жермандьера вздрогнула. – Я даже не успею навестить его перед началом заседания!

– А может, еще успеешь, – заметила ее подруга. – Если поторопишься, может, тебе и повезет!

Клоринда взглянула на нее с новой надеждой в глазах:

– Да, ты права!

Вскочив, она повернулась к двери, готовая бежать, и тут увидела в дверном проеме старшину Геновеву. Твердо стоя на мощных ногах и уперев руки в боки, гарпия сурово смотрела на двух молодых женщин.

В одно мгновение Клоринда оказалась перед ней.

– Уж не думаете ли вы, что помешаете мне выйти? – сквозь зубы бросила она.

– Думаю, – рявкнула та, казалось ничуть не напуганная видом разъяренной метавоительницы.

– Вы не понимаете, что делаете! – прорычала Клоринда.

– Напротив. Как только я услышала экстренный выпуск, сразу кинулась сюда. Я уже не надеялась застать вас, но мне повезло.

Клоринда чувствовала, что вот-вот сорвется и придушит эту сумасшедшую бабу.

– Вы считаете, что какое-то дурацкое наказание помешает мне увидеть своего жениха в такой серьезный момент?

Церберша медленно покачала головой:

– Конечно нет. Я только хочу помешать вам угробить вашу карьеру. Вы сами знаете, что сделаете глупость, если пойдете туда. Оставайтесь здесь, это избавит вас от многих неприятностей.

Обезоруженная неожиданным ответом, Клоринда заколебалась. Ком в груди давил невыносимо, мешая дышать.

– Судя по тому, что я слышала, – продолжала старшина, – этот человек того не стоит. Если он таков, как его описывают, не следует из-за него портить себе жизнь.

Это замечание вызвало у Клоринды новый прилив гнева.

– Вы не имеете права так говорить! – крикнула она почти в лицо Геновеве, хладнокровие которой, казалось, дало трещину. – Вы его даже не знаете!

Старшина открыла рот, собираясь ответить, но тут вмешалась Жермандьера:

– Она права, Клоринда. Увидев его при таких обстоятельствах, арестованным или в наручниках, ты рискуешь потерять самообладание.

– Но я не могу допустить, чтобы он оставался там совсем один, – простонала Клоринда, и слезы покатились по ее щекам. – Он решит, что я его бросила!

– Позволь мне пойти туда вместо тебя, – предложила Жермандьера. – Я буду держать тебя в курсе, а если мне удастся подойти к нему поближе, то передам, что ты о нем думаешь.

– Я... – начала итальянка.

– Это лучший выход, поверьте, – прервала ее старшина.

Не оставив Клоринде времени ответить, Жермандьера устремила к выходу. Геновева посторонилась, пропуская ее.

– Вы никуда не успеете, если будете ждать челнока, – бросила она. – Возьмите боевой бипед. В виде исключения даю вам разрешение.

– Поняла, – кивнула Жермандьера. – Благодарю, старшина!

Сраженная, Клоринда вернулась в спальню и рухнула в одно из кресел. Геновева вошла следом, закрыла за собой дверь и уселась рядом, и кресло закрипело под своим весом.

– Потом вы еще будете меня благодарить, – проворчала она.

Но Клоринда ее не слышала. Невидящим взглядом уставившись в пустоту, она пыталась собраться с мыслями. Чудовищная тоска поднялась из глубин ее сознания, разливаясь по телу, словно поток черной холодной грязи, и пытаясь проложить путь в живот, чтобы свести его жутким спазмом. Несчастная согнулась пополам от боли и зарыдала.

Время текло непривычно медленно. Не сводя глаз с настенных часов, будто загипнотизированная бегущими секундами, Клоринда считала минуты. Прошло полчаса, потом три четверти часа. А Жермандьера все не звонила!

Она размышляла о своих отношениях с Танкредом и увидела последнюю ссору в новом свете. Что бы они друг другу ни наговорили, важно одно: любовь, которую она испытывала к нему. У нее не было иного желания – только быть рядом. Неожиданно в ее мозгу мелькнула страшная мысль. А вдруг бунт Танкреда был ответом на ее угрозу порвать с ним отношения, если он не откажется от своего вольнодумства? А вдруг этот высший акт неповиновения был лишь всплеском самолюбия, призванным показать ей, что он не поддается шантажу? Значит, вполне вероятно, что она сама виновата в несчастье любимого. Эта мысль причиняла ей почти физические страдания, и она снова застонала.

Подошла Геновева и с сочувствием положила руку ей на плечо, но Клоринда резко оттолкнула ее.

Этим утром она приняла важное решение. Она пойдет поговорить с ним и попытается все уладить, даже если придется извиниться за угрозы. До сих пор Клоринда еще никогда в жизни ни у кого не просила прощения, хоть и знала, что бывала не права. Она понимала, что хвастаться нечем, если ты слишком горда, чтобы достойно признать свои ошибки; однако она еще ни разу не сделала над собой такого усилия. Танкред все изменил. Она даже сказала себе, что, если потребуется, станет умолять его забыть те глупости, которые наговорила ему накануне.

И вот теперь вся ее прекрасная решимость оказалась бесполезной. Возможно, они больше никогда не увидятся.

Эта мысль заставила ее взвиться из кресла с твердым намерением мчаться в суд и любой ценой встретиться с Танкредом. Но тут дверь с треском распахнулась, и она замерла на месте.

В казарму, держась за бок и задыхаясь, ворвался молодой человек, которого Клоринда где-то мельком видела, – возможно, один из помощников в механической мастерской.

– Я прибыл... так быстро... как мог, – с трудом выговорил он, пытаясь перевести дух. – Это Жермандьера... меня послала, потому что... мессенджеры не работают... в здании трибунала...

Клоринда мгновенно поняла: что-то произошло. Она метнулась к молодому человеку.

– Говори! – приказала она.

– Там... скандал. Лейтенант... слетел с катушек! Жермандьера велела сказать вам, что...

Но заканчивать фразу ему не пришлось: Клоринда вихрем вылетела за дверь и со всех ног кинулась прочь.

Старшина Геновева даже не попыталась помешать ей. Бесполезно, и она это знала. Она только смотрела, как та удаляется широким шагом в косых лучах заходящего солнца.

– Что за бардак, – в конце концов пробормотала она себе под нос. – Что за нелепый бардак.

* * *

Ошарашенный Танкред не мог опомниться.

Он стоял в центре зала, лицом к пятерым судьям, сидящим за длинным столом. Белесый свет, отвесно падающий с висящих над ними ламп, обводил их глаза и щеки черной тенью, придавая им вид выстроившихся в ряд черепов. Заседание проходило за закрытыми дверями. Едва прибыв, Танкред удивился, не обнаружив в зале ни одного сеньора, и даже Петра Пустынника. Роберта тоже не было видно, но герцогу этого и не требовалось, чтобы повлиять на приговор.

За Танкредом пришли три четверти часа назад и препроводили сюда, не дав времени надеть приличествующий мундир. Ему пришлось защищать себя, оставаясь в грязном экзоскафандре. В любом случае он быстро осознал, что это не имеет никакого значения. Начало заседания доказало, что весь процесс представляет собой клоунаду, которой судьи едва давали себе труд придать минимум правдоподобия. Обвинения были так несуразны, что он даже не пытался возражать.

Все происходило как будто отдельно от него, и это отдаленное зрелище не имело к нему никакого отношения. Картинка размытая, звук приглушенный. Он уже знал, что его военная карьера вконец испорчена, но теперь он постепенно осознавал, что то же происходит и с его жизнью. С ним решили покончить раз и навсегда, окончательно выведя из игры. Тогда он замкнулся в молчании и думал только о Клоринде.

На этот раз он был уверен, что потерял ее безвозвратно. Поскольку суд организовали буквально за несколько часов, она, возможно, даже еще не знала, что с ним случилось. Он так хотел бы увидеть ее до начала суда, чтобы объяснить причины своего поступка и сказать, как сильно ее любит, несмотря на все их расхождения, и будет любить, даже если их разлучат навсегда.

Голос прокурора доносился до него как сквозь стену, но мало-помалу тяжесть обвинений и очевидная подтасовка излагаемых фактов вернула к действительности.

– ...отказался от сражения, столкнувшись с трудностями, а затем увлек за собой войска, доверенные под его ответственность, полагая, что его трусость станет таким образом менее очевидна. Солдат, показывающий свою спину противнику, достоин лишь презрения, но, когда этим солдатом является офицер при исполнении своих прямых обязанностей, следует проявить твердость и наказать его со всей суровостью. Некоторые свидетели заявляют, что он даже бросил свое оружие на землю в надежде, что атамиды пощадят его, и они...

– Ложь! – выкрикнул Танкред. – Кто, по-вашему, поверит в это? Слишком многие видели меня в сражении, чтобы знать, что я не трус...

– Не мешайте суду! – рявкнул сидящий в центре главный судья, ударив молотком по столу.

Гнев судьи не был наигранным, однако Танкред заметил, что вызван он не столько неповиновением обвиняемого, сколько ситуацией в целом. Возможно, высокопоставленному чиновнику не очень нравилось участвовать в пародии на правосудие.

– Этот... офицер, – продолжил обвинитель, сделав вид, что засомневался, можно ли в данном случае применить это слово, – этот офицер сознательно отказался исполнять приказы,

дав команду к ничем не обоснованному отступлению, в то время как бой протекал без явного перевеса противника и солдаты были близки к победе...

– Дайте себе хотя бы труд сделать ваше вранье правдоподобным! – снова взорвался Танкред. – Этот бой был проигран изначально, и все солдаты погибли бы...

– Прекратите прерывать прокурора! – взревел судья, отчаянно колотя молотком. – Замолчите!

– ...по вине этого бездарного маркиза де Вильнёв-Касеня, – тем не менее продолжил Танкред. – Проверьте тактические данные, и увидите, что это правда! Но правда, разумеется, мало вас заботит, как я вижу.

– Стража! – заорал главный судья, обращаясь к людям, расставленным по периметру зала. – Заставьте обвиняемого замолчать!

Стражники переглянулись, не очень понимая, что судья имеет в виду. Если следует просто вырубить обвиняемого, чтобы вынудить его хранить молчание, это выполнимо; а вот если предлагается физически обуздать его, чтобы помешать говорить, то ни у одного из них не возникло желания даже попытаться. Никто не двинулся с места, а прокурор как ни в чем не бывало продолжил излагать хитросплетения лжи.

Дрожа от возмущения, Танкред упорно опровергал каждое из нелепых обвинений, которые слышал, понимая при этом, что изменить ничего невозможно: его привели сюда не для того, чтобы судить, а лишь для того, чтобы приговорить. Он поискал глазами инициатора своего падения, Роберта де Монтгомери, ожидая увидеть, как тот затаился в тени, где-нибудь за занавесками, и наслаждается своей победой. Но его давний враг был не так глуп, чтобы показаться в трибунале, которым манипулировал.

Поскольку заседание было закрытым, он не видел вокруг ни одного знакомого лица, в котором мог бы найти хоть какое-то утешение. Ни Льетто, ни Энгельберта, ни одного из солдат 78-го. И тем более ни Боэмунда или Годфруа Бульонского, по-прежнему находившихся на фронте, и, уж конечно, Альберика. И к тому же, кроме его людей, никто наверняка не был в курсе того трагического фарса, который разыгрывался здесь.

Танкред вдруг почувствовал себя одиноким, всеми покинутым, брошенным на растерзание псам, которые только и ждут сигнала к травле, чтобы прикончить его. И вскоре этот сигнал прозвучал. Главный судья с очевидной поспешностью выпалил общепринятую литанию из псевдоюридических формулировок, призванную закрыть заседание военного суда, и перешел к объявлению приговора: лишение всех званий и не подлежащее пересмотру исключение из армии, пятнадцать лет каторжных работ в военном остроге по возвращении на Землю, а пока – немедленное заключение в тюрьму для особо опасных преступников в Новом Иерусалиме.

Экс-лейтенант не мог опомниться.

Он не ожидал, что удар окажется таким сильным. Это было начисто лишено всякого смысла. Конечно, его семья попытается официально обжаловать столь несоразмерный приговор. Вот только... еще ни одно решение военного трибунала не было никогда отменено. Это стало бы опасным прецедентом. Никто не пойдет на такой риск, особенно теперь, когда НХИ ввязалась в межзвездную войну. Можно сколько угодно взывать к королю Франции или даже к папе, ничто не поможет. Реальность предстала перед Танкредом во всей своей неприглядности. Как минимум пятнадцать следующих лет он проведет на каторге.

Его психологические барьеры рушились один за другим, а гнев перерастал в ярость. Они зашли слишком далеко. Они хотели не наказать его, а уничтожить.

Потрясенный приговором, Танкред внезапно осознал, что единственный выход – просто *уйти*. Сбежать из этого сумасшедшего дома! В отличие от той пучины чувств, в которую несколькими месяцами раньше его погрузил дисциплинарный совет, сегодняшний абсурдный вердикт, напротив, вернул ему неожиданную ясность сознания. Туман, затмевающий мысли, рассеялся. Он понял, что у него остается единственный способ спасти свою жизнь от того, что

все более походило на катастрофу. Некая миссия. Он должен попытаться исправить зло, причинению которого способствовал. Он должен положить конец этой войне, спасти атамидов от людей, а людей – от них самих.

– Обвиняемый! – прогремел председательствующий. – Хотите произнести последнее слово, прежде чем приговор вступит в силу?

Танкред машинально повернул голову на голос, но взгляд его был устремлен в другое место. Мысли с небывалой быстротой проносились у него в мозгу.

Приговор...

Если он позволит, чтобы эти безумцы бросили его в тюрьму, то, вполне вероятно, никогда оттуда не выйдет и будет окончательно обречен на беспомощность!

И тогда в его сознании словно произошла вспышка, образовался невыносимый разрыв, где за краткий миг столкнулось множество образов, которые накладывались и проникали друг в друга, тасуя и смешивая сцены, которые он видел и пережил, наяву или во сне.

Следуй линиям.

Его сны...

Следуй линиям.

Все его странные сны вдруг обрели новый смысл.

Следуй за моим голосом/по моим полосам.

Пора было выйти из тьмы пещеры и встретить снаружи огни солнца.

Следуй линиям, если хочешь жить.

Он должен уйти, удалиться, покинуть своих, возможно, навсегда.

Их видно только издавлек.

Его мысли вдруг вскипели, достигнув кульминации в пароксизме слияния, из которого он вынырнул, услышав долгий вопль. Его собственный. Это кричал он сам.

Он умолк. Короткое эхо унесло его крик в высоту зала. Все присутствующие, оторопев, молча глядели на него.

– Теперь я *вижу* линии, – сказал он заворуженно смотревшему на него судье.

Потом стремительным движением включил сервомоторы экзоскелета и бросился на ближайшего стражника.

* * *

«Срочное предупреждение, срочное предупреждение. Обвиняемый бежал из места заключения. Речь идет о лейтенанте Танкреде Тарентском. Этот человек опасен. Если вы увидите его, не пытайтесь задержать, но немедленно поставьте в известность военную полицию. Повторяю, заключенный...»

Услышав переданное по всему лагерю объявление, Клоринда поняла, что случилось нечто серьезное. Она, без раздумий превысив разрешенный в черте Нового Иерусалима максимум, увеличила скорость боевого бипеда, который забрала из гаража. Прохожим приходилось отскакивать в сторону, чтобы не оказаться сбитыми, и, когда она стремительно удалялась, многие выражали недовольство, вслед осыпая ее бранью.

У нее сердце сжалось, когда, добравшись до здания суда, она увидела около дюжины припаркованных у главного входа полицейских машин и несколько карет скорой помощи. Вокруг царил необычный оживление, в которое и она внесла свою лепту, остановив бипед на крутом вираже и подняв тучу пыли. Не теряя ни секунды, она соскочила на землю и направилась ко входу в суд. Дорогу ей тут же преградил полицейский.

– Стойте, куда это вы собрались? Проход запрещен!

Клоринда попыталась его обойти, но мужчина сделал шаг в сторону, снова встав на пути, и правой рукой стиснул ее плечо.

– Эй, вы что, оглохли? Я же сказал вам...

Без единого слова Клоринда схватила его за запястье и мгновенно вывернула ему руку. Почувствовав, что сустав сейчас хрустнет, полицейский завалился набок, следуя за движением Клоринды, и та воспользовалась этим, чтобы нанести полицейскому удар локтем в висок. Страж обмяк, а Клоринда двинулась дальше ко входу.

Позади нее раздались крики, требовавшие остановиться, но она, не обращая на них внимания, вошла в центральный вестибюль. И сразу заметила следы от разрядов Т-фарад на стенах.

– Клоринда!

Жермандьера была здесь и разговаривала с одним из полицейских. Она тут же подошла к подруге.

– Что случилось? – дрожащим от волнения голосом спросила метавоительница. – Умоляю, скажи мне, что худшего не произошло!

Но полицейские уже вбегали в холл следом за ней и окружали ее. Один из них достал пару наручников и поймал ее руку.

– У тебя тормоза сдали, амазонка? Или ты решила, что можешь себе позволить... ахх!

Практически тем же приемом, что и мгновением раньше, Клоринда вывернула ему руку и приготвила удар локтем, когда вмешалась Жермандьера:

– Нет, Клоринда! Прекрати! Ты ничем не сможешь ему помочь, если окажешься в тюрьме!

Итальянка задержала движение, но усилила хватку.

– Скажи мне, что произошло! – рявкнула она, а побледневший агент старался не заорать от боли.

– Отпустите его! – приказал офицер, с которым мгновением раньше разговаривала Жермандьера. – Отпустите его, и обещаю, что вас не арестуют!

Клоринда взглянула на него. Брюнет, лет сорока, среднего роста. Черты грубоватые и не блещут красотой, но лицо свидетельствует о прямоте и порядочности. На плечах были погоны капитана.

– Отпустите его! – повторил он.

Молодая женщина ослабила захват, и мужчина упал на колени, едва не потеряв сознание.

– А теперь разойдитесь, – скомандовал капитан, – и ждите снаружи. Я сам разберусь с этой амазонкой.

– Но она только что чуть не сломала руки двум нашим людям, шеф! – запротестовал один из полицейских.

– Знаю, и на вашем месте я бы этим особо не хвастался! Но не беспокойтесь, она ответит за свои действия в надлежащее время. А теперь все вон!

Прекратив спорить, полицейские пошли к выходу, один из них поддерживал покалеченного, чья восковая бледность свидетельствовала, что ему срочно необходимо на воздух.

– Спасибо, Бертран, – сказала Жермандьера. – Ты все правильно сделал. Эти люди в два счета оказались бы в госпитале.

– Знаю, – ответил капитан. – Я видел вас, когда вы проходили Испытание, мадемуазель ди Северо. Очень впечатляюще. Однако, боюсь, после такого вам не избежать небольшой отсидки в камере. К счастью для вас, я знаком с Жермандьерой, и она предупредила меня, что с вашей стороны следует ждать решительных действий.

Дрожа от нетерпения, Клоринда бросила на него настойчивый взгляд.

– Я всю жизнь проведу в тюрьме, если пожелаете, но, заклинаю небом, расскажите, что произошло!

– Он ушел! – тут же почти выкрикнула Жермандьера. – Я пыталась связаться с тобой, но в здании суда установлена система помех, и мессенджеры не работают. Я не смогла повидаться

с ним до заседания. Когда я прибыла, двери были уже закрыты. Тогда я стала ждать, надеясь, что кто-нибудь будет заходить в зал или выходить из него. Я просто бесилась оттого, что не могла тебе позвонить. И вдруг услышала крик. Ужасный крик. А потом сразу шум схватки и выстрелы Т-фарад. И тут с диким грохотом дверь зала заседаний разлетелась вдребезги, снесенная разрядом. Я инстинктивно бросилась на пол, чтобы защититься. И едва успела заметить Танкреда, промчавшегося сквозь пробитую брешь с оружием в руке. В несколько прыжков он был уже у выхода.

– На нем все еще был его «Вейнер-Ников», – вмешался Бертран. – Чертовски серьезная ошибка оставить его в экзоскелете, пусть даже без оружия.

– Если уж он решил сбежать, – заметила Клоринда, – никто из ваших людей не сумел бы ему помешать, будь он в боевых доспехах или без.

Капитан не ответил.

– Я кинулась к выходу, чтобы попытаться отследить, в какую сторону он направляется, – продолжала Жермандьера, – но он уже исчез из вида. Просто невероятно, что он творит со своим «Вейнером». Думаю, я в жизни не видела, чтобы кто-то двигался с такой скоростью. И тут я заметила знакомого помощника-спеца и попросила его сбежать предупредить тебя. Несколько минут спустя прибыла военная полиция. Командиром их отряда оказался Бертран.

Клоринда внезапно ощутила, что у нее подгибаются ноги, и вынуждена была присесть на скамью в холле. Встревоженная Жермандьера пристроилась рядом. Бертран остался стоять. Итальянка больше не могла сдерживать слезы.

– Господи, зачем он это сделал? – прорыдала она. – Теперь за ним будут охотиться, на нем навсегда останется клеймо позора. Может, я никогда больше не увижу его!

Беспомощная перед горем подруги, Жермандьера почувствовала, что сама сейчас заплачет. Она постаралась сдержаться, чтобы не усугублять скорбь Клоринды.

– Я вас понимаю, – проговорил Бертран тоном, в котором прозвучало гораздо больше сочувствия, чем можно было ожидать от капитана полиции. – Жермандьера вкратце рассказала мне, какие планы были у вас с лейтенантом. Но не все еще потеряно. Если он сам в ближайшее время сдастся, его пощадят, это точно.

Клоринда утерла слезы рукавом.

– Он этого не сделает, – глухо сказала она. – Чтобы дойти до такой крайности, он должен был столкнуться с огромной несправедливостью. И можете мне поверить, если он думает, что правда на его стороне, *ничто* не сможет заставить его отступить.

– Но ему ничего не остается, кроме как сдаться, – задумчиво протянула Жермандьера. – Он не может до бесконечности прятаться в военном лагере, даже таком большом, как Новый Иерусалим.

– Он и не будет прятаться. Он уйдет, я знаю.

– Уйдет? Но куда?

– Не важно куда. Он уйдет, и я его больше не увижу.

– Но он не сможет выжить в одиночку на этой планете. Это невозможно!

Неожиданно Клоринда повернулась к Жермандьере. Выражение ее лица резко изменилось. *Он не сможет выжить в одиночку.*

Льето.

Молодой фламандец непременно захочет сопровождать его в побеге. Для тех, кто хорошо знал обоих мужчин, это было очевидно. А Льето, вполне вероятно, прежде чем покинуть лагерь, решит попрощаться с братом. А значит, если Клоринда не будет медлить, у нее есть шанс, пусть крохотный, увидеть их перед уходом.

– Я должна идти, – воскликнула она, стремительно поднимаясь. – Спасибо за помощь, капитан!

– Как? Но что... – начал было тот, но замолчал. Клоринда уже миновала центральные двери и под недобрыми взглядами стоящих на посту полицейских сбегала по лестнице к своему бипеду.

Уже спускались сумерки, когда Клоринда зашла в третий блок 78-го смешанного пехотного подразделения, где размещались братья Турнэ. Там было пусто. Разъяренная тем, что интуиция подвела ее, Клоринда топнула ногой.

– Кто здесь? – донесся голос из глубины дортуара.

Над одной из ширм, разгораживающих койки, появилась голова Энгельберта.

– О, слава богу, ты здесь! – с огромным облегчением воскликнула Клоринда, направляясь к нему.

И только тогда заметила, что у полевого наводчика красные глаза, как будто он плакал. Она не ошиблась, но пришла слишком поздно. Увидев, как изменилось лицо молодой женщины, Энгельберт понял, на что она надеялась.

– Мне пришла в голову та же мысль, что и тебе, – угрюмо буркнул он. – Когда я услышал объявление тревоги, то поступил, как все, и бросился к зданию суда. Глупо, конечно. Как будто Танкред мог застрять там. И только на полдороге понял, что не вижу Льето. И у меня сразу появилось плохое предчувствие. Я помчался назад так быстро, как только мог, а когда появился здесь, они уже готовы были уйти.

Энгельберт замолчал и глубоко вздохнул. Он казался потрясенным.

– Я старался, как мог, удержать Льето, но все было впустую. Я так и не нашел нужных слов. С самого начала этот проклятый Танкред его словно приворожил! Невозможно было его образумить. Он решил уйти, и Танкред даже не попытался его переубедить! Как он мог позволить, чтобы из-за его собственных ошибок молодой парень пустил под откос свою жизнь?

Клоринда сомневалась, что Танкред не постарался убедить Льето не сопровождать его. Может, разговор между ними состоялся до того, как Энгельберт их нашел? Она почувствовала, что ее снова охватывает отчаяние. Она разминувшись с ними совсем чуть-чуть, а теперь они наверняка уже далеко. Она не сможет в последний раз увидеть Танкреда и признаться ему, что сожалеет обо всех глупостях, что наговорила тогда.

Нет, нет! Думай, не поддавайся панике!

В конце концов, не так-то просто покинуть военный лагерь, обнесенный укреплениями и окруженный защитными системами. Оба беглеца еще в стенах Нового Иерусалима и, скорее всего, ждут ночи, чтобы попытаться выбраться из него. Но где? И каким образом?

И вдруг она поняла.

Она вспомнила, как однажды Танкред рассказывал, что нашел уязвимое место в системе защиты лагеря, участок охранных ограждений с низким уровнем безопасности. Разумеется, он сразу же доложил инженерам, которые за это отвечали, но те отнесли к нему свысока, задетые тем, что какой-то лейтенант указывает им на промахи в их же работе. На том все и закончилось.

Если, как полагала Клоринда, ничего так и не сделано, чтобы залатать прореху, она готова была поспорить, что они попытаются пройти именно там. На их месте она украла бы провизию и оборудование, а потом дождалась бы глубокой ночи, чтобы сбежать. Значит, ей осталось потерпеть несколько часов.

Хотя Клоринда озаботилась тем, чтобы одеться потеплее, и прихватила на складе термоизолирующую накидку, она замерзла. Вот уже больше четырех часов, как она устроилась между двух скал с накидкой на плечах, и пронизывающий холод центаврийской ночи малопомалу брал верх над защитными возможностями специальной ткани. Однако амазонка оставалась совершенно неподвижной. Не хватает еще выдать себя дрожью. Она и так с трудом отыскивала место, о котором говорил Танкред.

На окраинах плато, где был возведен Новый Иерусалим, многочисленные выходы на поверхность гранитных пород образовывали каменистый хаос, худо-бедно обнесенный защитными барьерами, обычно проходящими перед нагромождениями скал или позади них. Однако здесь было решено пустить ограждение поверху. Скорее всего, инженеры рассудили, что так будет проще и значительно короче, учитывая солидные размеры каменных глыб. Танкред, любивший по вечерам уединяться в таких местах, однажды случайно обнаружил ход, когда-то пробитый в скале древним подземным потоком. Точно под барьером проходил туннель шириной чуть меньше двух метров. Никакая армия никогда не смогла бы воспользоваться им, чтобы захватить лагерь, однако для того, кто хотел тайно выбраться, он был просто идеален.

Время шло, и звезды медленно кружили по небу. К трем часам ночи молодая женщина стала подумывать, что напрасно теряет время и лучше бы ей вернуться в казарму, но в конечном счете ночная свежесть принесла облегчение. Уже привыкнув к специфическому запаху этой планеты, Клоринда даже начала находить в нем определенную прелесть, а ночью он становился еще явственнее, еще резче. Она сделала глубокий вдох, чтобы насладиться им в полной мере, как вдруг уловила едва слышный звук. Мгновенно задержав дыхание, она как можно медленнее выдохнула, чтобы не выдать своего присутствия, потом подтянулась сантиметров на двадцать и выглянула из-за скрывающей ее скалы.

Двое мужчин верхом на першеронах двигались шагом в ее сторону. Поскольку она расположилась прямо над лазом, ведущим в древнее ложе потока, то была уверена, что именно сюда они и направляются. Сердце амазонки забилося. Это они.

Оба двигались почти бесшумно. Першероны работали на минимуме мощности, а их копыта были обвязаны плотной тканью. Старый как мир, но по-прежнему эффективный прием. Объемистые мешки были приторочены к седлам верховых механизмов. По гербам, изображенным на экзоскелете, Клоринда поняла, что первым едет Танкред.

Они уже поравнялись с ней, пора. Она отбросила накидку и спрыгнула со скалы, ловко приземлившись прямо перед ними.

Танкред резко остановил своего перша, и тот едва не встал на дыбы. Лъето молниеносно вскинул винтовку.

– Погодите, это же я! – вскричала она.

– Клоринда? – изумленно откликнулся Танкред, пытаясь разглядеть ее в темноте.

Пока он блокировал управление першероном, чтобы тот не переступал с ноги на ногу, Клоринда подошла к нему, счастливая, что ей удалось его отыскать. Танкред тотчас спешился и сжал ее в объятиях так крепко, как только позволяла его броня.

– Осторожней, ты сломаешь мне позвоночник! – воскликнула она со смехом.

Не обращая внимания на ее слова, Танкред сжал ее еще крепче и впился в губы долгим поцелуем.

– Эй, вы, не шумите так, – прошептал Лъето. – Вы нас выдадите с потрохами!

Влюбленные с сожалением разомкнули объятия.

– Я думал, что никогда больше тебя не увижу, – выдохнул Танкред.

– Я тоже, любовь моя. Я была в ужасе при мысли, что ты уйдешь навсегда.

– Однако, к сожалению, так и будет, – глухо произнес Танкред. – Я должен уйти.

– Нет, останься!

– Я не могу. Единственное, что меня ждет, – это тюрьма.

– Нет, еще ничего не потеряно! Что бы ни произошло в трибунале, все можно исправить, найти выход. А вот если ты уедешь, если ты *дезертируешь*, тебя никогда не простят!

Синие огоньки индикаторов заряда винтовок Т-фарад время от времени высвечивали завитки пара, вырывающиеся у них изо рта, когда они говорили. Танкред медленно огляделся вокруг, словно опасался засады.

– Ты не видишь проблемы в целом, – ответил он. – Если бы ты стояла перед теми судьями, теми марионетками, которых дергали сверху за ниточки, ты бы поняла. Если бы я остался, они навсегда заперли бы меня. Возможно даже, Роберт де Монтгомери устроил бы так, чтобы на каторге я нашел свою смерть в каком-нибудь несчастном случае.

– Нет, обещаю, я буду бороться без устали, чтобы твой процесс был пересмотрен. Может, ты и проведешь несколько лет в тюрьме, но потом нас ждет целая жизнь вместе!

– Вовсе не несколько лет, и ты это прекрасно знаешь. Решения военного трибунала никогда не пересматриваются. А я приговорен к пятнадцати годам.

– Мы не можем здесь оставаться! – тихо вмешался Льетто. – В любой момент может пройти дозор!

Клоринда была растеряна. После всех усилий, которых ей стоило отыскать Танкреда, он все же уходит.

– Ну и что? Если даже в худшем случае тебе действительно придется отбыть весь срок, нам все равно останутся долгие годы. А если ты уйдешь этим вечером, мы никогда не сможем жить, не скрываясь. Ты всегда будешь дезертиром.

Танкред ответил не сразу.

– Ты просишь меня склонить голову перед негодьями, потом гнить годами на каторге только ради того, чтобы оставаться в рамках законности?

Клоринда поняла, что не должна была рассуждать таким образом.

– Разумеется, это звучит нелепо. Я прошу тебя об этом, чтобы потом мы могли жить среди своих, в НХИ, в *нашем* мире, и не таясь.

Танкреда пробрала странная дрожь.

– Пятнадцать лет, Клоринда.

Он произнес это так тихо, что она едва его расслышала.

– Пятнадцать лет, и то, если мне повезет и они забудут про меня, когда я окажусь в тюрьме. Ты хоть отдаешь себе отчет?

Амазонка заколебалась. Она-то думала, что все будет просто, что стоит ему увидеть ее, и он согласится остаться.

– Я прошу тебя о чудовищной жертве, но...

– А ты бы пошла на такое ради меня? – прервал ее Танкред.

– Конечно! Я понимаю, это легко сказать, ведь не меня приговорили ко многим годам тюрьмы, но...

– Нет. Я не об этом. Способна ли ты на подобную жертву ради меня?

С комом в горле Клоринда спросила:

– Но... какую?

– Последовать за мной сегодня ночью, например. Прямо сейчас бежать от этих безумцев и провести всю жизнь со мной на этой планете.

Его слова действовали на молодую женщину как удар кулаком под дых. Она вдруг поняла, что происходит в голове человека, которого она любит, и к ее глазам снова подступили слезы.

– Ты не можешь сравнивать, это же разные вещи, – жалобно сказала она. – Ты не можешь просить меня отказаться от жизни, которая меня ждет!

– Однако это именно то, о чем ты просишь меня.

– Нет, нет. Ничего общего. Тебе же больше нечего...

Она осеклась, но было уже слишком поздно.

– Мне в любом случае больше нечего ждать от жизни, ты это хотела сказать? Провести пятнадцать лет в тюрьме или на этой планете – какая разница?

– Я... нет...

– Зато ты уже сделала выбор между своей блестящей карьерой и жизнью в пустыне с дезертиром, верно?

Этот язвительный тон глубоко задел молодую женщину. Она промолчала.

Льето проявлял все признаки нарастающего нетерпения, но не решался вмешаться.

– Я просто стараюсь сохранить трезвую голову и как можно рациональней анализировать ситуацию, – сказала она наконец. – Единственное, что очевидно, – если ты этим вечером уйдешь, обратного пути у тебя не будет. А вот если сдашься, у нас появится хотя бы шанс остаться вместе.

– Ты очень наивна, если считаешь, что в один прекрасный день они меня выпустят. Там, снаружи, жизнь будет тяжелой, но у меня появится возможность сделать нечто значимое.

– Например? Что ты такого можешь сделать на этой дурацкой, наполовину пустынной планете?

В ее голосе прозвучало больше иронии, чем она того хотела.

– Не знаю... Постараться обжиться, научиться узнавать эту новую землю или даже сделать что-нибудь, чтобы остановить эту абсурдную войну.

Он говорил очень осторожно, как если бы знал, что сказанное им звучит смешно. Для Клоринды все вдруг стало совершенно ясно.

– Так вот оно что! – воскликнула она. – Ты возмечтал о величии! Представляешь себя мстителем за атамидов, заступником угнетенных народов!

– Нет... конечно же, – пробормотал он. – А если и так, не вижу в этом ничего, достойного презрения. И лучше уж так, чем покориться Монтгомери.

– Вот мы и добрались до сути! – в ярости взорвалась Клоринда. – Меня ты упрекаешь в том, что я не хочу пожертвовать ради нас своей карьерой, а самому важнее всего не признать себя побежденным старым врагом!

– Не так громко! – взмолился Льето. – Не так громко, пожалуйста!

Танкред долго всматривался в лицо Клоринды, прежде чем холодно ответить:

– В конечном счете мы всего лишь два эгоиста, верно?

Молодая женщина замолчала. Она слишком хорошо предвидела, что за этим последует, и не понимала, что сказать – что *она могла бы* сказать, – чтобы помешать ему.

– А как два эгоиста сумели бы построить совместную жизнь? – закончил Танкред. – Они несовместимы.

Клоринда изо всех сил пыталась сдержаться, но теперь слезы хлынули, заливая лицо. Все сначала. Это ужасно. Всякий раз, когда им, казалось, вот-вот удастся добиться понимания, они неизбежно отталкивали друг друга, как два магнита с одинаковыми полюсами. Еще сегодня днем она страстно мечтала рассказать ему, как сожалеет о сказанном ею накануне, а сейчас, стоя перед ним, сгорала от желания вновь повторить свои слова.

– Не понимаю, – простонала она. – Я уже не знаю, люблю тебя или ненавижу.

Ее голос прервался рыданием, потом она заговорила снова:

– Но если ты сейчас уедешь, если ты разрушишь нашу общую жизнь еще до того, как она по-настоящему началась, думаю, я возненавижу тебя за то, что ты все погубил.

Танкреду не хватало воздуха; казалось, ему сейчас станет плохо. Он вцепился в луку седла своего перша, мгновение колебался, потом вставил ногу в стремя и вскочил в седло. Усевшись, он в последний раз взглянул на Клоринду и произнес:

– *Нашла себе ты в ненависти счастье, И я не посягаю на него*¹¹.

После чего тронулся с места. Льето двинулся следом.

– Мне очень жаль, Клоринда, – произнес он, проезжая мимо нее. – Прощай.

---

¹¹ Торквато Тассо. Освобожденный Иерусалим.

Еще не веря, Клоринда в отчаянии смотрела, как двое мужчин углубились в узкий каменный туннель и через несколько мгновений исчезли в нем, поглощенные мраком.

IX

Он осторожно пробирается между скал.
Он опасается каждого шага, проверяет устойчивость каждого камня, на который ставит ногу.
Восход приближается, но солнце еще далеко.
Призрачные силуэты каменных глыб мешают зарождающемуся свету добраться до него.
Звук!
Чуть слышный шорох, вон там!
Нетерпеливый скрежет, будто когти скользят по скале.
Он ищет оружие, что-нибудь, чтобы защититься, но у него ничего нет.
Соберись.
Вокруг рыщет какое-то страшное существо, оно уже близко, опасно близко.
Без оружия он не сможет защититься, он погибнет!
Без оружия ты будешь жить. С оружием ты умрешь.
Быстрая тень прыгает со скалы на скалу. Она крупная и проворная!
Она кружит вокруг него, то исчезает, то появляется вновь.
Она играет с добычей, это хищник.
С каждым кругом она подбирается все ближе.
Что ему остается? Он скован – и страхом, и невозможностью действовать.
Ты должен довериться.
Довериться чему?
Доверься своим чувствам.
Его чувства не дают никакой защиты от когтей!
Это создание где-то здесь, перед ним, замершее, неподвижное. Оно лишь темная форма с двумя блестящими точками. Два глаза, холодных, как смерть.
Оно обнажает отвратительно белые клыки, которые выделяются на фоне его черноты.
Прими все.
Сейчас оно обрушится на него и сожрет. Он уже слышит хруст своих костей, перемалываемых жуткими челюстями, звук своей раздираемой клыками плоти.
Прими, что ты часть всего.
Я сейчас умру!
Он делает шаг назад, хочет убежать.
Существо подбирается, готовое одним прыжком преодолеть разделяющее их пространство.
Ты часть всего...

* * *

20 ноября 2205 ОВ

Устрашающее рычание в джунглях вырвало Танкреда из сна.

Он вскочил, еще полностью не проснувшись и нащупывая оружие. Ночью оно откатилось на метр в сторону. Стремительно схватив винтовку, он повернулся к Льето. Молодой человек тоже уже проснулся. С сосредоточенным лицом, настороже, он внимательно всматривался в джунгли, припав на одно колено, но не поднимаясь в полный рост. Солнце уже встало, но в

провале темнота не спешила рассеиваться. В отсутствие ветра листва деревьев, под которыми они провели ночь, была совершенно неподвижна.

– Ты слышал? – прошептал Танкред.

Льето кивнул и медленно выпрямился. Глянув на датчик движения, встроенный в предплечье экзоскелета, он увидел размытое пятно, быстро передвигающееся в двадцати пяти метрах к северо-западу. Указал в его направлении Танкреду и проговорил как можно тише:

– Там. Что-то большое, движется быстро.

Экс-лейтенант сменил позицию, вскинув к плечу Т-фарад. Льето, который оставил свою винтовку в нескольких метрах, прислонив ее к дереву с колючками длиной в ладонь, вытащил пистолет и прицелился в джунгли в направлении предполагаемого контакта. Эта позиция позволяла ему не сводить глаз с датчика движения. Размытое пятно еще приблизилось. Теперь оно было всего в десяти метрах. Тот факт, что они ничего не слышали, доказывал, насколько скрытно передвигается это существо. Пятно остановилось, описало несколько кругов на месте, словно бы в нетерпении. Тишину разорвал второй рык, больше похожий на звук вгрызающейся в металл пилы, чем на звериный крик. Мужчины не обменялись ни словом, напряженные, готовые к контакту. Танкред почувствовал, как увлажнились внутри перчаток его ладони.

– Оно уходит, – неожиданно бросил Льето. – Контакт удаляется, и быстро.

– Дистанция?

– Сорок пять метров, и продолжает увеличиваться.

Ни один из них не шелохнулся.

– Шестьдесят метров... Теперь больше ста.

Танкред опустил оружие и наконец расслабился.

– Побудка могла быть и приятнее.

Он отложил свою Т-фарад, потом взглянул на встроенный в ворот экзоскелета циферблат. Шесть с небольшим утра, бесполезно снова пытаться заснуть.

– На всякий случай оставь включенным датчик движения.

Подойдя к растению, чьи широкие листья с приподнятыми краями задерживали на поверхности столько росы, что образовалась лужица, он окунул туда руки и обтер лицо ледяной, но бодрящей водой.

– Интересно, что бы это могло быть, – проговорил Льето, когда они расположились на одном из плоских камней, которые послужили им сиденьями накануне вечером.

– Представления не имею, – ответил Танкред, отправляясь к седельным сумкам за двумя полевыми рационами.

Он бросил один другу, который поймал его на лету, и присоединился к нему в их импровизированной столовой.

– Может, экземпляр вроде того пресловутого скалотигра, о котором нам рассказывали на инструктаже?

Льето разорвал обертку и немедленно проглотил галету.

– Если так, то нам повезло, что он отправился восвояси.

Затем он достал из рациона черный батончик, бросил его в металлическую кружку и проткнул кончиком ножа. Батончик тут же вздулся, завертелся во все стороны, словно охваченный внутренними судорогами, а потом стал медленно растворяться, пока не превратился в черную дымящуюся жидкость, вскоре заполнившую кружку. Льето поднес ее к губам, дуя, чтобы не обжечься. Сделав глоток, он присвистнул.

– Эй, а с кофе у них явный прогресс, не такое пойло, как раньше! – бросил он товарищу, исполнявшему напротив тот же ритуал.

– Не стоит преувеличивать, – умерил его восторги Танкред, в свою очередь обмакнув губы в синтетическое питье. – Скажем так: пить можно.

– Ну, спал не очень плохо?

– Как убитый.

Покинув Новый Иерусалим почти двадцать четыре часа назад, они, практически не останавливаясь, скакали весь день. Меха-перши не были созданы для бешеной гонки; поэтому они предпочли умеренный аллюр и редкие привалы, нежели обратное. В любом случае было маловероятно, чтобы полномасштабную поисковую операцию развернули ради двух каких-то беглецов, пусть даже столь известных, как Танкред Тарентский и Льетто Турнэ. А раз уж они позаботились о том, чтобы нейтрализовать спутниковые маячки своих экзоскелетов и першеронов, то отыскать их могли бы только истребители-перехватчики. А поскольку большое наступление еще продолжалось, то драгоценные аппараты были слишком нужны на фронте.

Передвижение по этой местности было настолько затруднено, что до наступления ночи, которая вынудила их поискать себе пристанище, они преодолели всего четыреста километров. Поскольку поблизости не обнаружилось подходящего укрытия, они решили выбрать лесистый провал. Почти два часа потребовалось им на поиски такого, чьи отроги были достаточно пологими, чтобы могли пройти першероны, а потом еще три четверти часа ушло на спуск. Когда они расположились на маленькой площадке, покрытой губчатым мхом, сил у них хватило только на то, чтобы проглотить минимальный паек, прежде чем забыться свинцовым сном, – настолько их вымотал этот изнурительный день скачки, а главное, все переживания накануне.

Утром, заставляя себя старательно пережевывать пайки, они при свете зари увидели странный пейзаж лесистого провала.

Они находились в пространстве длиной метров в шестьсот и шириной по центру метров в шестьдесят. Растительность была такой плотной, что глубину провала можно было прикинуть только на глаз. Как минимум сто метров в самой низкой точке. Оттуда, где они расположились, вид на идущую уступами мешанину растений, сцепившихся и словно проросших, как чешуя, друг в друга, сильно сбивал с толка. Непонятно было, откуда начать, чтобы отследить путь в этом растительном хаосе. Слышался плеск множества источников, питавших провал водой, но определить их местонахождение было практически невозможно.

Сами растения словно изощрялись в своем стремлении показаться как можно более необычными на взгляд землян, вольно перемежая сиреневое с фиолетовым, а вовсе не зеленое с коричневым, как на Земле, и используя формы и текстуры, напоминавшие что угодно, но только не растительное царство. Что до животных, то, хотя разнообразные крики и пение доносились со всех сторон, тех, кто их издавал, почти не было видно, – возможно, они были слишком напуганы неизвестными существами, чтобы показаться им на глаза.

Однако, несмотря на кажущуюся враждебность джунглей, Танкред чувствовал себя здесь лучше, чем на поверхности. Тут кишела жизнь, существа дышали, развивались, размножались, умирали. Тут был живой мир.

Танкред снова вспомнил о скалотигре. Прямо перед тем, как проснуться от его рыка, он видел его во сне.

Он не разглядел скалотигра в своем сновидении – возможно, подсознание, ни разу не увидев его наяву, не сумело создать соответствующий образ в грезе – но это был именно он, Танкред не сомневался. Таким образом, странные сны, к которым Танкред почти привык, зачастую несли в себе провидческое начало. В последнем тигр нападал. А вот экземпляр, который приблизился к ним этим утром, ушел, даже не показавшись.

Ах, да я теряю время, пытаюсь найти смысл в бессвязных снах!

– А вот я не очень хорошо спал, – вздохнул Льетто, снимая перчатки, чтобы согреть ладони о горячую кружку. – Без терморегуляции экзоскелета у меня зуб на зуб не попадал. Чертова планета, где постоянно то слишком жарко, то слишком холодно!

Накануне Танкред посоветовал ему отключить обогрев в «Вейнер-Никове», чтобы сэкономить энергию. Поскольку у них нет возможности их подзарядить, лучше как можно меньше использовать альвеолярные батареи. Разумеется, благодаря солнечным энергоулови-

телям скафандров есть возможность частично регенерировать их, однако этот процесс занимает несколько дней. А если им придется сражаться, боевые экзоскелеты разрядятся всего за несколько часов.

– Мне тоже было холодно, – кивнул Танкред, – но я так вымотался, что быстро заснул.

– Честно говоря, не только холод не давал мне спать, – доверительно сообщил фламандец. – Я все время думал о том, что мы сделали.

При этих словах Танкред снова почувствовал себя виноватым в том, что увлек его за собой.

– Еще не поздно передумать. Если ты сейчас вернешься в лагерь и скажешь, что я увел тебя силой, то проблемы у тебя, конечно, будут, но это не разрушит твою карьеру.

Почувствовав, что аргумент слабоват, Танкред добавил:

– А главное, друг, я ни сном ни духом не стану тебя осуждать. В тот момент я согласился, чтобы ты пошел со мной, потому что пребывал в полной растерянности, но это была плохая идея, и у тебя еще есть...

– Кончай распинаться, Танкред. Никто меня не заставлял идти с тобой, и я никогда не стал бы утверждать обратного. Что бы я стал делать в армии, которая подобным образом обращается с таким человеком, как ты? Меня там ничто не держало.

– Но... а твой брат?

– Мой брат прекрасно обойдется без меня. Со своими друзьями-ультра он легко найдет мне замену.

Хоть Танкред и подумал, что друг слишком суров, но не стал спорить. Не место и не время. Он хорошо помнил тяжелую сцену, разыгравшуюся в казарме 78-го всего день назад.

Когда он ворвался в расположение своей части, чтобы забрать кое-какие вещи до того, как там появится военная полиция, его уже ждал Льетто. К счастью для Танкреда, полиция не знала его так хорошо, как молодой супервоин. Тот, прекрасно догадываясь о намерениях своего экс-лейтенанта, решительно настаивал на том, чтобы сопровождать его. Времени на споры не было, к тому же в глубине души Танкред обрадовался, что друг будет рядом, а потому уступил. Тут-то и появился запыхавшийся и почти не владеющий собой Энгельберт. Разразился жесточайший спор: старший брат испробовал все, чтобы удержать младшего, и осыпал оскорблениями бывшего командира. Для Танкреда это был нелегкий момент, но время поджимало, и ему пришлось жестко оборвать ссору и уйти в сопровождении Льетто под взглядом его отчаявшегося брата.

В конце концов, Льетто требовал одного: чтобы к нему перестали относиться как к ребенку и позволили самому принимать решения. Этим утром наступило похмелье; но такова расплата за право самому решать свою судьбу.

Танкред же чувствовал себя на удивление хорошо. У него впервые возникло ощущение, что он свободен, действительно свободен. Конечно, эта эйфория окажется преходящей. Очень скоро реальность безжалостно напомнит о себе, будь то опасностями неизвестного окружения или постоянным страхом, что их поймают, или же вероятной невозможностью вернуться на Землю и увидеть семью. А главное, окончанием отношений с Клориндой. Он знал, что все это стремительно нахлынет на него, затопив целиком, но сейчас он хотел насладиться моментом. Он мог наконец думать и действовать сам, не опасаясь ни собственных мыслей, ни своих убеждений.

Льетто, который справился со своим пайком – и с частью пайка Танкреда, – смотрел на него, размышляя, какой поток мыслей бушует сейчас в этой черепной коробке. Несмотря на следы усталости, лицо его экс-лейтенанта никогда еще не выглядело таким умиротворенным.

– И что теперь? – спросил Льетто наконец, вырывая друга из раздумий. – Что будем делать?

Танкред глянул на него с улыбкой. В голове у него прояснилось.

– Есть у меня одна мыслишка...

* * *

В тот вечер я был мрачен. Впрочем, убирать помойку – не то занятие, которое заставляет прыгать от счастья.

Каждый вечер перед самым наступлением ночи один из нас обязан был вынести накопившиеся за день отходы и выбросить их в провал в двухстах метрах от нашего троглодитского становища. Поначалу мы довольствовались ямой поближе, но вонь, которая неслась оттуда, как только температура днем поднималась, быстро заставила нас подыскать местечко подальше. И теперь все мы были вынуждены по очереди тащить несколько десятков килограммов мусора по каменистой дороге, чтобы бросить его в такую глубокую дыру, что было едва слышно, как он приземляется на дне.

Но каким бы неприятным ни было это занятие, мое дурное настроение оно не объясняло. Причина, конечно, крылась в чем-то другом.

Возможно, все дело в этом дураке Игнасио и его компании записных ворчунов. Игнасио Дестранья был несравненным механиком, способным, несмотря на скудость оборудования, которым мы располагали, поддерживать наши багги в рабочем состоянии, но человека с более негативным мышлением я в жизни не встречал. Я знал, как он сожалеет, что поддался на уговоры и присоединился к нам, и его постоянное критиканство было своеобразным способом нас наказать. В его оправдание следует признать, что ему дали мало времени подумать. Даже очень мало времени – мы предложили ему уйти с нами в последнюю минуту, когда вся операция по побегу уже началась. Механик, которого мы выбрали, загремел в тюрьму за какую-то драку буквально за несколько часов до отбытия, и нам пришлось импровизировать. Кто-то из наших предложил Игнасио, и тот, когда мы до него добрались, долго колебался – что вполне понятно. К сожалению, мы не могли ждать, когда его решение вызреет, и давили на него, пока он не согласился. Не буду преувеличивать и утверждать, будто мы его принудили, но не исключено, что у него сложилось именно такое впечатление, вот он и злится на нас по сей день.

Как бы то ни было, мало-помалу Игнасио стал нашей бессменной занозой. Когда следовало принять решение или обсудить проблему, он всегда был тут как тут, чтобы все усложнить. А что еще хуже, вокруг него образовалась группа, всегда поддерживающая его негативные суждения и тем самым придающая вес его замечаниям. Пока что они были в меньшинстве и не могли заstopорить нормальный ход дел, но я чувствовал, что, если пустить все на самотек, однажды их поведение станет серьезной проблемой.

Хотя в нашем сообществе соблюдалась субординация, я считал делом чести дать каждому возможность свободно выражать свое мнение, как сказали бы до Войны – «демократически», чтобы решения были поняты и приняты всеми. Однако должен признаться, что иногда эта демократия доставала меня до печени.

Так, сегодня после полудня мы провели общее собрание, обсудив организацию предстоящей работы в Котелке. До сих пор хакеры и программисты группы делали, что им бог на душу положит, то есть или работали над тем, что им казалось интересным, или не работали вообще. На мой взгляд, пришло время хоть отчасти упорядочить этот процесс. Для начала определить общую стратегию – хотим ли мы вынудить крестоносцев вернуть нас домой, используя практику информационного терроризма, или же, напротив, предпочитаем, чтобы о нас забыли? – потом распределить задания между всеми биопрограммистами, увеличив таким образом наши шансы добиться цели. С моей точки зрения, в этом был простой здравый смысл. Но не для Игнасио.

Он встал во весь свой рост – метр восемьдесят пять сантиметров, увенчанных лохматой копной темных волос, и разразился потоком пустопорожных рассуждений, защищая то одну

позицию, то другую, так что под конец никто не мог понять, чего он, собственно, хочет, и вся наша дискуссия превратилась в бесполезное сотрясение воздуха. Чувствуя, что момент для прямого столкновения еще не пришел, я дипломатично перенес обсуждение на другой день. И в то же время не стоило прятать голову в песок: практика коллективного согласования имела свои пределы, и, если мы не хотели, чтобы весь механизм нашего существования окончательно пошел вразнос, скоро этому коллективизму придется положить конец.

Несмотря на не столь поздний час, уже стемнело. Мириады маленьких зеленых светлячков, как крошечные изумрудные блески, носились в воздухе по воле ветерка. Я не знал, являются ли они в действительности аналогом земных светлячков или же фосфоресцирующей пылью. В Новом Иерусалиме я такого никогда не видел, а здесь они каждый вечер появлялись в сумерках ровно на час. А потом исчезали так же загадочно, как и возникали.

Поскольку альфа Центавра С еще не взошла, темнота была гуще обычного. Чтобы не подвернуть ногу на каменистой тропе, я включил захваченный с собой фонарик – маленький, почти незаметный – и зажал его в зубах. Чтобы тащить мешки, мне были нужны обе руки. Прежде чем двинуться дальше, я машинально огляделся по сторонам. Даже если я не особо рисковал – с самого начала нашего пребывания здесь мы не заметили ни единого признака присутствия атамидов – мне всегда бывало немного не по себе, когда я оказывался один в пустыне, тем более ночью.

Постоянные возражения Игнасио ставили под удар моральный дух группы, но научная добросовестность обязывала меня признать, что сам я не в состоянии предложить серьезные перспективы. Когда мы организовали свой побег, нами двигал главным образом гнев. Мы больше не желали терпеть постоянное угнетение со стороны господствующего класса и готовы были на все, чтобы от него освободиться. А теперь, после месяца, проведенного в пещерах, многие начали сомневаться в правильности тогдашнего выбора. И я, к несчастью, был в их числе.

В конечном счете, может, лучше было смириться и потерпеть несколько лет, зато сохранить шанс вернуться потом на Землю? При мысли о столь серьезной ошибке в оценке ситуации сводило желудок, но я урезонивал себя, повторяя, что только полный болван может верить, что кто-то даст себе труд возратить бесшипников домой в конце этой войны: корабль и так уже недостаточно велик, чтобы вместить столько народа!

Несмотря на усилия, которые требовались, чтобы волочить мусор, я чувствовал, что холод берет верх над остатками дневной жары. Если я не хочу промерзнуть до костей, возвращаться придется вприпрыжку. К счастью, я уже добрался до провала, служившего помойной ямой. Я с облегчением скинул туда мешки, в очередной раз спрашивая себя, куда может вести этот провал, если мы никогда не слышали, как наши отходы стучаются о дно.

И именно в тот момент, когда я напряг слух, пытаясь различить звук падения, в нескольких метрах от себя, в скалах, окружавших тропу, я услышал какое-то похрустывание.

Сердце чуть не выпрыгнуло из моей груди. Я был далеко от лагеря и не имел ни единой возможности предупредить остальных. Пережевывая свои проблемы, я позабыл о необходимости сохранять бдительность. Что за глупость посылать человека на такое задание в одиночку! В очередной раз неопытность толкнула нас на ошибку, которая может иметь очень серьезные последствия!

Понимая, что смятение мешает мне действовать, я заставил себя выставить вперед тяжелую винтовку Т-фарад, которую носил на перевязи за спиной. Из-за этого маневра я выронил фонарик, и, подбирая его, подавил ругательство, пытаясь вспомнить, с какой стороны донесся звук. Затем мне пришлось нервно нащупывать кончиками пальцев спусковой крючок винтовки. Нашарив неровность в нижней части оружия, я решил, что нашел курок, и нажал на него. К несчастью, я спутал его с креплением перевязи, винтовка отстегнулась и с дьявольским

грохотом упала на землю. В панике я уже собрался наклониться, чтобы поднять ее, как вдруг меня схватили за плечи и резко дернули назад.

Что было дальше, я помню смутно. Звезды и скалы вокруг понеслись кувырком, камни царапали мне лицо, а песок умудрился забиться в рот, когда меня без особых церемоний бросили на землю. Железной хваткой мне скрутили обе руки за спиной, а чья-то ладонь в перчатке зажала мне рот, не давая закричать. Я услышал, как подобрали мою винтовку, а потом почувствовал, что руки мне скрутили чем-то вроде пластикового ремешка. Страх сочился из всех моих пор. Две мощные руки поставили меня на ноги, подняв в воздух, как если бы я весил не больше ребенка, и потащили в сторону от тропы, после чего заставили идти между скалами при синеватом свете налобной лампы боевого экзоскелета крестоносца. Все произошло так быстро, что я даже не успел подумать, были ли нападавшие атамидами или человеческими существами.

Теперь я знал, что армия нас обнаружила.

Все погибло. Умудрившись нас засечь, они, прежде чем пойти на приступ, схватили идюота, который шарился в двухстах метрах от лагеря.

Мы все умрем! И всё из-за меня!

Подталкиваемый в спину, я прошел – скорее, протащился, спотыкаясь, – метров пятьдесят, потом меня остановили за скальной грядой, где я мог орать сколько душе угодно – в пещерах все равно никто ничего не услышал бы. Не знаю почему, но с меня сняли путы. Подумав, что другого случая не представится, я развернулся, молотя кулаками по тому, кто меня освободил, не разбирая даже, где у него голова. Рука, покрытая углеродно-семтаковыми пластинами, без труда отразила мою жалкую атаку, и знакомый голос насмешливо произнес:

– Ты еще не наловчился обращаться с Т-фарад.

Адреналин, в промышленных количествах выработанный моим мозгом, помешал мне придумать какой-нибудь умный ответ, так что я закричал:

– Давайте, сволочи! Не растягивайте удовольствие, пристрелите меня, и покончим с этим!

Не самое поэтичное высказывание, но на тот момент мне не пришло в голову ничего лучше.

– Не буду же я убивать тебя, Альберик, пока не извинился перед тобой.

Думаю, даже если бы в этот момент на меня обрушилась тонна ледяной воды, эффект был бы меньше.

– Танкред?

* * *

Пейзаж на полной скорости мелькал под истребителем-перехватчиком Н-6 «Одноглазый Сокол».

Лейтенант Аделаида Море-Русан дала самолету такое прозвище из-за небольшой асимметрии в расположении оранжевых заглушек на пусковых установках под крыльями. Дефект изготовления, никак не влияющий на общее функционирование аппарата, но довольно забавный с эстетической точки зрения. Если посмотреть под углом в три четверти, когда кокпит открыт, а нос самолета опущен, казалось, будто перед тобой голова птицы с крючковатым клювом и одним почти закрытым глазом. Одноглазый сокол.

– Одноглазый Сокол контрольной башне, визуальное прочесывание восьмого сектора закончено, никакого следа беглецов, – произнесла она. – Повторяю: визуальное прочесывание восьмого сектора закончено, никакого следа беглецов. Жду распоряжений.

Последние лучи заходящего солнца едва пробивались из-за горных цепей на горизонте, бросая странные зеленые отсветы внутрь кабины. Радио изрыгнуло помехи, после чего прозвучал ответ.

– Принято, Одноглазый Сокол. Начинайте прочесывать девятый сектор.

Аделаида Море-Русан не удержалась от раздраженного жеста; переданный камерой ее кокпита, он был прекрасно виден на экранах контрольной башни.

– Одноглазый Сокол контролю. Подтвердите приказ. Стемнело, и я больше ничего не вижу на земле. Поиск бесполезен. Повторяю, подтвердите...

– Не обсуждать приказы! – пролаял голос в наушниках. – Продолжайте поиск, пока преступники не будут найдены. Отбой!

Не требовалось никакого подтверждения, чтобы понять, кто только что, вопреки всем инструкциям по безопасности полета отеснив ее персонального диспетчера, говорил по служебному каналу: Роберт де Монтгомери.

Герцог Нормандский собственной персоной прибыл, чтобы проинструктировать трех пилотов, выбранных для этой охоты на человека. Сам факт, что три боевых самолета были сняты с фронта в разгар наступления на столицу, ясно свидетельствовал, какое огромное значение имели беглецы в глазах пэра королевства.

Хотя все в армии крестоносцев знали, что Роберт де Монтгомери однажды уже попытался заполучить голову Танкреда Тарентского, никто не подумал бы, что он не успокоится на достигнутом. Разжалование и лишение всех наград – это и так много, но герцог, по всей видимости, желал большего. К тому же желал так сильно, что не мог допустить, чтобы Танкред уничтожил себя сам. Ибо ни один солдат не сомневался, что экс-лейтенант, сбежав подобным образом, окончательно поставил себя вне НХИ. Каковы бы ни были причины, солдат, дезертирующий из армии во время войны, становится врагом. Однако накануне, посмотрев на герцога во время инструктажа перед заданием, Аделаида подумала, что тот вне себя от ярости, так как Танкред Тарентский умудрился сам выбрать способ угробить свою жизнь, не предоставив врагам возможности этим заняться.

Если бы это зависело только от него, герцог, безусловно, задействовал бы весь состав истребителей, лишь бы унять свою неудовлетворенную жажду мести. Но получил всего три, что само по себе было немало, учитывая ситуацию. Потерянное время, с точки зрения лейтенанта Море-Русан. Если только они не совершат грубейшей ошибки, эту парочку никогда не поймают, а главное, всем глубоко плевать! Пусть дезертируют, если им захотелось, все равно на этой планете им не зажитья!

Теперь, когда стемнело, ей придется вести поиск по приборам. Термические или кинетические датчики, молекулярные детекторы и так далее. Куча суперпродвинутых систем, которые опытные солдаты, вроде этих двоих, прекрасно научились обманывать. В любом случае Роберт де Монтгомери не может до бесконечности использовать в своих явно личных целях армейские ресурсы. Осталось потерпеть еще несколько дней бессмысленного прочесывания пустыни, и она сможет наконец отправиться на фронт.

– Слушаюсь, господин герцог, – обреченно ответила Аделаида Море-Русан, опускаясь с трехсотметровой высоты к поверхности планеты.

* * *

– Я должен был догадаться, что именно тебя они пошлют выполнить эту грязную работу, – презрительно бросил Альберик. – Самый ретивый из всех солдат! Метавоин со свежообретенной верой!

Бесшипник на редкость жалко выглядел – дрожащий от холода и такой крошечный рядом с двумя облаченными в «Вейнер-Никовы» солдатами. Танкред отбросил подальше только что перерезанные пластиковые стяжки.

– Заткнись, дурак! – сухо оборвал его Лъето. – Сам не знаешь, что несешь!

– Успокойтесь оба! – вмешался Танкред, прежде чем Альберик успел ответить. – Мы не авангард сил быстрого реагирования. На самом деле мы здесь одни.

– Одни? – повторил Альберик. – Вас всего двое? Я знаю, что мы просто дилетанты, но если вы решили, что двух человек будет достаточно, чтобы арестовать сотню, то вы впутались в...

Он умолк, сообразив, что уже сообщил численность группы, его и допрашивать не пришлось.

– Если бы это входило в его намерения, – язвительно возразил Льето, – Танкред и с куда большим количеством справился бы, причем в одиночку. Ты бы лучше послушал, что он скажет, а не кипятился попусту!

Танкред вспомнил, что за все время общения с Альбериком на «Святом Михаиле» Льето всегда вел себя с бесшипником холодно, даже недружелюбно. В отличие от Клоринды, которая принципиально презирала насильно мобилизованных, фламандский солдат, скорее всего, испытывал нечто вроде ревности к дружбе, завязавшейся между двумя мужчинами. Льето заблуждался. Дружба, разделенная с другими, не уменьшается: она прирастает.

– Мы дезертировали.

Для Танкреда ходить вокруг да около означало терять время. Он всегда действовал прямо, насколько это представлялось возможным. Альберик был поражен.

– Дезертировали? Ты хочешь сказать, вы ушли насовсем?

Льето не удержался от шпильки:

– Вообще-то, дезертируют не для того, чтобы назавтра вернуться.

– Точно, – подтвердил Танкред. – Лично я сбежал прямо из военного трибунала.

Как ни трудно было в это поверить, Альберик, казалось, не усомнился в том, что услышал.

– Сейчас не время вдаваться в детали, – продолжил Танкред, направляясь к першеронам, чтобы достать термонакидку из седельной сумки. – Скажем только, что за последние недели я кое-что осознал, а точку невозврата прошел во время очередного задания несколько дней назад. Моральную точку невозврата, а заодно и армейскую, потому что не подчинился приказам и в самый разгар боя скомандовал отход с фронта полутысяче человек. Так что прощения мне ждать не приходилось.

Он вернулся к Альберику и протянул ему накидку. Тот схватил ее, не заставив себя упрашивать. В этот час столбик термометра уже пребывал в свободном падении. Танкред посмотрел ему в глаза.

– Я должен попросить у тебя прощения. Мое поведение по отношению к тебе было недостойно той дружбы, свидетельства которой ты мне неоднократно давал, и хотя я себе не признавался, но потом сильно об этом сожалел. А теперь я избавился от последних иллюзий и вполне осознанно прошу тебя, Альберик, простить меня и забыть все, что я наговорил тебе в нашу последнюю встречу.

Прозвучало это немного выпендренно, но стучащий зубами от холода под своей накидкой молодой человек, казалось, оценил по достоинству и покаяние, и потребовавшиеся для него усилия.

– А ты не мог придумать другого способа сообщить мне об этом? – в конце концов воскликнул он. – Я чуть не помер со страху.

Танкред расхохотался, и даже Льето не сдержал улыбки.

– На самом деле мы долгие часы просидели в засаде рядом с вашим убежищем, наблюдая за вашими перемещениями, а заодно подсчитывая людей и оружие. Кстати, мы дезактивировали кое-какие маячки и детекторы, которые вы тут понаставили. И решили, что лучше подождать, пока ты окажешься один, отвести тебя в сторонку и все растолковать. Если бы мы заявили ко входу в пещеру, кто-нибудь из ваших мог запаниковать и начать по нам стрелять.

– Это даже не предположение, – подтвердил Альберик, – уверяю вас, что начали бы. Но ты забыл объяснить главное: как ты нас нашел?

– Я просто изучил карты района, задав себе вопрос, куда бы я сам направился, если бы задумал сбежать. Потом, задав определенные географические критерии, определил несколько зон, которые показались мне вполне подходящими для такой операции, как ваша. Об одной из них информация, как ни странно, отсутствовала – как если бы кто-то намеренно стер детали из памяти Нод-два. Дальше искать не потребовалось – вы были там.

Альберик покачался, словно у него закружилась голова. Он сделал неловкий шаг в сторону, и Танкреду показалось, что бесшипник сейчас упадет.

– Тебе нехорошо?

– Я только сейчас понял, что нас мог бы вычислить кто угодно.

– Не исключено, что рано или поздно они этим и займутся. Но пока все их внимание сосредоточено на боях, вы в относительной безопасности. На самом деле они думают, что вы не выжили. И зачем тогда растрчивать силы, очень нужные в другом месте, чтобы отыскать трупы?

– И все же мы были недостаточно осторожны, видоизменив на картах слишком большую зону. Это непропорционально, весь контингент крестоносцев мог бы разместиться в такой системе пещер. Какая глупость с нашей стороны! – Он внезапно прервался и глянул на Танкреда. – Кстати, я так понимаю, ты нас не выдал.

Танкред положил руку ему на плечо:

– Я бы никогда этого не сделал.

Альберик кивнул и тоже схватил его за руку:

– Теперь-то я вижу.

– Ладно, не будем же мы вечно здесь торчать, – заявил Льетто тоном, в котором сквозило раздражение.

– Что вы теперь собираетесь делать? – спросил Альберик.

– Не знаю. Уходя из Нового Иерусалима, мы не успели об этом подумать.

– По правде говоря, – вмешался Льетто, – мы надеялись, что вы не откажетесь нас приютить.

Альберик явно ожидал такого ответа, и, похоже, подобная перспектива его не вдохновляла.

– Я-то не против, – высказался он наконец. – Даже наоборот. Но боюсь, что остальные могут придерживаться другого мнения.

– Ну что ж, – ответил Танкред с наигранным оптимизмом, – самое простое – это пойти и спросить их.

Вход в систему пещер был скрыт огромной нависающей скалой, под которой располагалась горизонтальная полость шириной десять метров и высотой три. От нее проходы вели в разные части этого природного комплекса. Сам «вестибюль» был скрыт от посторонних взглядов камуфляжными сетями, а ночью здесь дежурили постовые, предпочитавшие использовать инфракрасные очки, а не фонарики. Предполагалось всеми способами свести к минимуму возможность, что их визуально засечет случайный патрульный, будь он атамидом или человеком.

Когда Альберик вновь появился в окрестностях лагеря, два караульных вздрогнули, обнаружив, что он не один. Они мгновенно вскинули винтовки и пролаяли в микрофоны все положенные сигналы тревоги.

– Не стреляйте, все в порядке! – еще издали крикнул Альберик. – Я не пленник, эти солдаты со мной!

– Команданте Вильжюст, это вы? Вы уверены, что все в порядке?

– Да, да, все хорошо, предупредите остальных, что я вернулся с новыми друзьями!

Танкред склонился к нему:

– Команданте Вильжюст?

Ночь была темной, но Альберiku и не требовалось видеть лицо экс-лейтенанта, чтобы знать, какая на нем нарисовалась улыбочка.

– Лучше воздержись от комментариев.

Оба часовых позволили вновь пришедшим приблизиться ко входу, но оружия не опустили. Они только непрерывно сглатывали, пока солдаты в боевых экзоскелетах пристраивали в сторонке своих першеронов и переводили их в режим ожидания. Из туннелей с винтовками в руках и перепуганными лицами сбежали другие бесшипники, так что очень скоро под большой плоской скалой столпилось уже человек сорок.

Несмотря на гомон, поднятый взволнованной толпой, возгласы, которые неслись со всех сторон, были вполне вняты: нас обнаружили, это конец! Всех трясло от страха. Альберiku пришлось начинать несколько раз, прежде чем он добился тишины.

Когда установилось относительное спокойствие, он объявил:

– Эти двое – Танкред Тарентский и Льето Турнэ. Большинство из вас их знает, потому что это известные солдаты, но на сегодняшний день они прежде всего дезертиры.

Он выдержал паузу, чтобы его слова произвели должный эффект. Среди присутствующих пробежал удивленный шепот.

– Они пришли к нам, потому что им необходимо спрятаться на некоторое время, чтобы решить, что делать дальше. Я хорошо их знаю и отвечаю за них как за себя самого. Поэтому я лично согласен, чтобы они оставались столько, сколько им понадобится. Однако я не желаю навязывать такое важное решение всей группе и считаю, что лучше проголосовать.

Пока он говорил, к ним присоединились остальные бесшипники, и теперь в «вестибюле» собралась добрая сотня человек. Окинув их взглядом, Альберик обнаружил окруженного друзьями и стоящего чуть в стороне от толпы Игнасио.

«Надеюсь, хоть на этот раз ты не создашь мне проблем», – подумал он.

Его предложение посеяло смятение среди собравшихся. Раздались голоса, утверждавшие, что нельзя доверять солдатам-крестоносцам, что они предадут при первом удобном случае и лучше убить их немедленно; другие говорили, что этот лейтенант известен своими разногласиями с властями и его дезертирство наверняка не притворное, а их организации будут очень полезны опытные солдаты; наконец, третьи вспомнили, что Танкред часто вставал на защиту бесшипников и следует как минимум оказать ему ответную услугу.

– А что, если однажды они обернутся против нас, как мы сможем защититься? – высказалась какая-то женщина. – Они ведь тренированные солдаты и со своими «Вейнерами» могут всех нас убить! Стоит хотя бы разоружить их!

– Если бы это входило в их намерения, ничто не помешало бы им убить нас прямо сейчас! – возразил кто-то. – А если они разыскивали нас по приказу армии, то зачем им являться к нам в одиночку? Достаточно было бы предупредить штаб и послать на приступ любое подразделение!

К удивлению Альберика, Игнасио, хоть и шушукался о чем-то со своими приближенными и постоянно искоса поглядывал на солдат, похоже, не горел желанием вмешиваться.

– Посмотрите на меня!

Обративший на себя внимание этим выкриком бесшипник вышел из толпы. Сильвер.

Молодой человек с покрытым плохо зажившими шрамами лицом, слегка прихрамывая, выступил вперед, чтобы все могли его увидеть. Это его той мрачной ночью на «Святом Михаиле» Танкред спас из когтей Аргана.

– Посмотрите на меня, – повторил он уже тише. – Эти отметины, уродующие мое тело, – та цена, которую я заплатил за наше подчинение власти имущим. Но они еще и постоянное напоминание о той жертве, на которую этот человек – он указал пальцем на Танкреда, – пошел,

спасая мне жизнь. Меня не было бы здесь сегодня вечером, как, кстати, нет здесь и некоторых наших друзей из-за всех органов этой армии. Но тот, кто сейчас стоит перед нами и просит убежища, заслуживает его более кого-либо другого. А если к тому же за него ручается Альберик, я без колебаний доверю ему свою жизнь.

Его слова произвели на бесшипников должное впечатление. После короткого мига колебаний, пока каждый определял свою позицию, Сильвер резко вскинул правую руку:

– Я голосую за то, чтобы они остались с нами!

Тогда, одни с неохотой, другие с большим воодушевлением, бунтовщики проголосовали, мало-помалу заполнив пещеру лесом поднятых рук, пока большинство не стало настолько очевидным, что подсчет стал ненужным.

Расплывшись в улыбке, Альберик дружески ткнул Танкреда в бок.

– Добро пожаловать к нам, друг... То есть вы оба, – добавил он, встретив взгляд Льето.

Бывший пехотный лейтенант обратился к собравшимся:

– Спасибо. Спасибо всем. Мы постараемся доказать, что достойны вашего решения. Нам только нужно немного времени, чтобы понять, что делать дальше.

– А что ты можешь сделать в одиночку на этой планете, солдат?

Игнасио Дестранья.

Альберик чуть не хлопнул себя по лбу. Почему механик так предсказуем? До сих пор он вел себя смирно, но желание внести смуту взяло верх.

– Нам тут говорят, что ты надолго не удержишься, а я вот не понимаю, что вы сумеете сделать даже вдвоем на враждебной территории. Если только ты не собираешься вернуться обратно? Может, ты рассчитываешь в одиночку напасть на Новый Иерусалим?

Его язвительный смешок прокатился по вестибюлю, а его друзья захихикали в знак согласия.

– Напасть на Новый Иерусалим? – без всякой недружелюбности переспросил Танкред. – А почему бы и нет?

От изумления Игнасио вскинул брови и мгновенно прекратил смеяться. Зато расхохоталась толпа.

Стараясь улыбаться, как и остальные, Альберик искоса глянул на друга, не зная, смеяться ли над удачной шуткой или тревожиться из-за серьезности лица шутника.

* * *

21 ноября 2205 ОВ

Раймунд де Сен-Жиль комментировал для Петра Пустынника данные, светящимися символами всплывающие поверх голограммы в штабном центре тактического управления. Но Петр его не слушал.

Духовный вождь крестового похода испытывал такое напряжение, что был неспособен сосредоточиться на бесконечной череде технических объяснений. Промокший от пота воротник прилип к шее, и сколько он ни оправлял подрысник, неприятное ощущение постоянно возвращалось. Никогда еще с начала кампании он не чувствовал себя так плохо, и только ценой неимоверных усилий ему удавалось отводить глаза окружающим.

Петр вел внутреннюю борьбу. Ему предстояло принять важное решение, последствия которого могли оказаться неисчислимыми, или же, точнее, делал вид, что верит, будто еще не принял его.

Граф терпеливо разъяснял ему значение символов, которые накладывались на панораму ведущихся на улицах столицы боев, бесконечно растолковывая детали той или иной стратегии, применяемой одним из руководящих операций офицеров. Время от времени из вежливости или желая удостовериться, что Петр действительно слушает, он спрашивал его мнения о какой-

либо текущей схватке, и тот был вынужден поспешно придумывать комментарий – вполне вероятно, бессмысленный – к сцене резни, которая, на его взгляд, ничем не отличалась от предшествующей и будет со всей очевидностью воспроизведена в следующей. Однако, даже если он отошел от военных дел, он оставался Praetor peregrini и в этом качестве должен был притворяться, что внимательно следит за ходом сражений. Во всяком случае, такова была суть строгих наставлений, полученных не далее как этим утром от Урбана IX.

Чтобы завладеть столицей, войскам приходилось с каждым днем драться все ожесточеннее, но, несмотря на запаздывание по сравнению с начальными прогнозами, исход битвы не вызывал никаких сомнений. Петр спрашивал себя, почему эти существа не откажутся от сопротивления и не убегут в горы, подальше от военной машины крестоносцев. Потом он подумал, что, если бы атамиды явились воевать на Землю, он действовал бы подобно им. Да и куда им бежать, имея в виду их перспективы? Даже спрятавшись в горах или забившись в глубины пещер, они могут быть уверены, что крестоносцы рано или поздно их обнаружат. Указания, полученные на этот счет от святого отца, были совершенно однозначны. Пока атамиды остаются на Акии, НХИ будет под угрозой. У несчастных созданий не было иного выхода, кроме как сражаться до смерти, и, похоже, они это знают.

Послав им равнодушный поклон, мимо пульта, который занимали Петр и граф Тулузский, прошел Роберт де Монтгомери. В отличие от Годфруа Бульонского и Боэмунда Тарентского, которые отправились на фронт, герцог Нормандский предпочитал следить за боями на расстоянии, через канал Нод-2 контрольной башни. Не сказав им ни слова, он удалился.

Он больше не считает меня препятствием, подумал Пустынник, значит теперь я для него не существую. Для него важны только те, кто обладает властью, а их он разделяет всего на две категории: союзники или враги.

Именно по этой причине Петр, пусть даже никогда не причислявший себя к действительным союзникам герцога, сегодня наверняка оказался бы во второй категории, если бы его власть над армией уже столь значительно не убавилась. Вынужденная сделка с совестью, с самого начала кампании превратившая его в невольного пособника Роберта, стала ему невыносима. Оглядываясь назад, он теперь сам удивлялся, как вообще мог ее терпеть. И этот человек был ему отвратителен как никогда. Глядя, как тот надменным взглядом обводит поглощенных работой за пультами связи офицеров, Петр понял, что уже принял решение и обратного хода нет. Он почувствовал, как подступает паника, и зал вокруг него закачался. Ему пришлось на мгновение прикрыть глаза.

И все по вине Урбана.

Как раз сегодня Петр решил воспользоваться своим приоритетным правом на связь с папой. На протяжении всего утра он старался поменьше думать о предстоящей встрече, опасаясь, что в последний момент пойдет на попятный. Однако перед принятием решения столь важного, как то, что созрело у него в голове, следовало дать Урбану последний шанс. Последний шанс вновь убедить его.

Поэтому он направился в доставленную со «Святого Михаила» кабину личной тахионной связи, чтобы связаться непосредственно с кабинетом папы в Ватикане. К его большому удивлению, когда он зашел в помещение, образ святого отца уже соткался. Папа его ждал! Он, который всегда заставлял всех ждать себя! Это очень встревожило Петра, но он преклонил колени в середине светового круга, чтобы его тоже было видно.

Избегая сразу коснуться самой болезненной темы, духовный вождь крестоносцев начал с того, что в очередной раз заговорил об этических проблемах, возникших в связи с присутствием на данном этапе кампании такой личности, как Роберт де Монтгомери, хотя прекрасно знал, что святой отец отметет все его соображения одним взмахом руки. Что тот и сделал, причем весьма нетерпеливо. По важности высшая цель крестового похода довлеет над всем

остальным. А потому иногда приходится закрывать глаза на сомнительные моральные качества некоторых его участников.

Петр невозмутимо выслушал знакомые аргументы, впрочем не проявив к ним ни малейшего интереса. Все его духовные силы сосредоточились на следующем вопросе. На настоящей причине этой встречи. С ледяными висками, он в конце концов проговорил пересохшим ртом:

– Я знаю, что этот вопрос покажется вашему святейшеству нелепым, и все же... Я полагаю, что мой христианский долг задать его.

Лицо папы словно осунулось, как если бы он заранее знал, что скажет Петр, и его это удручало. Стальной взгляд голубых глаз уперся в Петра, и тому показалось, что он физически проник в его мозг. Больше ни о чем не раздумывая, он ринулся вперед, словно еще одна секунда молчания окончательно замкнула бы его уста.

– Наши войска медленно, но уверенно продвигаются к святылищу, святейший отец. Оно падет в ближайшие дни. Мы убиваем атамидов тысячами, и вскоре все поселения региона будут очищены от своих обитателей. Если мы применим те же методы к остальной части планеты, потребуется всего несколько месяцев, чтобы эти существа окончательно исчезли, а с ними и их цивилизация.

Челюсть Петра слегка подрагивала; он сделал паузу. Урбан открыто демонстрировал свое раздражение.

– Переходите к делу, Пустынник!

Больше никаких «дражайший Петр» или «Praetor peregrini», понял Петр, моя опала не ограничилась стенами Нового Иерусалима. Внезапно священник испугался, что неверно оценил ситуацию. Может, все еще хуже, чем ему представляется? Может, снаружи его ждет стража, чтобы бросить в темницу, едва закончится эта беседа?

Я не уйду ни с чем. На Тебя уповаю, Господи!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.